

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования

«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Ляпкина Анна Алексеевна

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

(XVIII в. – 1861 г.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор

Жеравина Аниса Нурлгаяновна

Томск – 2017

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Сельскохозяйственная колонизация Верхнего Прииртышья в XVIII в.	46
1.1. Закрепление Верхнего Прииртышья за Россией.....	46
1.2. Хозяйственное освоение Верхнего Прииртышья	54
1.3. Территориально-административное развитие Верхнего Прииртышья в процессе крестьянской колонизации	83
1.4. Состояние хозяйственной деятельности в Верхнем Прииртышье к концу XVIII в.	96
Глава 2. Деревня Верхнего Прииртышья в условиях приписки к Колывано-Воскресенским (Алтайским) заводам	113
2.1. Включение Верхнего Прииртышья в состав Колывано-Воскресенского горного округа	113
2.2. Интеграция приписной деревни Верхнего Прииртышья в систему кабинетского землевладения на Алтае	135
2.3. Хозяйственное развитие Верхнего Прииртышья в XIX в.	158
2.4. Экономика деревни Верхнего Прииртышья накануне реформы 1861 г.	197
Заключение.....	212
Список использованных источников и литературы	221
Список иллюстраций и таблиц	270
Приложение А. Типологическая карта-схема крестьянского хозяйства Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1825–1851 гг.	274
Приложение Б. Жители Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской слобод по данным четвертой ревизии (1782 г.).....	275
Приложение В. Численность населения Усть-Каменогорской слободы Семипалатинского уезда Колываноского наместничества на 1795 г.	277

Приложение Г. Обеспеченность селений Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей сенокосными угодьями (по состоянию на 1798 г.).....	278
Приложение Д. Обеспеченность селений Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Убинской волостей строевым и дровяным лесом (по состоянию на 1798 г.)	280
Приложение Е. Показатели уровня развития крестьянских хозяйств волостей Верхнего Прииртышья	284
Приложение Ж. Подписи на расписках жителей деревень Крутоберезовской волости с просьбой об отсрочке приписки крестьян к Колывано-Воскресенским горным заводам, приложенные к рапорту старосты Федора Зуева от 4 августа 1798 г.....	286
Приложение И. Размеры пашен крестьян, подписавших расписок от земских изб Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостей о согласии осуществить расклады в заводские работы	290
Приложение К. Сведения о крестьянах Крутоберезовской волости, желающих переселиться на новые места.....	292
Приложение Л. Сведения о крестьянах Убинской волости, желающих переселиться на новые места.....	293
Приложение М. Численность населения в волостях Верхнего Прииртышья	294
Приложение Н. Посевы сельскохозяйственных культур в волостях Верхнего Прииртышья за 1847 г.	298
Приложение П. Посевы крестьян Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей в 1798–1860 гг.	301
Приложение Р. Разведение лошадей в деревнях Верхнего Прииртышья	303
Приложение С. Обеспеченность крестьян лошадьми на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.	305
Приложение Т. Расположение крестьян волостей Верхнего Прииртышья в работы на заводы и рудники в 1853 г.	307

Приложение У. Скотоводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей.....	309
Приложение Ф. Обеспеченность крестьян крупным рогатым скотом на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.	311
Приложение Х. Скотоводство в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.	313
Приложение Ц. Овцеводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей.....	315
Приложение Ш. Количество мелкого рогатого скота из расчета на ревизскую душу и двор в крестьянских хозяйствах Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1838–1860 гг.	317
Приложение Щ. Обеспеченность крестьян ульями на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.	319
Приложение Э. Развитие пчеловодства в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей ...	321
Приложение Ю. Продажа продуктов крестьянами Крутоберезовской и Чарышской волостей за август 1830 года	323
Приложение Я. Продажа крестьянами волостей Верхнего Прииртышья продуктов в 1849 г.	325

Введение

Актуальность и научная значимость. Приписная деревня Западной Сибири изучена достаточно тщательно, но немногие исследования в этой области касаются волостей, располагавшихся в верховьях Иртыша. Однако эти территории обладают своей спецификой, заключающейся в их приграничном положении: проживавшее здесь русское население соседствовало со степными кочевыми народами. Своеобразие населения Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей, располагавшихся в верховьях Иртыша, заключалось также в том, что в значительной степени оно состояло из переселенных сюда русских старообрядцев, которые были возвращены из Польши в 60-х гг. XVIII в. и получили самоназвание «поляки»; их культурные традиции оказали влияние на жизненный уклад и организацию крестьянского хозяйства. Старообрядцы, оберегавшие по возможности свои традиции, оказались в состоянии сложного взаимодействия с кочевниками и кабинетской администрацией, включившей этот район в состав Алтайского горного округа. Этот феномен истории хозяйственного освоения Сибири заслуживает пристального изучения.

Степень изученности темы. Историографический обзор заявленной темы не может и не должен проводиться вне контекста изучения истории алтайской приписной деревни в целом. Однако выбор работ историков предопределен вектором изучения именно Верхнего Прииртышья. Обладая самостоятельной научной ценностью, рассмотрение истории деревень Верхнего Прииртышья XVIII – первой половины XIX вв., которые представляют собой особый тип социальной, экономической и культурной среды обитания русских людей, определяемой нами как фронтир, призвано расширить и углубить понимание эволюции алтайской приписной деревни вообще. В этой связи закономерно обращение к богатой историографии Алтайского горного округа XVIII – первой половины XIX вв. Вместе с тем, заявляя региональный аспект в изучении Алтайской доприписной и приписной деревни, мы предполагаем не только критическое прочтение исследований предшественников в части задаваемого ими контекста, но и

выявление в них ценного и полезного материала, оценочных суждений для раскрытия предмета изучения – русской деревни Верх-Иртышского фронта в конце XVIII в. – 1861 г.

В историографии заявленной темы по сложившейся в изучении алтайской приписной деревни традиции целесообразно выделить дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Дореволюционный период. Определенные оценочные экспертные суждения содержатся в работах современников изучаемого периода, отражающих мировоззренческие позиции своего времени. Именно эти работы дают основания рассматривать заявленный регион с позиций фронта, поскольку в них – на уровне наблюдения и аналитически – отмечены специфичность окраины горного округа.

Важный материал собран К.Ф. Ледебуром, побывавшим на Алтае в 20-х гг. XIX в. Путешественник особо отмечал благодатность Верхнего Прииртышья для развития крестьянского хозяйства. Ученый систематизировал хозяйственные показатели горнозаводских волостей (в частности, Верхнего Прииртышья) за 1826 г. Эти данные, представленные в виде таблиц, по мере совершенствования методологии исторических исследований сохраняют свою ценность¹.

Фундаментальное всестороннее исследование хозяйственной жизни округа содержится в «Описании Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г.» А.И. Кулибина, который фиксирует состояние алтайской деревни несколькими годами позже, чем К.Ф. Ледебур в своем труде. Сам факт повсеместного территориального анализа состояния приписной деревни А.И. Кулибиным свидетельствует о том, что внутри округа к тому времени четко обозначилась территориальная дифференциация, и автор исходил из необходимости разработать политику в отношении деревни с учетом территориально-хозяйственной специализации². Для него Верхнее Прииртышье специфично в

¹ Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993.

² Кулибин А. И. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1838 г. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала X веков. Ч. 1. Барнаул, 2005.

плане экономического развития деревни уже не просто с точки зрения наблюдателя, внимательного путешественника, автор видит явные статистические доказательства этой специфики.

С целью внесения управленческих коррективов в социально-экономическую политику по отношению к Сибири вообще и Алтайскому горному округу в частности, писал свою работу Ю.А. Гагемейстер по поручению Сибирского комитета, учрежденного в Петербурге в 1852 г. В его «Статистическом обозрении Сибири» рассматривается вопрос миграции крестьян в Сибирь и в Сибири³.

Приписные крестьяне стали объектом специального собственно исторического изучения таких известных исследователей второй половины XIX в., как Н.М. Зобнин, В.И. Семевский, И.И. Тыжнов⁴.

Н.М. Зобниным впервые была определена двойственность положения приписных крестьян, выражавшаяся в необходимости исправлять наравне с государственными и заводские повинности. Он первым акцентировал внимание на неоднозначности этой категории крестьян, связанной с вписанностью в горно-металлургическое производство, что влияло на их хозяйственную жизнь. Обозначенная двойственность свидетельствовала о том, что крестьяне воспринимали свой социальный статус как проблемный.

Напряженный характер взаимодействия русских людей с пограничными народами отмечается в работах И.И. Тыжнова. Ключевым обстоятельством для него является определение территории как спорной, представлявшей интерес для

³ Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 1. СПб., 1854 ; Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 2. СПб., 1854.

⁴ Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае / Алтайский сборник. Т. 1, вып. Томск, 1894 ; Приписные крестьяне на Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. Ч. 3. Барнаул, 2009 ; Семевский В. И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII века / В.И. Семевский // Русская мысль. 1900. № 1 ; Тыжнов И. И. Из истории горнозаводского населения на Алтае (Материалы для истории крепостного права в Сибири) // Алтайский сборник. Т. VI. Барнаул, 1907 ; Его же. Из истории горнозаводского населения на Алтае (материалы для истории крепостного права в Сибири) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. Ч. 3. Барнаул, 2009 ; Его же. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013.

кочевников, а также для тех государств, которые стремились включить их в сферу своего влияния.

Материал, характеризующий условия возвращения в Россию бежавших за границу старообрядцев, содержится в исследованиях историка крестьянства, придерживавшегося либерально-народнических взглядов, В.И. Семевского. В целом он обращает внимание на такую категорию крестьянства Верхнего Прииртышья, как «поляки». Это беглые русские старообрядцы и потомки беглецов, которые ранее нашли себе пристанище за границей (в первую очередь, в польском центре старообрядчества Ветке) и в 60-х гг. XVIII в. в результате военной операции были возвращены в Россию. Часть этих крестьян, отправленная на поселение в Верхнее Прииртышье, и получила такое универсальное обозначение, как «поляки». Он уделил особое внимание попытке сформировать военные полки из беглецов, возвращенных из Польши. Эти полки должны были обеспечивать охрану сибирских рубежей.

Уровень социологического обобщения в работах перечисленных авторов предопределил базовые вопросы для последующего изучения историками алтайской приписной деревни вообще и Верхнего Прииртышья в частности в XVIII – первой половине XIX вв.

Замечания об исключительно благоприятных условиях верховий Иртыша содержится также в работах П.А. Чихачева, Н.М. Ядринцева, П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Восхищение вызвал у П.А. Чихачева мед, которым его здесь угощали, исследователь сравнивал его с греческим – по ароматности и вкусу⁵. Не меньшее восхищение выказал Н.М. Ядринцев, который сравнивал южную часть Сибири со швейцарскими Альпами, подчеркивал разнообразие растительности и благоприятные условия в верховьях Иртыша как для хлебопашества и скотоводства, так и для пчеловодства.⁶

⁵ Чихачев А. П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.

⁶ Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири : доклад Н. М. Ядринцева (по случаю торжества 300-летия Сибири). СПб., 1884.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский, вслед за путешественником XVIII в. П.С. Палласом, отмечал уважительное отношение к труду у поляков⁷.

Путешествуя по верховьям Иртыша, исследователи обратили внимание не только на богатство природы, но и на неодинаковость деревень в регионе, в частности, на разнообразие деревень ссыльнопоселенцев-колодников и старообрядцев-«поляков». В своих работах путешественники расставляли акценты, также определившие проблематику последующих исследований. Прежде всего, отмечалось преуспевание старообрядцев, основанное на уважительном отношении к труду. Кроме того, исследователями отмечалось сохранение отличий не только в обрядах, но и в строительстве жилищ, планировке и организации поселенческого пространства. Все это еще более укрепляет уверенность в целесообразности и правомерности отдельного изучения особенностей доприписной и приписной деревни региона. Обращает на себя внимание, что уже дореволюционных историков заинтересовал феномен мощи хозяйства крестьян старообрядческой деревни Верхнего Прииртышья. Исследователи искали и находили особую миссию данной категории крестьян в хозяйственном освоении пограничья и делали акцент на их колоссальной приспособляемости к изначально невыгодным условиям приписки.

Локальное рассмотрение Верхнего Прииртышья в этнографическом отношении было очевидно и бесспорно для М. Швецовой, которая посетила в конце XIX в. Риддерскую волость и пообщалась с потомками «поляков». Несмотря на то, что на изучаемой территории она побывала позже рассматриваемого в данной работе периода, в ее исследовании содержатся выводы о том, что обычаи старообрядцев, позволявшие им устойчиво развиваться, своими корнями уходят в XVIII в., и даже в глубины досибирской жизни их предков⁸.

⁷ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства... ; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М., 2007.

⁸ Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1898. Кн. XXV ; Ее же. «Поляки»

Таким образом, для дореволюционного периода изучения алтайской приписной деревни вообще и деревни Верхнего Прииртышья в частности характерны, наряду с накоплением фактического материала в результате наблюдения за крестьянской жизнью, также и серьезные научные обобщения. Применительно к заявленной теме диссертационного исследования важно то, что впоследствии в исторической науке ученые рано или поздно должны были обозначить бесспорную специфику деревенской жизни такой предельно обобщающей категорией, как фронтир. Между тем, такая постановка вопроса в советской историографии была отодвинута во времени в связи с доминированием марксистской методологии исторического исследования.

Следует сказать, что дореволюционные исследователи алтайской приписной деревни рассматривали различные вопросы в комплексе общероссийской истории. В консервативной традиции кабинетское землевладение анализировалось в ретроспективе с точки зрения эффективности и устойчивости управления. А вот в демократической традиции особо ярко и остро была сформирована повестка исторического осмысления социальной сущности приписной деревни. Наряду с констатацией неоднозначности и неоднородности социального положения крестьянства, проблема формулировалась сквозь призму оценок социальной справедливости. Последние оценочные методологические суждения об алтайской приписной деревне, в том числе и дореформенного периода, стали доминантой и в части формирования проблематики изучения приписной деревни, и в части мировоззренческих оценок в последующей советской историографии. Историкам советского периода преимущественно предстояло вооружиться марксистско-ленинистской теорией и, по мере необходимости решения советским обществом текущих социальных задач, осмысливать их в исторической ретроспективе.

Советский период. Историография кабинетского землевладения на юге Западной Сибири была гармоничной составляющей всей советской

историографии дореволюционной России. Важность и значимость индустриального и аграрного развития страны обуславливала изучение исторического опыта с одной стороны, и выявление тенденций развития и понимания социальной природы процессов, происходивших в дореволюционной России с точки зрения степени зрелости предпосылок социалистической революции — с другой.

В советский период русские поселенцы верховий Иртыша дореформенного периода как объект исторического исследования претерпели соответствующую эволюцию. Первоначально их рассматривали в ракурсе такого общего явления, как алтайское приписное крестьянство. По мере того, как скрупулезно исследователи в режиме острой и глубочайшей дискуссии проанализировали всю многоаспектность развития алтайской приписной деревни, сложились необходимые и достаточные условия проверки и эмпирических, и теоретических выводов о характере и сущности всего многообразия кабинетского землевладения на юге Западной Сибири на примере типологических локальных образований внутри алтайской приписной деревни.

Итак, господство классового подхода детерминировало проблематику исследований. Показательна в этом отношении дискуссия по поводу владельческой принадлежности приписного крестьянства, в рамках которой сформировались две научные школы — «новосибирская» и «томско-барнаульская». Первая из них (Н.М. Миненко, Г.П. Жидков, Т.С. Мамсик и др.) сближала положение приписных крестьян с государственными, вторая (С.С. Лукичев, Ю.С. Булыгин, А.Н. Жеравина и др.) — характеризовала их статус как сопоставимый с частновладельческими, делая акцент на тяжести их положения. Умозаключения представителей сторон дискуссии были следствием разного толкования уровня и характера социально-экономического развития дореформенной деревни. Надо сказать, что историки одинаково понимали должествующую логику развития такого базового элемента экономики деревни, как крестьянское хозяйство. А именно, ему не то чтобы не отказывали в капитализации, но даже обязательно предписывали трансформацию в товарно-

капиталистическое производство. В этом смысле заслуживает пристального внимания мнение томско-барнаульских историков. Вопрос не в субъективной приверженности к их позиции, которая не опровергала саму вероятность возникновения капиталистического уклада деревни, а всего лишь не обнаруживала достаточных оснований утрировать скорость этих процессов. Вопрос в том, что эмпирически-интуитивное проникновение в социально-экономическую суть развития деревни выводило их на следующий парадокс, который они не формулировали, будучи ограниченными уже к тому времени мертвящей догматикой периода научного коммунизма. Логично из их отрицания и архаичности приписной деревни, и факта вступления ее в русло товарно-капиталистического развития, напрашивается парадокс мощности и своеобразия деревенской экономики. Историки акцентировали свое внимание на тяжести заводских повинностей, они определили разницу в хозяйственном положении приписных крестьян северных сибирских волостей, максимально удаленных от заводов, и крестьян южных, напротив, в наибольшей степени приближенных к заводам и рудникам и, тем самым, обосновывали вопрос правомерности борьбы эксплуатируемых крестьян за улучшение своего положения. В некотором смысле гуманное направление темы избавило томско-барнаульских историков от излишней вульгарной социологизации и схематизации истории кабинетского землевладения на юге Западной Сибири дореформенного периода. Более подробный анализ дискуссии, которая являет собой ярчайшую страницу отечественной историографии, в рамках заявленной темы диссертации представляется нецелесообразным и даже контрпродуктивным. Дело в том, что данный историографический сюжет служит предпосылкой к тому, чтобы сфокусироваться на территориальной детализации и использовании новых познавательных подходов к интерпретации безусловно необходимо вводимых в научный оборот источников.

Что же касается характеристики творчества историков-предшественников, то целесообразно на них посмотреть с точки зрения полезности этого творчества и возможности продолжить осмысление поставленных ими вопросов и

сформулированных трактовок новых проблем. Пристальное внимание уделялось изучению видов социального протеста и классовой борьбы крестьян как угнетаемой категории населения. Как важный вид протеста рассматривались крестьянские побег. Верх-Иртышский фронт приобретает при этом значимость, поскольку становится транзитной или (в большинстве случаев, прежде всего, в XVIII в.) конечной точкой побегов крестьян. Несмотря на то, что бегство имело целью уход от контроля властей, за границей российских владений начинались земли, где проживали иноверцы, чья религия слишком существенно отличалась от христианства. Сама же территория Верхнего Прииртышья, прежде всего Бухтарма, рассматривалась как легендарное царство социальной справедливости – Беловодье. Таким образом, социально-утопическая база в сочетании с тем, что значительную часть населения Верхнего Прииртышья составляли старообрядцы, влиявшие на восприятие крестьянами усиления административного контроля, связанного с припиской, способствуют лучшему пониманию специфики происходивших в регионе социально-экономических процессов.

Как правило, в обобщающих исследованиях приписной деревни историки так или иначе касались указанного круга вопросов. Так, Т.И. Агапова определяла приписных крестьян как собственность императора под управлением Кабинета. Автору принадлежат исследования сопротивления приписных крестьян и мастеровых на Алтайских горных предприятиях. При этом крестьянские побег она рассматривала как пассивную форму сопротивления, которая не сопровождается открытым выражением протеста против существующего строя⁹.

В свою очередь П.К. Алефиренко, рассматривая крестьянский побег в общероссийском масштабе, определяет его не только как пассивный, но и как активный акт крестьянского сопротивления. Изучение побегов государственных и

⁹ Агапова Т. И. Из истории классовой борьбы на Алтайских горных предприятиях в XVIII веке // Краеведческие записки Алтайского краевого музея. Барнаул, 1956. Вып. 1 (Из дореволюционного прошлого). ; Ее же. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII века – 60-е годы XIX века) // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. 1955. Вып. 7.

помещичьих крестьян дало автору возможность сделать заключение, что среди этих категорий побеги были не особенно распространены; практически отсутствовали одиночные побеги¹⁰.

Поскольку источником пополнения заводских работников был рекрутский набор из числа приписных крестьян, изучение данного вопроса также дает определенное представление об отношении крестьян к заводским повинностям и о способах избегания их. С этой точки зрения интересным является исследование горно-металлургической промышленности З.Г. Карпенко. В своих работах она уделяет большое внимание положению мастеровых, тяжелым условиям существования заводских работников, которые вынуждали к побегам. Исследователь составила историографию вопроса борьбы приписных крестьян и работников заводов против эксплуатации. Особого внимания заслуживает рассмотрение З.Г. Карпенко вопроса вольного найма внутри приписной деревни¹¹.

Одним из аспектов обслуживания крестьянами заводов и рудников были поставки провианта. Эта деятельность осуществлялась и в виде заводских отработок, и в виде вольнонаемной деятельности, превращавшейся в селениях, близко расположенных к заводам и рудникам, в разновидность промысла. Последнее обстоятельство характеризуется в работах С.С. Лукичева. При рассмотрении вопроса поставок провианта и фуража на заводы и рудники, исследователь отмечал, что для южно-заводских крестьян они имели первостепенное значение благодаря близости проживания относительно заводов. В рамках изучения алтайской приписной деревни С.С. Лукичев также рассматривает историю бухтарминских «каменщиков»¹².

¹⁰ Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х гг. XVIII в. М., 1958.

¹¹ Карпенко З. Г. Борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян Западной Сибири против феодальной эксплуатации (1800-1860 гг.). Историография // Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института. Вып. 5. Кемерово, 1963 ; Ее же. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860-х гг. Новосибирск, 1963 ; Ее же. Горняки и металлурги Сибири при феодализме // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири : сб. науч. трудов. Новосибирск, 1978 ; Ее же. Рабочие чугуноплавильных и железоделательных заводов Кузбасса в крепостную эпоху // Труды научной конференции по истории Черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957.

¹² Лукичев С. С. К истории бухтарминских «каменщиков» // Из истории Алтая. Томск, 1978.

Вся история формирования горнозаводского округа связана с колониционными процессами. Крестьянские миграции – добровольные и регулируемые государством – во многом определяли особенности населения того или иного сибирского региона. Анализ миграционных процессов, обеспечивших освоение в XVIII в. территории формирующегося горнозаводского округа вообще и выделение в качестве самостоятельного подсюжета формирования населения в верховьях Иртыша, содержится в работах Ю.С. Булыгина. Автор уделяет внимание, в частности, добровольному переселению крестьян в Верховья Иртыша, образованию в регионе деревень и составу их населения. Автор рассматривает приписных крестьян с точки зрения близости их с частновладельческими и характеризует их положение как тяжелое на основе изучения всего спектра разнообразных крестьянских повинностей¹³.

Как целостный феномен, своеобразный в своем хозяйственном развитии, зависимом от задач и управляющего воздействия горнозаводского комплекса, приписная деревня Алтая изучена А.Н. Жеравиной¹⁴. Огромный эмпирический и осмысленный под углом зрения социальной справедливости фактический материал, представленный в исследовании феномена приписной деревни, не оставляет последующим исследователям возможности сомневаться в ее умозаключениях. Научные положения, обоснованные и доказанные

¹³ Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке : в 2-х ч. Барнаул, 1997. Ч. 1 ; Его же. Приписная деревня Алтая в XVIII веке : в 2-х ч. Барнаул, 1997. Ч. 2 ; Его же. Приписное крестьянство как источник формирования рабочих кадров Колывано-Воскресенских горных заводов (XVIII век) // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1976 ; Его же. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой линии в XVIII в. // Вопросы истории : труды Томского университета. Томск, 1967. Т. 190, вып. 3 ; Его же. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материалах о миграции населения Колывано-Воскресенского горного округа // Из истории Алтая. Томск, 1978.

¹⁴ Жеравина А. Н. Крестьянское хозяйство приписной деревни на Алтае (вторая половина XVIII в.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1970 ; Ее же. Влияние заводских работ на хозяйство приписных крестьян Алтая (по материалам второй половины XVIII в.) // Из истории Сибири. Вып.4. Томск, 1972 ; Ее же. Еще раз к вопросу о поставках провианта для заводов и рудников приписными крестьянами Алтая // Из истории Сибири. Вып. 18 : Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1975 ; Ее же. Из истории становления и развития хозяйства приписных крестьян Алтая во второй половине XVIII в. // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976 ; Ее же. Очерки по истории приписных крестьян Кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Томск, 1985 ; Ее же. Повинности приписных крестьян Западной Сибири во второй половине XVIII в. // Вопросы Истории Сибири. Вып. 11 : Из истории крестьянства Сибири : сб. статей. Томск, 1982.

А.Н. Жеравиной, могут быть спроецированы своими «вложенными» смыслами, в том числе, на понимание места и роли Верхнего Прииртышья в системе кабинетского землевладения. Автор вооружает последующих историков теоретическими положениями – суть эмпирически-интуитивными обобщениями, хорошо корреспондирующимися с универсальными традиционными здоровыми смыслами – относительно алтайской приписной деревни в той части, в какой положение крестьян было действительно тяжелым. И в этическом плане нельзя не проникнуться сочувствием и сопереживанием к труженикам, мобилизованным на обслуживание горно-металлургического производства. Особый акцент А.Н. Жеравина делает на изучении положения крестьян тех волостей, которые были удалены от заводов и рудников. Описанные ею издержки такой удаленности для крестьянского хозяйства, позволяют на контрасте, асимметрично определить специфику положения крестьян, оказавшихся в непосредственной близости от заводов и рудников, на которых им необходимо было отрабатывать заводские повинности.

Как уже отмечалось, в советский период была сильна логика изучения приписного крестьянства с точки зрения развития капиталистических отношений. Так, Г.П. Жидков априори определял направленность логики развития приписных крестьян как товарно-капиталистическую, и как следствие, всякое преуспевание крестьян и разнообразие их деятельности интерпретировал именно в этом ракурсе. Уделяя внимание отношениям найма на заводах, он также определяет специфику положения крестьян южных волостей, которые, в силу близкого расположения к заводам и рудникам, оказывались в иных условиях, нежели крестьяне северных волостей Алтайского горного округа при выполнении заводских повинностей. Автор, будучи заложником схемы, лишил себя права трактовать найм как банальную диверсификацию традиционной хозяйственной деятельности крестьян.

Таким образом, в работах, посвященных экономическому развитию Алтайского горного округа в целом и деревни в частности, обозначается

хозяйственное различие в положении крестьян в зависимости от близости или удаленности их проживания от заводов и рудников.

Базовой и оптимальной единицей экономики деревни был крестьянский двор. Этому очевидному обстоятельству придала значение З.Я. Бояршинова. Она характеризовала крестьянский двор как «сосредоточение всех необходимых для производственной деятельности крестьянина феодальной поры трудовых и материальных ресурсов»¹⁵. Каркасом такого крестьянского хозяйства являлась семья. З.Я. Бояршинова рассмотрела развитие крестьянских дворов на примере одной деревни – д. Солоновки (принадлежит как раз к изучаемой нами территории), определив такой масштаб для изучения специфики крестьянской деятельности как необходимый и достаточный. Это также дает основание на современном этапе выделять для исследования отдельные регионы, в рамках которых экономика деревни отличалась своей спецификой.

Безусловной признается консолидирующая роль, которую играла в традиционной деревне крестьянская община, обладавшая доминирующей субъектностью в рамках норм обычного права. Изучению этого феномена посвящены работы Н.А. Миненко. Рассматривая приписную деревню с точки зрения функционирования крестьянской общины, она описала механизм взаимодействия крестьянского самоуправления и администрации горного округа. Крестьянская община рассматривается автором как механизм, регулирующий внутреннюю организацию и отстаивающий интересы сельского сообщества посредством обеспечения связи с горнозаводской администрацией. Н.А. Миненко исследует крестьянские протесты с точки зрения классовой борьбы. Волнения в Убинской, Крутоберезовской и Усть-Каменогорской волостях рассматриваются в рамках череды вспыхивавших в разных частях горного округа протестов и определяются как проявление противодействия крестьянского мира горнозаводской администрации¹⁶.

¹⁵ Бояршинова З. Я. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 7.

¹⁶ Миненко Н. А. Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. :

Особого внимания заслуживает статья Н.А. Миненко «Ссылные крестьяне—«поляки» на Алтае в XVIII – первой половине XIX в.», в которой приводятся сведения об основанных «поляками» в верховьях Иртыша поселениях и данные о численности в них жителей к концу XVIII в. В статье «Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне кризиса крепостничества» автор рассматривает сопротивление крестьян Крутоберезовской, Убинской и Усть-Каменогорской приписок как проявление противодействия крестьянского мира деятельности горнозаводской администрации¹⁷.

Особняком в группе верхне-иртышских земель в нашем восприятии стоит Бухтарма. Будучи наиболее удаленной территорией, она оказалась привлекательной для беглых старообрядцев, и поселенцы здесь обнаруживаются задолго до начала официально регулируемой колонизации Верхнего Прииртышья. После приписки экономика Бухтармы оказывается подвержена тем же трансформационным процессам, которые происходили и в остальных волостях фронта. Заселению Бухтармы, бухтарминским «каменщикам» посвящены работы Т.С. Мамсик, представительницы новосибирской школы изучения приписного крестьянства. Она рассматривала крестьянские побеги как миграционный фактор. Автор указывает на особенность восприятия побегов крестьянами: в противовес официальной точке зрения, они не расценивали уход с прежних мест жительства как преступление. Т.С. Мамсик детально рассматривает случаи обнаружения поселенцев южно-сибирских территорий, оказывавшихся беглецами-старообрядцами. Также автором подробно изучены побеги 30–40-х гг.

Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1980 ; Ее же. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985 ; Ее же. Сибирский вариант территориальной крестьянской общины (XVIII – первая половина XIX века) // Проблемы истории Сибири : общее и особенное : Бахрушинские чтения 1990 г. Новосибирск, 1990.

¹⁷ Миненко Н. А. Ссылные крестьяне—«поляки» на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX в.) Новосибирск, 1983.

XIX в., осуществлявшиеся в поисках Беловодья крестьянами с участием жителей изучаемых волостей¹⁸.

Как уже отмечалось, побеги как форма сопротивления были характерны в большей мере для приписных крестьян. В рамках марксистской теории это рассматривалось И.В. Побережниковым как яркое проявление классовой борьбы крестьян в целом, а также подтверждало вывод о тяжелом положении данной категории крестьян. Осуществляя обзор крестьянских выступлений в XVIII в., он указал на существенное преобладание волнений, инициированных приписными крестьянами. Автор определил основные причины недовольства, а также цели крестьянских волнений. Исследование посвящено событиям, происходившим в XVIII в., оно достаточно интересно, поскольку, с одной стороны, определяет логичность несогласия крестьян Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей с осуществленной в 1797 г. припиской, с другой стороны, указывает на нетипично острый протест крестьян Верх-Иртышского фронта¹⁹. Исследования крестьянских протестов в рамках приписной деревни позволяют рассматривать волнения крестьян Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей в момент приписки как своего рода преемственную реакцию, принимаемую ими за определенный образец поведения.

Будучи включенными в XIX в. в систему горнозаводского производства, крестьяне Верхнего Прииртышья находились под воздействием изменений, которые происходили в горно-металлургическом комплексе. Таким образом, изменение экономики деревни невозможно понять без определения тенденций развития или упадка, характерных для горнозаводского производства. Состояние алтайской горной промышленности в конце XVIII в. – первой половине XIX в.

¹⁸ Мамсик Т. С. О борьбе с побегами мастеровых и приписных крестьян на Колывано-Воскресенских заводах во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Бахрушинские чтения 1973 г. Вып. II : Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973 ; Ее же. Побеги как социальное явление : Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978 ; Ее же. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989.

¹⁹ Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989 ; Его же. Сословно-групповые особенности крестьянских выступлений в Западной Сибири XVIII в. // Проблемы истории Сибири : общее и особенное : Бахрушинские чтения 1990 г. Новосибирск, 1990.

рассматривается в работах В.В. Романова²⁰. Автор связывает упадок горнозаводского хозяйства, признаки которого намечаются в первой половине XIX в., с изживанием старых, феодальных методов. Как следствие, основной целью всех видов борьбы приписных крестьян, урочников и мастеровых автор называет стремление избавиться от заводского гнета. В свою очередь, массовость протестов приводила к расшатыванию внеэкономической системы принуждения, на которой основывалось существование горнозаводской промышленности. В.В. Романов рассматривает вольнонаемный труд как возможную альтернативу взаимодействия крестьян и горнозаводской администрации. Вопрос вольного найма становится наиболее актуальным для крестьян Верх-Иртышского фронта в силу уже отмечавшейся близости к заводам и рудникам горнозаводского комплекса.

Научное обобщение по истории приписной деревни на эмпирическом уровне необходимо и важно подтверждать или опровергать выводами на основе анализа статистических данных. Поволостные показатели крестьянского хозяйства приписной деревни Сибири в XIX в. позволяют судить о динамике развития отдельных его отраслей в сравнительном аспекте. Такие данные представлены в диссертационном исследовании К.В. Русакова, целью изучения которого стало развитие хозяйственной деятельности приписных крестьян Алтая, рассматривающихся как движущая сила хозяйственного освоения региона²¹. Комплекс статистических показателей, вошедших во внушительное приложение к диссертационному исследованию, позволяет расширить круг численных данных и провести более подробный, поэтапный анализ развития крестьянского хозяйства фронта.

Первым опытом самостоятельного рассмотрения Верхнего Прииртышья стало изучение его в контексте миграционных процессов и взаимодействия с

²⁰ Романов В. В. Горная промышленность Рудного Алтая в период разложения и кризиса феодализма : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968 ; Его же. Наемный труд в Алтайской Кабинетской промышленности в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978.

²¹ Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1795–1861 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1987.

кочевыми народами. Специфика заселения территории Верхнего Прииртышья, близость их к спорной русско-китайской границе и, следовательно, ярко выраженный военный характер первоначального освоения, описаны в работах Н.В. Алексеенко, Н.Г. Аполловой и др.²² Авторы указывают, что на хозяйственное освоение Верхнего Прииртышья сильное влияние оказывала близость, как к заводам, так и к пограничной военной линии и ее крепостям. Это сказывалось как на логике выбора мест строительства, когда часть крестьянских поселений была основана на месте переставших действовать военных форпостов, так и на том, что отставные военные и казаки составили часть населения фронтальной территории. Кроме того, одним из факторов социально-экономического развития деревни Верхнего Прииртышья следует рассматривать то, что потребности военных линий оставались источником дохода крестьян даже после вхождения в состав горнозаводского округа.

Миграционные процессы, осуществлявшиеся в ходе хозяйственного освоения Сибири в целом и верховий Иртыша, в частности, рассматриваются также в работах В.М. Кабузана, С.М. Троицкого, А.Д. Колесникова, Ф.С. Кузьминой. В работах указанных авторов раскрываются источники заселения Верхнего Прииртышья²³.

Особый интерес представляют работы А.А. Малых, посвященные развитию пчеловодства на Алтае. Подробное описание и глубина осмысления данной отрасли крестьянского хозяйства позволили автору сделать фундаментальные выводы о мощи крестьянского хозяйства на Алтае в целом и, в частности, в

²² Алексеенко Н. В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. Вып. 2 ; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973 ; Его же. Состав переселенцев в Сибирь // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск, 1978 ; Его же. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. II.

²³ Кабузан В. М. Движение населения в Сибири в XVIII в. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // Материалы по истории Сибири. Новосибирск, 1962. Вып. 1 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. ... ; Кузьмина Ф. С. Переселения крестьян в Сибири в первой трети XIX века // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978.

изучаемом регионе²⁴. Исследование развития пчеловодства имело особое значение для изучения Верхнего Прииртышья. Здесь условия для разведения пчел были наиболее благоприятными, и этот промысел достиг особенно высокого уровня. Ключевую роль в становлении и развитии пчеловодства на Алтае сыграли старообрядцы-«поляки», а само пчеловодство превратилось в налоговую статью, отслеживавшуюся в окладных книгах, что, безусловно, определяет его значение для развития хозяйственной деятельности приписных крестьян верховий Иртыша.

Полезный материал содержится в трудах этнографического характера таких авторов, как В.А. Липинская, А.А. Лебедева, А.В. Сафьянова. В работах этих авторов представлены сведения о традиционном укладе жизни крестьян-«поляков», трудовых традициях и ценности труда, что помогает определить специфику ментальности крестьян Верх-Иртышского фронта. Кроме того, выявленные этнографами особенности устройства жилищ, одежды, праздников и др. наглядно иллюстрируют факт самосохранения общины поляков, консервацию их культурно-религиозных основ существования²⁵.

Сквозь призму управленческого подхода впервые посмотрела на приписную деревню Т.Н. Соболева. В работе «Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)»²⁶ она представляет приписную деревню как сферу обслуживания заводов и рудников, подчеркивая в связи с этим необходимость для горнозаводской администрации решения вопросов организации взаимодействия и выстраивания оптимального управления, в сложную структуру которого входили также и земские управители. Т.Н. Соболева (в соавторстве с М.А. Осиповой) рассматривает деятельность

²⁴ Малых А. А. Из истории пчеловодства государственных крестьян Томской губернии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 18.

²⁵ Липинская В. А. Поселение, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969 ; Лебедева А. А. Этнографические материалы о русском населении южного Алтая (XIX – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979 ; Сафьянова А. В. Хозяйственная жизнь русского населения верхнего Прииртышья во второй половине XIX – начале XX в. // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979.

²⁶ Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. Барнаул, 1997.

заводской бюрократии, акцентирует внимание на «теневой» ее стороне – злоупотреблениях собственной властью²⁷.

В соавторстве с Д.С. Бобровым, Т.Н. Соболева впервые выделила Верхнее Обь-Иртышье как фронт и уже под этим углом зрения стала анализировать процессы заселения и хозяйственного освоения территории с начала XVIII в. Правда, оба автора ограничились постановкой вопроса, приведя сложившиеся представления о Верхнем Обь-Иртышье к определенному формату²⁸.

Для диссертационного исследования особое значение имеют научные выкладки В.А. Волчека, прежде всего потому, что автор обращается к южно-сибирскому региону и анализирует показатели посевов, обеспеченности лошадьми, крупным рогатым скотом, ульями крестьян Крутоберезовского волостного правления за отдельные годы первой половины XIX в. Его исследование настолько скрупулезно, насколько это позволяют методы первичного статистического анализа по определению уровня сельскохозяйственного производства приписной деревни в XVIII – первой половины XIX в.²⁹ Следует заметить, что эмпирически-интуитивные авторские обобщения, верные и убедительные по сути, не всегда обладают однозначным преимуществом над другими трактовками по познавательному инструментарию. Последнее обстоятельство компенсируется комплексностью, всесторонностью рассмотрения экономики приписной деревни. А так как крестьянское хозяйство, представляющее собой многообразие видов хозяйственной деятельности, было самообеспечивающимся, выводы, основанные на остроте и глубине проникновения в тему, оказываются на грани научных озарений.

²⁷ Соболева Т. Н. Алтайская бюрократия 60 – начала 80-х гг. XIX в. (негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) / Т. Н. Соболева, М. А. Осипова // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003.

²⁸ Бобров Д. С. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине в. / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3 (87) ; Его же. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Дневник АШПИ. 2015. № 31 ; Его же. Современная российская историография концепции фронта / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1.

²⁹ Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в конце XVIII – первой половине XIX вв. Кемерово, 1992.

В последние десятилетия по-прежнему плодотворную исследовательскую и организационную деятельность по изучению различных аспектов кабинетского землевладения на юге Западной Сибири ведет А.Н. Жеравина. Под ее руководством осуществляется изучение вопроса интеграции крестьянского хозяйства в состав горнозаводского округа. Приписная деревня еще более убедительно, нежели прежде, рассматривается с точки зрения ее тяжелого положения в рамках жесткой системы горнозаводского администрирования. Акцент по-прежнему делается на тяжести положения крестьян удаленных волостей, что подталкивает к изучению волостей, расположенных вблизи заводов. Такое расположение обеспечивало особые условия не только для осуществления отработок, но и для выстраивания отношений с крестьянами удаленных поселений. Важно отметить коллективную монографию «Интеграция приписной деревни и горнозаводского производства на кабинетских землях в Сибири»³⁰, авторами которой стали как представители «традиционной» томско-барнаульской школы понимания сущности приписного крестьянства, так и молодые исследователи, использовавшие в своих работах новые методологические подходы.

В постсоветский период была разрушена монополия на видение исторического процесса сквозь призму теории научного коммунизма. На историю алтайской приписной деревни, в частности, С.И. Толстовым была спроецирована крестьяноведческая теория. Примечательно, что в его диссертационном исследовании познавательный инструментарий с одной стороны, и мировоззренческий уровень осмысления крестьянской жизни – с другой не использовались для ревизии поставленных предшествующей историографией вопросов (в чем проявилась преемственность позиции историка). Методами многомерного статистического анализа, поднимая скрытые информационные пласты, он осуществил хозяйственную типологизацию волостей, входивших в состав Алтайского горного округа. Также, используя математические методы

³⁰ Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства на кабинетских землях в Сибири. Томск, 2006.

исследования, он проанализировал феномен мощи крестьянского хозяйства и доказал, что «имела место эволюция крестьянского хозяйства под влиянием коммерциализации, а не становления капиталистических отношений» и что «приписной крестьянин накануне реформы являл собой новый социальный тип – хозяйствующий в рыночных условиях крестьянин»³¹. Из диссертации следует, что фронтальный регион был особенным в рамках территориально-хозяйственной специализации. В то время как к 50-м гг. XIX в. вся центральная часть округа становится преимущественно скотоводческо-земледельческой, Убинская, Усть-Каменогорская и Крутоберезовская волости объединяются в самостоятельный земледельческо-скотоводческий кластер.

Научные выкладки С.И. Толстова не были в полной мере восприняты в сибиреведении. И, к сожалению, далее не разрабатывались самим автором. Вместе с тем, после его научных изысканий видится необходимым отдельное изучение уже типологических хозяйственно-территориальных образований приписной деревни в русле крестьяноведческого видения процессов хозяйствования деревни. В нашем случае это окончательная санкция на необходимость и возможность изучения деревни Верхнего Прииртышья в аспекте особенностей заселения, хозяйственного освоения и интеграции в систему горно-металлургического производства в дореволюционный период; причем акцентировать внимание предлагается на выявлении столь востребованного ныне исторического опыта, отказавшись от размышлений в русле теоретически заданной капиталистической логики.

Традиционные и современные методологические подходы в изучении разных аспектов кабинетского землевладения использовали В.К. Шкуркина, Е.С. Матвеева, О.В. Усольцева, В.А. Гайдашова. Предваряя краткий обзор их работ, выскажем сожаление о том, что в настоящее время они никак о себе не заявляют в рамках данной проблематики.

³¹ Толстов С. И. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20 – 50-е гг. XIX века : дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2005.

Следует отметить большой ряд публикаций О.В. Усольцевой, потенциально достойный, но так и не превратившийся в диссертационное исследование именно по этой тематике. Работы исследователя посвящены деятельности Горного совета и попыткам преобразования управления приписной деревней в условиях развивающегося кризиса. В статьях «Проблема найма в заводские отработки в системе управления кабинетским хозяйством на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в.», «Проблема уравнивания крестьян в горнозаводских работах сквозь призму обсуждения ее в Горном совете 1853 г.», в частности, содержится анализ специфического, выгодного положения крестьян южной части Алтайского горного округа, а также учитывается фактор их близости к заводам Горного совета при разработке преобразований управления приписной деревней³².

Изучению института земских управителей в структуре управления кабинетскими землями посвящены диссертация и ряд статей Е.С. Матвеевой³³. Земские управители – представители от сельского мира, то звено управления, которое сосредотачивало делегированные сельскими жителями полномочия и

³² Усольцева О. В. Видение хозяйства Алтайского приписного крестьянина в статье Г. Н. Потанина «Полгода в Алтае» / О. В. Усольцева, В. А. Гайдашова // Неверовские чтения : материалы второй региональной конференции, посвященной памяти профессора В. И. Неверова (Барнаул, 29 марта 2007 г.). Барнаул, 2007 ; Ее же. К вопросу о системе учета хозяйственной деятельности алтайских приписных крестьян в первой половине XIX в. // Жизнь в истории : к 100-летию со дня рождения И. М. Разгона. Томск, 2006 ; Ее же. Кабинетская стратегия управления алтайской приписной деревней в первой половине XIX в. (на примере правовых актов о Колывано-Воскресенском горном округе 1828 г.) / О. В. Усольцева, В. К. Шкуркина // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII - начала XX в. Томск, 2007 ; Ее же. Проблема найма в заводские отработки в системе управления кабинетским хозяйством на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Томск, 2007 ; Ее же. Проблема уравнивания крестьян в горнозаводских работах сквозь призму обсуждения ее в Горном совете 1853 г. // IV научные чтения памяти Ю. С. Булыгина, 15 декабря 2006 г. Барнаул, 2007 ; Ее же. Проект введения общественной запашки в Алтайском горном округе в предреформенный период XIX в. // Неверовские чтения. Барнаул, 2007 ; Ее же. Протоколы Горного совета как источник по истории взаимодействия приписных крестьян и власти в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в первой половине XIX века // Материалы международной конференции «Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета», посвященной 105-летию ТГПУ, 75-летию образования исторического факультета ТГПУ (20–21 ноября 2007 года). Томск, 2008. Ч. 1 ; Ее же. Эволюция взаимодействия алтайского приписного крестьянства и горнозаводской администрации во второй четверти XIX в. / С. И. Толстов, О. В. Усольцева // Актуальные вопросы истории Сибири : шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина, 5-6 октября 2007 г. Барнаул, 2007. Ч. 1.

³³ Матвеева Е. С. Земские управители в системе власти на кабинетских землях Западной Сибири (1760–1864 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.

выступало в системе власти как элемент проявления крестьянского самоуправления. При этом существование земских управителей рассматривается как целесообразная, лежащая в русле концепции управления приписными крестьянами, структура, признанная горной администрацией.

Изучение приписных крестьян с крестьяноведческих позиций при рассмотрении развития Алтайского горного округа в рамках теории фронта осуществлено В.К. Шкуркиной. Государственная граница при этом рассматривается не только как полоса, отмежевывающая одно государство от другого, но как определенная территория со своими факторами влияния и условиями сосуществования населения, представленного разными национальностями, конфессиями и т.д. Автор основывает свои выводы посредством сравнения сибирских приписных крестьян и американских фермеров³⁴.

Кратко коснемся еще ряда работ, которые оказались чрезвычайно полезными, менее в теоретическом плане, но более в прикладном отношении. В частности, юридическая сторона регулирования отработок приписных крестьян, закрепление их положения в официальных документах, начиная с плаката 1724 г., рассматривается В.А. Каронновым³⁵.

Определенное значение для изучения населения Верх-Иртышского фронта имеют публикации этнографического и краеведческого характера. Хозяйственные и культурные традиции «поляков» рассматриваются в работах В.А. Липинской, Т.Г. Казанцевой, Н.И. Романовой³⁶.

³⁴ Шкуркина В. К. Хозяйство американских фермеров Среднего Запада и приписных крестьян Алтая в первой половине XIX в. : возможности сравнительно-исторического подхода // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 3 (66) Серия : Гуманитарные науки ; Ее же. Хозяйство приписных крестьян Алтая и фермеров Среднего Запада США в первой половине XIX века : историко-сравнительное исследование : дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.

³⁵ Кароннов В. А. Законодательство отработок приписных Колывано-Воскресенского горного ведомства в XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012.

³⁶ Казанцева Т. Г. Старообрядцы Алтая / Т. Г. Казанцева [и др.] [Электронный ресурс] // Традиции духовного пения в культуре старообрядцев Алтая. Новосибирск, 2002. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301> ; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы : Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М., 1996 ; Романова Н. И. Верхнеубинское старообрядчество Рудного Алтая : историко-культурологический аспект : дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2000.

Интересной представляется краеведческая статья И.Д. Никифорова «Моя Убинка. Мои убинские люди: история в лицах», в которой приводятся исторические данные, касающиеся основания деревень Убинской и Шемонаевской, заселения Бобровской слободы в XVIII в.³⁷

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на колоссальную изученность истории кабинетского землевладения Западной Сибири дореформенного периода, остаются «белые пятна» в сибиреведении, которые если и обозначены, то и не изучены, как сами по себе, так и с точки зрения внесения корректив в историю алтайской приписной деревни дореформенного периода.

Сосредоточение внимания на таких малых территориальных единицах, как волость, дает возможность учесть особенности хозяйственно-территориальной специфики, а в масштабе деревни позволяет принять во внимание суждения самих крестьян, учесть их точку зрения и придать ей научный характер исторической категории.

Объектом исследования в диссертационной работе стало Верхнее Прииртышье, обладающее признаками фронта и в изучаемый период вобравшее в себя Убинскую, Усть-Каменогорскую, Крутоберезовскую, Бухтарминскую волости. **Предметом** является колонизация Верхнего Прииртышья в XVIII в., период колонизации и хозяйственное развитие верхнеиртышской деревни в условиях интеграции в систему кабинетского землевладения на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в.

Цель работы: определить особенности эволюции экономики деревни Верхнего Прииртышья с начала хозяйственного освоения до 1861 г.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Рассмотреть условия закрепления Верхнего Прииртышья за Россией.
2. Выявить условия хозяйственного освоения Верхнего Прииртышья в XVIII в.

³⁷ Никифоров И. Д. Моя Убинка. Мои убинские люди : история в лицах. Усть-Каменогорск : Шығыс Ақпарат, 2012.

3. Изучить заселения региона, место и роль «поляков» в его заселении и хозяйственном освоении.

4. Определить уровень хозяйственного развития Верхнего Прииртышья к концу XVIII в. (накануне приписки к Колывано-Воскресенскому горному округу).

5. Выявить отличительные особенности приписки крестьян Верхнего Прииртышья к Колывано-Воскресенским (Алтайским) заводам.

6. Выявить специфику процесса интеграции региона в систему горнозаводского производства Колывано-Воскресенских (Алтайских) горных заводов.

7. Определить уровень хозяйственного развития деревень Верхнего Прииртышья в условиях интегрированности в систему горнозаводского производства.

8. Изучить состояние деревни Верхнего Прииртышья на 1861 г.

Территориальные рамки исследования включают регион Верхнего Прииртышья, объединивший несколько волостей: Убинскую, Крутоберезовскую, и Усть-Каменогорскую, образованные в конце XVIII в. и вошедшие в свой состав деревни существовавшей ранее Бобровской слободы Барнаульского уезда (большая часть этой территории теперь находится в пределах Восточного Казахстана), а также Бухтарминскую волость, оформившуюся в 1806 г.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала хозяйственного освоения Верхнего Прииртышья до реформы 1861 г.

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные материалы, хранящиеся в таких архивах, как: Российский государственный исторический Архив (РГИА, Санкт-Петербург), Государственный архив Алтайского края (ГААК), Государственный архив Томской области (ГАТО).

Законодательные и нормативные документы представлены законами, манифестами, указами, значительная часть которых включена в состав Собрания законов Российской Империи. По тематике можно выделить несколько групп законодательных документов, которые оказались значимыми для

диссертационного исследования. К первой группе относятся документы, регламентировавшие условия возвращения в Россию и расселения беглых российских старообрядцев. Этот процесс был длительным и сложным, что отразилось в огромном количестве принимавшихся указов и манифестов, предусматривавших как препятствования побегам старообрядцев³⁸ за границу, так и возвращение беглых крестьян. Это такие документы, как:

1. Документы, касающиеся возвращения беглых крестьян из-за границы. Их, в свою очередь, можно условно разделить на «мирные» (призывающие беглецов добровольно возвращаться в Россию), дипломатические (требование от иностранных государств выдачи беглых крестьян³⁹) и «военные», связанные с применением силовых мер для возвращения беглых крестьян⁴⁰. Документы первой группы преобладают. Они принимались на протяжении всего XVIII в. и касались либо непосредственно беглых старообрядцев⁴¹, либо всех категорий беглецов, которым было обещано прощение их вин⁴².

³⁸ См. напр. : Сенатский указ «О непропуске беглых за Польский рубеж и о наблюдении стоящим на заставах драгунам осторожности от нападения разбойнических партий выходящих из Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. VII. № 4273 ; Именной указ, данный из Кабинета Ея Величества Военной Коллегии «Об отправлении Смоленского гарнизонного полка на Великие Луки для распределения по форпостам до самой Лифляндской границы и об удержании крестьян от побегов в Польшу» от 19 мая 1739 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. X. № 7807.

³⁹ См. напр. : Сенатский указ «О выдаче Польских беглых, живущих в Киеве» от 5 апреля 1784 г. // ПСЗ. Собрание I. Т. XVI. 12.125.

⁴⁰ Сенатский указ «О выборе Комиссаров для возвращения беглых Русских людей из Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. VII. № 4273 ; Высочайше утвержденный доклад Кабинет-министров «Об учреждении в Смоленской Губернии крестьян от побегов и о забрании в Польше Российских беглецов находящимися там Российским войсками» от 31 июля 1734 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. IX. № 6609.

⁴¹ Именной указ, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым «О сочинении особого положения для раскольников, которые, удалясь за границу, пожелают возвратиться в отечество с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было» от 29 января 1762 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. XV. № 11.422.

⁴² Сенатский указ «О сборе денег с раскольников и бородачей по окладам в городах и слободах Камерирам, а в уездах Комиссарам» от 11 марта 1726 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. VII. № 4851 ; Манифест «О свободном возвращении в Россию беглых солдат, крестьян и всякого звания людей, ушедших за границу, и о явке их к пограничному начальству в полтора месяца от объявления сего указа» от 11 июня 1734 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. IX. № 6586 ; Манифест «О дозволении находящимся в Польше, Литве и Курляндии, беглым Российским солдатам и другого звания людям, выходить безпрепятственно в Ригу, и там поступать в фортификационные работы и в Дворцовые крестьяне» от 5 ноября 1759 г. // ПСЗ. Собрание 1. Том XV. 11.007 ; Манифест «Об отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецов в Россию, ушедших в разные времена в Литву и Польшу» от 2 января 1761 г. // ПСЗ. Собрание 1. Том XV. 11.179.

Особое внимание вопросу возвращения беглецов из-за границы уделяла Екатерина II, начавшая издавать соответствующие манифесты практически со времени своего восхождения на престол⁴³. Первоначально документы касались добровольного возвращения беглых русских, однако впоследствии, ввиду отсутствия каких бы то ни было значимых результатов таких призывов к добровольному отклику, началось планирование акций по возвращению беглецов с участием российских полков. Именно при Екатерине II была осуществлена известная «выгонка» старообрядцев из Польши в 1763 г.

2. Документы, регулировавшие расселение возвращенных из-за границы беглецов в пределы России. В этих документах отражена динамика изменения отношения власти к возвращавшимся из-за границы беглецам. Сначала им позволялось селиться где угодно, однако впоследствии возможные для расселения места оказались строго ограничены установленными списками⁴⁴. Значительный интерес представляют документы, регламентировавшие переселение старообрядцев и других категорий крестьян в Сибирь и в верховья Иртыша⁴⁵. Согласно сенатскому указу от 17 октября 1760 г. было определено заселение верховий Иртыша – по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и др. – русскими

⁴³ Манифест по случаю коронования императрицы Екатерины II «О прощении вин впадшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» от 22 сентября 1762 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. XVI. 11.667 ; Манифест «О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое Отечество русских людей, бежавших за границу» 4 декабря 1762 г. // ПСЗ. Собр. перв. Т. XVI. 11.720 ; Манифест «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякого звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 лет» от 15 мая 1763 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. XVI. 11.815 ; Сенатский указ «О мерах для возвращения в Россию укрывающихся в Польше и Литве российских подданных, воров и разбойников» от 12 августа 1763 г. // ПСЗ. Собрание I. Т. XVI. 11.894.

⁴⁴ Сенатский указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает» от 20 декабря 1763 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. XVI. 11.738.

⁴⁵ Сенатский указ «О записке и отсылке в Сибирь не добровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов и о зачете крепостных людей владельцам их за рекрут» от 11 мая 1795 г. // ПСЗ. Собрание 1. Том XVII. 12.396 ; Сенатский указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян в зачет их за рекрут, и о платеже из казны за жжен и детей обоюбого пола тех отправляемых крестьян по назначенной в сем указе цене» от 13 декабря 1760 г. // ПСЗ. Собрание 1. Том. XV. №11.166.

людьми в количестве до 2000 человек⁴⁶. В число таких переселенцев вошли и возвращенные из Польши беглые старообрядцы.

Также важными являются документы, в которых описано формирование военных полков из числа возвращенных из Польши старообрядцев⁴⁷. По сути, на поселение были отправлены те крестьяне, которые оказались непригодными для несения военной службы.

Вторую группу законодательных документов составили акты, устанавливающие ограничения, которые накладывались на старообрядцев. Это указы о взимании штрафов за ношение бороды⁴⁸, выявлении неположенных в оклад раскольников и установлению двойного оклада для раскольников⁴⁹, недопущении их к занятию административных должностей⁵⁰ и др.⁵¹

⁴⁶ Сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеуцкаго озера о построении там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам: Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в Иртыш реку, Русскими людьми до 2000 человек» от 17 октября 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. Том XV. 11.124.

⁴⁷ Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии № 11.979 «О сформировании в Сибири для защищения сего края пяти пехотных и двух конных полков, из выводимых из Польши беглых Российских подданных, и о поселении тех из них, кои в военную службу не годны в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества» от 29 ноября 1763 г. // ПСЗ. Т. XVI ; Т. XXXXIII: Книга штатов: Том 1 ; Сенатский указ «О приеме на поселение в учреждающиеся в Сибири полки из выведенных из Польши беглых Российских подданных» от 30 апреля 1764 г. // ПСЗ. Т. XVI. 12.149.

⁴⁸ Именной императорский указ, состоявшийся в Сенате «О взыскании особой подати с бородачей и о ношении ими особаго платья» от 6 апреля 1722 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. VI. 3944 ; Сенатский указ «О поступании с раскольниками, касательно подстрижения ими бород, по прежнему и о ношении указанного платья тем, которые плотно бород не подстригают» от 12 июня 1722 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. VI. 4034.

⁴⁹ Сенатский указ «О мерах ко взысканию с раскольников и бородачей положенного с них двойного оклада; об увещании тех, которые захотят вступить в раскол и о положении с них оклада против раскольников вдвое и о подтверждении указа 1825 Июля 7 касательно выбора раскольников в счетчики» от 12 декабря 1826 г. // ПСЗ. Собрание I. Том VII. 4985 ; Сенатский указ в подтверждение указа 3 марта 1764 г. «О взыскании двойного оклада с явившихся потаенных раскольников» от 16 ноября 1764 г. // ПСЗ. Собр. перв. Том XVI. 12.281 ; Сенатский указ «О сборе со всех явившихся по поданным сказкам раскольников положенного на них оклада» от 29 декабря 1764 г. // ПСЗ. Т. XVI. 12.301.

⁵⁰ Указ «О неопределении раскольников ни к каким делам и о выборе их только в счетчики» от 7 июля 1723 г. // ПСЗ. Собрание I. Том VII. 4750.

⁵¹ Регламент или Устав Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. VI. 3718 ; Высочайшие резолюции на докладные пункты Синода «О предметах, подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дела, о решении оных, о розыске, наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о не укрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковныя преступления и обидах, наносимых Синоду и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшаго Синода» от 12 апреля 1722 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. VI. 3963 ; Указ Синода «О объявлении раскольничьих рукописных книг Духовным правителям» от 15 октября 1724 г. // ПСЗ. Собрание 1. Т. VII. 4578 ; Сенатский указ «О воздержании духовных лиц от неприличных сану их

Следующий блок законодательных документов относится к документам, регулирующим вопросы управления приписными крестьянами и, прежде всего, принуждающим крестьян к выполнению трудовой повинности. В частности, это Горный устав, опубликованный в седьмом томе Собрания законов Российской империи⁵², императорские указы о взятии в казну Колывано-Воскресенских горных заводов в 1747 г.⁵³ и о переводе их в ведение Министерства финансов в 1830 г.⁵⁴ и др.

Делопроизводственная документация включает

- Ревизские сказки,
- Окладные книги,
- протоколы заседаний Горного совета,
- формулярные списки рудничных рабочих.

Важнейшим и наиболее полным для достижения цели диссертационного исследования видом источников считаем окладные книги Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостей. Роль окладных книг при изучении хозяйственной деятельности приписных крестьян убедительно показана в статье З.Я. Бояршиновой «Окладные книги как массовый источник по истории приписного крестьянства Алтайского горного округа»⁵⁵. Данный вид документов охватывает период 1821–1862 гг. Автор делает вывод о репрезентативности данных, сохранившихся в окладных книгах, по 24 волостям. Среди этих волостей, данные о которых сохранились в достаточном количестве, названы Крутоберезовская и Усть-Каменогорская волости.

поступков, при следствиях по делам раскола, и об употреблении им, для обращения заблудшихся, меча духовного, а не гражданского» от 19 июня 1961 г. // ПСЗ. Собр.пер. Том XV. 11.277.

⁵² Горный устав // Собрание законов Российской империи. Том 7. Уставы монетный, горный и о соли. СПб., 1857.

⁵³ Императорский указ «О взятии в казну Колывано-Воскресенских и прочих заводов умершего действительного Статского Советника Акинфия Демидова ; о поселении близ оных заводов пришлых в Сибирь людей и о зарабатывании им там государственных податей» от 12 мая 1747 г. // ПСЗ. - Собр. перв. Том XII. 9403.

⁵⁴ Императорский указ «О переводе в ведение Министра финансов Колывано-Воскресенских и Нерчинских сереброплавильных заводов» от 14 апреля 1830 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 5. Ч. 1. № 3604.

⁵⁵ Бояршинова З. Я. Окладные книги как массовый источник по истории приписного крестьянства Алтайского горного округа // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982.

Окладные книги отражают объемы заводских отработок, изменение числа трудоспособных членов общества, показатели уровня развития хлебопашества, разведения лошадей, скотоводства и пчеловодства, ставшего одной из налоговых статей крестьянских хозяйств.

Однако существенная часть данных материалов, хранящихся в ГААК, в настоящее время недоступна из-за ветхости. Это относится, в первую очередь, к окладным книгам, которые были составлены до 1839 г.⁵⁶

Не менее важным источником для настоящего исследования стали ревизские сказки. В фондах ГААК хранятся ревизские сказки волостей Семипалатинского уезда, а также списки жителей Бобровской слободы за 1782 г.; Бобровской, Усть-Каменогорской и Убинской слобод – за 1795 г. Ревизские сказки, содержащие списки жителей отдельных поселений по волостям, оказались важными при изучении состава переселенцев. В документах указываются, в частности, имена переселенцев-поляков. По спискам можно определить величину и состав семей, по части списков – происхождение жен (в частности, когда речь идет о взятых в жены возвращенных полячках) и др. сведения.

⁵⁶ Окладная книга Крутоберезовского волостного правления всех одиннадцати деревень о скотоводстве, хлебопашестве и заводских работах, подушном зборе и прочих повинностях за 1838 г. // ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; Окладная книга Крутоберезовского волостного правления ведения онаго всех одиннадцати деревень числу ревизских душ мужеского пола о скотоводстве, пчеловдстве, хлебопашестве, о заводских работах, о зборе подушных податей и повинностей на 1844 г. // ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; Окладная книга Крутоберезовского волостного правления по сбору с крестьян подушной подати и прочих повинностей и по расположению в заводские работы на 1860 г. // ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; Окладная книга Убинской волости по сбору с крестьян податей и прочих повинностей и исправлению заводских работ на 1841 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; Окладная книга, содержащаяся в Убинском волостном правлении, по сбору с кретьян податей и прочих повинностей, исправлению заводских работ на 1841 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; Окладная книга Убинской волости по сбору с крестьян подушной и других податей и исправлению заводских работ на 1842 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 16 ; Окладная книга Крутоберезовской волости по сбору подушной подати и расположению крестьян на заводские работы на 1839 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2 ; Окладная книга, содержащая Усть-Каменогорским волостным правлением по сбору с крестьян податей и по исправлению заводских работ на 1841 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору подушной подати и исполнению крестьянами заводских работ на 1843 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору подушной подати и исполнению крестьянами заводских работ на 1844 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору подушной подати и исполнению крестьянами заводских работ на 1846 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору с крестьян податей и по исправлению заводских работ на 1860 г. // ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Ревизские скаски переписи населения Колыванской губернии по пятой ревизии за 1795 г. // ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 813 ; Ревизские скаски переписи населения по пятой ревизии Колыванской губернии за 1795 г. // ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819.

В протоколах заседаний Горного совета⁵⁷ отражены попытки преодоления кризиса горнозаводского производства и выстраивания взаимоотношений с крестьянами. В этих документах обозначается преимущество крестьян южных волостей, связанное с близостью их селений к заводам и рудникам.

Интересным источником для диссертационного исследования стали формулярные списки рудничных рабочих. В настоящей работе использовались данные Формулярного списка Змеиногорского рудника за 1806 г.⁵⁸ В нем отмечены такие данные о работниках, как: возраст, семейное положение, а также из каких волостей и деревень и в каком количестве они поступили в указанные годы на рудник, описание внешности работников. Внешность и особые приметы были важны вследствие того, что не редки были случаи побегов из службы и данные сведения использовались для поисков беглых. Сведения о побегах мастеровых содержались в особо отведенных графах формулярных списков, и именно эти сведения и являются наиболее интересными для исследования.

Изучение сопротивления крестьян приписке в 1798 г. было основано на целом ряде документов канцелярии горного начальства. В первую очередь, это такие документы, как рапорты лиц, привлеченных к усмирению крестьян⁵⁹. Например, рапорты земского управителя В.И. Ахвердова и берг-гауптмана

⁵⁷ См. : ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1831 ; ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1828.

⁵⁸ Формулярный список Змеиногорского рудника 9-й статьи бергайерах, рудокопах, горных и вечных рабочих и о прочих служителях за 1806 г. // ГААК. Ф. 60. Оп. 2. Д. 1.

⁵⁹ Рапорт берг-гауптмана Чулкова в Канцелярию Колывано-Воскресенского Горного начальства от 7 сентября 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от земского управителя титулярного советника Ахвердова от 28 июня 1798 г. № 5053 // ГААК. Ф. 1. Оп. 2 ; Рапорт Василия Чулкова Гавриле Симоновичу Качке от 7 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт Его превосходительству Действительному советнику Колывано-Воскресенских заводов начальнику и кавалеру Гаврилу Симоновичу Качке от земского управителя титулярного советника Ахвердова от 28 июня 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт земского управителя титулярного советника Ахвердова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от 15 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт о получении указа в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства Земского управителя Ахвердова от 18 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт от командующего войсками Сибирской дивизии и линиями генерал-майора и кавалера князя Горчакова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства. № 6302 от 6 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Кабинет Его Императорского Величества от 17 сентября 1798 г. с Приложением копии рапорта В.С. Чулкова от 7 сентября 1798 г. // РГИА. – Ф. 1374. Оп. 1. Д. 221 ; Рапорт унтер-штейгера Тарасова Высокоблагородию и высокопочтенному г-ну берг-гауптману Василию Сергеевичу Чулкову от 19 августа 1789 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150.

Василия Чулкова, которые были направлены с целью принудить крестьян прекратить бойкотирование раскладов в заводские отработки по деревням. По рапортам можно проследить не только путь следования советника, но и проанализировать формы протеста, использовавшиеся крестьянами, а также имена тех крестьян, которые выступали против приписки к заводам. В частности, важными были расписки крестьян: сначала против раскладов в заводские работы, а потом – после подавления сопротивления – о согласии организовать расклады. Сравнение подписей, во-первых, дает представление о том, что эти документы были подписаны разными крестьянами, а во-вторых, позволяет проследить хозяйственное положение крестьян, участвовавших в протесте против приписки к заводам⁶⁰.

Статистические материалы. Данные о хлебопашестве за 1798 г. (показатели, которых достигли крестьяне, будучи в статусе государственных, когда они еще не перешли в статус приписных) получены из подробного описания деревень со списками хлебопашцев, хранящегося в ф. 468 РГИА⁶¹. Такие описания ценны приведенными в них данными о хлебопашцах по деревням с указанием размеров имевшейся у них пашни. Эти данные оказались важными при характеристике хозяйственного положения крестьян, которые выступали против приписки к заводам⁶².

Статистический материал представлен также в приложениях к делопроизводственным документам и включает, в частности, сведения о ценах на продукты, продаваемые на заводы и рудники крестьянами Верхнего Прииртышья, сбором сведений об осуществлении сельскохозяйственных работ (например,

⁶⁰ Рапорт Крутоберезовской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 663 от 7 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт от Крутоберезовской земской избы земскому управителю Ахвердову за № 6303 от 4 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; апорт Убинской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 598 от 26 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150 ; Рапорт Усть-Каменогорской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 614 от 8 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150.

⁶¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456.

⁶² См. например: ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1828, 1831 ; ГААК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 46 ; ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 123. Л. 96–107 об.

выращивании картофеля, хлебопашестве крестьян и об уроне, нанесенном посевам и сенокосным угодьям в результате погодных катаклизмов).

В диссертационном исследовании С.И. Толстова представлены результаты анализа хозяйственных показателей путем кластерного анализа и метода К-средних, позволивших осуществить группировку волостей Алтайского горного округа по хозяйственным типам с выделением двух основных типов: земледельческо-скотоводческого и скотоводческо-земледельческого.

Также важное значение имели данные окладных книг, систематизированные и представленные в диссертационном исследовании В.К. Русакова. Здесь представлены данные по всем волостям Алтайского горного округа за 20-е, 30-е, 40-е и 50-е-1861 гг. с определением абсолютного роста хозяйственных показателей.

Картографические материалы. При изучении территории верхнего Прииртышья использовались картографические материалы, представленные в работе В.Б. Бородаева и А.В. Контева «Исторический атлас Алтайского края. Картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века)»⁶³. Также для определения хозяйственно-типологической характеристики региона Верхнего Прииртышья была использована карта-схема хозяйственно-типологической дифференциации волостей Алтайского горного округа, составленная С.И. Толстовым (см. Приложение А).

Научные исследования прошлого. В данной группе источников следует отметить упоминавшуюся ранее работу Ю.А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири», включающее природно-климатическое описание Сибири в целом и, в частности, долины реки Иртыша, характеристику хозяйственной деятельности крестьян, развитие крестьянских промыслов⁶⁴.

⁶³ Бородаев В. Б. Исторический атлас Алтайского края. Картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). Барнаул, 2006.

⁶⁴ Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 1. СПб., 1854 ; Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского

Статистические материалы, представленные в таблицах показателей хозяйственной деятельности приписных крестьян Алтая в 20-х гг. XIX в., собранные К.Ф. Ледебуром, были использованы при анализе развития экономики деревни Верхнего Прииртышья в первой половине XIX в.⁶⁵

Говоря об источниках, следует остановиться на воспоминаниях путешественников XVIII–XIX вв.⁶⁶ В таких работах, как правило, внимание уделялось сюжетам, касавшимся возвращения из Польши беглых старообрядцев. В подобных воспоминаниях также содержались описания поселений «поляков», сведения об их численности (П.С. Паллас, М.В. Швецова), хозяйстве, промыслах – в первую очередь, пчеловодстве (П.С. Паллас, М.В. Швецова, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П. Чихачев, Н.М. Ядринцев); этнографические характеристики: говоры, происхождение, традиции, быт (П.С. Паллас, М.В. Швецова, Н.М. Ядринцев). Большинство опубликованных данных (статистические, очерковые характеристики путешественников) позволяют получить лишь частичные сведения. Однако воспоминания путешественников, прежде всего, дают возможность засвидетельствовать особенности жителей-«поляков», иное, по сравнению с другими категориями поселенцев (прежде всего, ссыльных) отношение к труду.

Объединение данных из всех источников – архивных, правовых, литературных – позволяет составить более полное представление о специфике хозяйственного развития территории Рудного Алтая.

величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 2. СПб., 1854.

⁶⁵ Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993.

⁶⁶ Небольсин П. А. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул / А. П. Небольсин // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Ч. 1. Барнаул, 2005 ; Путешествие д-ра Радлова чрез Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану. Томск, 1881 ; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Том 16. Западная Сибирь. СПб., 1907 ; Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае (Выдержки из дневника) // Северный вестник : журнал литературно-научный и политический. СПб., 1890. № 9 (сентябрь) ; Щуровский Г. Е. Геологическое путешествие по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Ч. 1. Барнаул, 2005 ; Ядринцев Н. М. Алтай и его инородческое царство (очерки путешествия по Алтаю) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Ч. 1. Барнаул, 2005 ; Его же. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отд. Императорского географического общества. Кн. 2. Омск, 1880.

Методологическая и методическая основа диссертации.

Методологическая база исследования основывается на принципах историзма и системности. В исследовании использованы сравнительно-исторический метод, метод системного анализа.

Традиционные методы исторического исследования используются в сочетании с современными подходами, позволяющими выделить регион верховий Иртыша в качестве фронта и тем самым определить комплекс условий, влиявших на формирование особенностей региона. Это становится возможным при использовании положений теории фронта, которая как данность уже определила Сибирский фронт. В данном исследовании выделен участок Сибирского фронта, отличающийся специфическими особенностями, а именно: поздним этапом формирования, социокультурными особенностями, связанными со спецификой переселенцев-«поляков» и особенностями хозяйственного развития деревни фронта.

Изучение экономики деревни не может быть полным без выработки понимания механизмов функционирования семейно-трудового крестьянского хозяйства на различных этапах его эволюции. Поэтому представляется целесообразным воспользоваться познавательным инструментарием и оценочными категориями такого дисциплинарного направления в рамках исторической науки, как крестьяноведение, рассматривающее крестьянское хозяйство как самодостаточную систему, обеспечивающую, прежде всего, удовлетворение потребностей членов крестьянской семьи путем наиболее полного использования имеющихся хозяйственных средств. Использование крестьяноведения является не самоцелью, а всего лишь эффективным методологическим средством, страхующим от рассмотрения объекта изучения «исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада»⁶⁷. Следует оговориться, что, наряду с тем, что крестьяноведение усиливает познавательные возможности, в настоящем диссертационном исследовании оно,

⁶⁷ Чаянов А. В.К вопросу о теории капиталистических систем хозяйства // Крестьянское хозяйство : избр. тр. М., 1989. С. 114.

вооружая терминологией, главным образом, проясняет понимание эмпирически-интуитивных выводов предшествующей историографии. Основы и постулаты крестьяноведения были почерпнуты в работах А.В. Чаянова, Дж. Скотта, Т. Шанина⁶⁸.

Теория фронта дает углубление представления о хозяйственном развитии региона в условиях необходимости освоения новой территории, которая, находясь на границе с территориями проживания кочевых народов и будучи исторически спорной, требовала не только официального, документального, но и в критическом объеме народного и хозяйственного закрепления за Россией. Фронтирная теория, которая зародилась еще в 90-х гг. XIX в., подчеркивала значительное влияние на формирование особых социальных практик пограничной территории как центра столкновения, взаимодействия представителей различных наций, культур. Применение теории фронта при изучении включения Сибири в состав российского государства началось с конца XX в. с работ томских ученых. Следует отметить проходившую в Томске конференцию «Американский и сибирский фронт» и издававшиеся сборники «Американские исследования в Сибири», на страницах которых публиковались статьи, посвященные применению теории фронта при изучении Сибири, в частности, статьи М.Я. Пелипаса⁶⁹. Именно в данных статьях осуществлялось сравнение процессов колонизации

⁶⁸ Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1989 ; Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005 ; Шанин Т. Великий незнакомец. М., 1992.

⁶⁹ См.: Предисловие /М. Я. Пелипас // Американский и сибирский фронт : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)», 4-6 октября 1996 г. Томск, 1997 ; Пелипас М. Я. Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной... ; Хахалкина Е. В. Концепция фронта Ф.Дж. Тернера: к вопросу о терминологии и направлениях исследований // Американские исследования в Сибири : материалы Всероссийской научной конференции «50 лет изучения истории США в Сибири : итоги и перспективы развития сибирской американистики», Томск, 24-25 октября 2011 г. Вып. 11 ; Агеева А. Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американские исследования в Сибири : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4-6 октября 1996 г. Томск, 1997. Вып. 2 ; Белаш Н. Ю. Образ фронта в США и России // Американские исследования в Сибири : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4-6 октября 1996 г. Томск, 1997. Вып. 2.

Сибири и Северной Америки⁷⁰. Как уже отмечалось, в последние годы данной теории (применительно к России в целом и Сибири в частности) уделили внимание такие авторы, как Т.Н. Соболева, И.В. Побережников, А.С. Хромых, А.П. Романова и др.⁷¹

Наконец, следует учитывать сложности развития крестьянских хозяйств, связанные с изменением совокупности влияющих на них факторов. Если изначально при освоении территории важнейшими факторами были природно-климатический, фактор соседства с кочевыми народами и др., то в XIX в. на первый план выходит фактор внедрения крестьянских хозяйств в состав приписной деревни и фактор необходимости выстраивания взаимоотношений с горнозаводской администрацией. Для лучшего понимания процесса трансформации хозяйственного развития деревни, следует учитывать основные положения социологии адаптаций. Данное научное направление сосредотачивает внимание на адаптации в рамках миграционных процессов, что несомненно важно при изучении фронта.

Динамика заселения, хозяйственного освоения и развития приписной деревни Верхнего Прииртышья в феодальный период представляла собой адаптацию крестьян с учетом природно-климатического фактора, военных угроз, поиска баланса интересов с горнозаводской администрацией. В этой связи продуктивным представляется рассмотрение заявленной темы сквозь призму теории социальной адаптации. При этом под социальной адаптацией понимается процесс приспособления социальной системы к внутренним и внешним

⁷⁰ Резун Д.Я., О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное. Новосибирск. 2001. Вып. 1 ;

⁷¹ Бобров Д. С. Государственная граница Российской империи в верхнем Обь-Иртышье... ; Его же. Политико-географические образы границы Российской империи в верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в... ; Побережников И. В. Азиатская Россия : фронт, модернизация... ; Его же. Фронтальная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2 (21) ; Его же. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. 2013. № 12 ; Романова А. П. Фронтальная теория : новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России / А. П. Романова, С. Н. Якушенков // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2 (9) ; «Фронт как эвристическая модель историко-культурного познания». Материалы круглого стола / С. Н. Якушенков, А. П. Романова, Л. В. Баева, Е. В. Хлыщёва, Е. В. Морозова, О. С. Якушенкова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2014. № 4 (41) ; Соболева Т. Н. Современная российская историография концепции фронта...

изменениям, проявляющийся в изменении поведенческих стереотипов и социальных практик, ценностей и способов восприятия и трактовки окружающей реальности, а также ее структуры и функций⁷².

Степень достоверности результатов исследования.

Достоверность результатов исследования основывается на использовании репрезентативной источниковой базы, изучении широкого круга научной литературы по теме диссертации, применением общеисторических и специальных методов исследования, соответствующих поставленным целям и задачам.

В диссертационном исследовании выносятся на защиту **следующие положения:**

1. В XVIII в. российская граница продвигается до бассейна верховий Иртыша. Сопредельные русские территории требовали защиты от набегов кочевых племен, которые рассматривали эти земли как зону своих интересов. Благодаря строительству военных укреплений по территории, на которую распространялись непосредственные интересы кочевников, между военной линией и территорией, хозяйственно освоенной на правобережье в верховьях Иртыша, образовалась буферная зона, обладавшая всеми признаками и свойствами фронта, который, при демографическом заполнении и хозяйственном освоении русскими людьми, был призван выполнять естественные пограничные функции, в отличие от обычной политической границы.

2. Хозяйственное освоение Верхнего Прииртышья осуществлялось под влиянием совокупности факторов, таких, как: благоприятные природно-климатические условия, приграничное положение и соседство с кочевыми народами, позиционная близость к военным линиям, государственная окраинность территории, которая, фактически, была географическим ориентиром социально-утопических легенд, определявших местоположение легендарного Беловодья.

⁷² Корель Л. В. Социология адаптаций : Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 39.

3. Наличие в Верхнем Прииртышье рудных месторождений по определению включило его в сферу интересов расширявшегося горно-металлургического производства на юге Западной Сибири. Безопасное заселение и успешное хозяйственное освоение фронта обеспечили формирование региона в его административно-хозяйственной цельности, что предопределило необходимость и достаточность условий для включения его в состав Колывано-Воскресенского горного округа. Это включало также и уже сформировавшийся уровень развития взаимодействия крестьян Верхнего Прииртышья с заводами и рудниками на основе вольных поставок и найма в заводские работы. Факт приписки являет собой в восприятии крестьян вмешательство в сложившиеся практики хозяйствования и жизнедеятельности. Поэтому приписка вызвала резкий протест крестьян.

4. Включение Крутоберезовской, Убинской и Усть-Каменогорской волостей в 1797 г. в состав горнозаводского ведомства положило начало новому этапу адаптации крестьян к изменившимся условиям, когда ключевым фактором влияния стала необходимость интеграции в состав горного округа. Прежде всего, это означало для крестьян обязательность заводских отработок и поставок провианта и фуража. Предшествующее укоренение крестьян на рассматриваемой территории обеспечило адаптационные предпосылки для дальнейшей трансформации экономики деревни фронта, на которую оказывала влияние совокупность экономических и внеэкономических организационных способов управляющего воздействия горнозаводской администрации.

5. Вхождение в состав горно-металлургического комплекса привело не только к обязательности отработок на заводах и рудниках, но и к контролю горнозаводских властей над хозяйственной деятельностью крестьян. Прежде всего, это выразилось в стимулировании хлебопашества. В результате произошла типологическая переорганизация экономики деревни Верхнего Прииртышья и самоопределение его как самостоятельного земледельческого центра горнозаводского округа.

6. Часть крестьянства, которая не располагала хозяйством, имеющим достаточную внутреннюю мощь для переорганизации, оказывалась в ситуации конфронтации с горнозаводской администрацией, причем конфронтация могла проявляться различными способами: от игнорирования требований о приоритетной торговле с заводами и рудниками до побегов. Это становилось тем более возможно благодаря доступности окраин и мотивировалось религиозными позывами – поисками Беловодья.

7. В условиях кризиса горнозаводского производства к середине XIX в. горная администрация признавала необходимость перестройки порядка заводских отработок и взаимоотношений с крестьянами. В отношении крестьян Верхнего Прииртышья приоритетом управления стали подрядные отношения, поскольку к этому времени система вольного найма крестьян южных волостей в отработки вместо северных в значительной степени приобрела спекулятивный характер, чреватый необходимостью усложнять регулирование этой сферы деятельности со стороны горнозаводской администрации и большими экономическими издержками для горнозаводского производства. Эффективное управление приписной деревней Верхнего Прииртышья в предреформенный период XIX в. было возможно только с учетом интересов крестьян. Перманентный поиск баланса интересов крестьян и заводского ведомства обусловил реформу 1861 г. на Алтае.

Научная новизна работы заключается в углубленном изучении специфики отдельного региона в составе приписной деревни Алтая, что позволяет углубить представление о хозяйственно-типологической специализации отдельных районов Сибири.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Рассмотрение истории приписной деревни Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа на примере типологически специфического в сельскохозяйственном и социокультурном отношении региона позволяет расширить и углубить понимание особенностей кабинетского землевладения в России.

Результаты исследования могут быть использованы в выявлении и изучении исторического опыта налаживания конструктивного взаимодействия между Казахстаном и Россией, а также при подготовке курсов по истории крестьянства Сибири. Эмпирические и теоретические обобщения диссертационного исследования усиливают научную составляющую дискурса сельского краеведения.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены и обсуждены на всероссийской научной конференции «Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в.» (Томск, 2007 г.) и IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Документ как социокультурный феномен» (Томск, 2009 г.).

Публикации автора по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 5 работ, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и 2 публикации в сборниках материалов всероссийских научной и научно-практической конференций.

Структура работы представлена введением, двумя главами, заключением, списком использованных источников и литературы, списком иллюстраций и таблиц, двадцатью пятью приложениями. Текст работы изложен на 325 страницах, включает 3 рисунка и 31 таблицу.

Глава 1. Сельскохозяйственная колонизация Верхнего Прииртышья в XVIII в.

1.1. Закрепление Верхнего Прииртышья за Россией

Общим местом на современном этапе развития науки является утверждение о том, что первоначальное закрепление территории Верхнего Прииртышья за Россией было связано со строительством военных укреплений. Военные линии не только проводили границу между «своей» и «чужой» землями, но и определяли «зону безопасности» и зону установленной имперской власти как гаранта этой безопасности. Фиксируя перемещение российской границы на восток, военные линии становились свидетельством ее подвижности и фиксировали определенные этапы в установке русских рубежей в условиях отсутствия четкой официальной маркировки⁷³.

Формирование нового русского рубежа в Верхнем Прииртышье происходило в сложных геополитических условиях. Близость к границе кочевий степных племен, оказавшихся зажатыми сначала между Россией и Джунгарией, затем – между Россией и Китаем, вызывала постоянную напряженность, связанную со взаимными притязаниями на территорию, которая, фактически, находилась в общем пользовании⁷⁴.

⁷³ Каженова Г. Т. Степной край Казахстана в геополитической стратегии Российской империи // Проблемы востоковедения. 2012. № 2 (56). С. 26–27 ; Тихонов А. А. Сибирский фронт XVI – нач. XX вв. в контексте колонизации восточных окраин России // Государство и общество в условиях модернизации. Омск, 2015. С. 29.

⁷⁴ См. : Анисимова И. В. О юридическом статусе Иртышского десятиверстного пространства в дореволюционной историографии / И. В. Анисимова [и др.] // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 25–31 ; Лысенко Ю. А. Проблемы определения юридического статуса Иртышского десятиверстного пространства в современной историографии / Ю. А. Лысенко, Н. С. Юферова // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2, № 3 (87). С. 25–31 ; Лысенко Ю. А. Особенности русско-казахского межэтнического взаимодействия в районе десятиверстного пространства (XIX – начало XX в.) / Ю. А. Лысенко, М. Ф. Лысенко // Дневники Алтайской школы политических исследований. 2015. № 31. С. 255–260 ; Модоров Н. С. Еще раз о проблемах присоединения Алтая к России // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 48–53.

Есть основания полагать, что с появлением военных линий в Верховьях Иртыша образовалась территория, обладавшая необходимыми и достаточными признаками фронта, а именно:

- этнокультурной неоднородностью проживающих на фронтире социальных групп, наличием между ними как конфликтов, так и межкультурного взаимодействия вплоть до ассимиляции,
- отсутствием четких, формализованных границ и их подвижностью ввиду продолжения миграционных процессов,
- маргинальным периферийным расположением,
- колониальным статусом территории,
- отсутствием теоретически обоснованной региональной политики и номинальностью государственной власти (возможность определенного произвола на фронтире и, как следствие, концентрация маргинальных личностей, нацеленных на создание некоей утопии, нового административного порядка),
- наличием природных богатств как основы столкновения межкультурных интересов⁷⁵.

Итак, в контексте теории фронта, Прииртышье вместе с Верхним Приобьем в XVIII в. представляло собой фронтальную территорию, определенную исследователями Д.С. Бобровым и Т.Н. Соболевой как Верхнее Обь-Иртышье, освоение и закрепление которого являлось ключевым фактором для установления имперской власти в азиатском регионе⁷⁶.

Таким образом, верховья Иртыша включаются в состав единого Обь-Иртышского фронтального пространства, подчиняющегося общей логике закрепления всего сибирского региона за Россией, обеспечивая наличие

⁷⁵ Басалаева И. П. Критерии фронта : к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46-49 ; Емченко Д. Г. Маргинальный тип личности как феномен культуры трансграничного региона // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 4. С. 82-84 ; Побережников И. В. Азиатская Россия : фронт, модернизация... С. 194-200 ; Якушенков С. Н. Фронт как культурная парадигма // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 291-296.

⁷⁵ Бобров Д. С. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 201.

⁷⁶ Там же.

устойчивых безопасных границ. Учитывая национально-культурное разнообразие, обеспечение безопасности границ становилось возможным за счет создания «контактной зоны», в которой сосуществование гарантировалось при условии признания главенства российской власти (что выражалось в признании фактора защищенности в случае включения в состав Российской империи).

Организация необходимого уровня защиты за счет строительства военных линий и, в частности, укреплений в Верховьях Иртыша, обеспечила определенный уровень безопасности региона и возможность укрепления в нем горнозаводского округа. Причиной заинтересованности имперской власти во включении Верх-Иртышских территорий в состав российского государства было открытие новых рудных месторождений. Другими словами, наличие в регионе горно-металлургического комплекса стало еще одним фактором, определяющим специфику формирования русской деревни Верхнего Прииртышья в XVIII в.⁷⁷

В 1718 г. в верховьях Иртыша была возведена Семипалатинская крепость. В 1722 г. на дороге, проходившей вдоль рек Тары и Оми до Оби и связавшей города Тару и Томск, были основаны Усть-Тартасский, Каинский и Убинский пасы. Последний вскоре был перемещен на р. Каргат. В 1715-1720 г. были построены укрепления, составившие линию Иртышских крепостей: в 1715 (или 1716 г.) основана Ямышевская крепость возле оз. Ямышевского, в 1716 г. – Омская крепость недалеко от устья р. Оми, в 1717 г. – Железинская, в 1718 г. – Семипалатинская и в 1720 г. – Усть-Каменогорская крепости⁷⁸.

⁷⁷ Бобров Д. С. Алтайский военный фронт в первой половине XVIII в. ... С. 180.

⁷⁸ Алексеев Н. В. Усть-Каменогорск. Алма-Ата, 1970. С. 5 ; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в... 137 ; Бородаев В. Б. Исторический атлас Алтайского края : Картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). Барнаул, 2006. С. 57 ; Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Т. 190, вып. 3. С. 23 ; Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири : Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. М., 1953. Сб. № 31. С. 206–212 ; Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири. М., 1902. С. 23 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в... С. 69–70, 74–75, 92, 301 ; Рогозин Е. Г. Экономическое развитие Западной Сибири и образование вотчины «Кабинета» // Ученые записки Новосибирского гос. педагогич. ин-та. Новосибирск, 1946. Вып. 3. С. 5–6 ; Россия. Полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1907. Т. 16. С. 166 ; Сафьянова А. В. Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX – начале XX в. // Хозяйство и быт заподносибирского

Как уже отмечалось, территориальные интересы России первоначально столкнулись с интересами Джунгарии, а после ее разгрома в 1758 г. – с интересами Китайской империи. Земли «вдоль по реке Иртышу по Омь реку ... а в другом месте под Кузнецким уездом за границу положена была речка Уень или Черная Омь, которая впадала в реку Обь»⁷⁹ Джунгария считала своими. В своих претензиях к России она ссылалась на существование границы, которая была «якобы в прежния времена»⁸⁰. В 1735 г. на территориальные притязания Джунгарии российскими властями был дан ответ, согласно которому установление взаимно признанной границы должно было бы подтвердиться письменным документом. Отсутствие же такого договора объяснялось исконностью принадлежности России земель, на которые претендовала Джунгария⁸¹.

Важной задачей была охрана Колывано-Воскресенских заводов. В 1744 г. гарнизоны заводов составляли 270 человек. Колыванский завод имел статус форпоста и располагал гарнизоном в 56 человек, крепости были также при Барнаульском и Шульбинском заводах.

Указом от 1 мая 1747 г. было определено строительство Колыванской военной линии. 7 мая 1749 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства распорядилась построить крепости по рекам Алею, Аную, Катунь, на Оби, Шульбе и на Змеиной горе. К 1757 г. Колыванская линия включала уже 22 укрепленных пункта, и к 1765 г. их количество возросло до 32. Линия тянулась от Иртыша вдоль р. Убы до впадения в нее речки Шемонаихи и дальше – через Шемонаихинский форпост, уже образовавшиеся к тому времени деревни

крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979. С. 111 ; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 2. С. 262 ; Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. С. 198 ; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 112–114, 117.

⁷⁹ Сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеуцкаго озера о построении там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам: Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в Иртыш реку, Русскими людьми до 2000 человек» от 17 октября 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. XV. № 11.124. С. 535.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. С. 225–226.

Екатерининскую и Старо-Алейскую, Змеиногорский рудник, Колыванский завод, Белорецкий форпост – до д. Маралихи. На Колыванской линии располагались, в частности, Шульбинские завод и форпост, Убинский форпост и образованная под его защитой д. Убинская, форпосты Красноярский, Шемонаихинский, Березовский, станцы Спасский, Плоский, Святой Екатерины, Алейский (на месте которого впоследствии возникла д. Старо-Алейская), Таловский, Кабанский и другие станцы⁸².

Население военных линий поначалу состояло из городских казаков, которые не имели регулярного строя и не подчинялись начальству Кузнецкой крепости. Впоследствии, в связи с осложнением ситуации на границе, сюда были направлены регулярные пехотные и драгунские полки. С 1758 г. на военную линию прибывали гарнизонные казачьи части из Донского и Яицкого казачьих войск, а также башкирские казаки. Под именем выписных казаков во временную службу поступали также сибирские крестьяне⁸³.

В 1758 г. Джунгария была уничтожена китайской Цинской империей, что привело к усилению претензий последней на регион. Распад Джунгарии сопровождался бегством подчиненных ей племен (калмыков и др.), которые выходили к русским границам; желающих перейти в русское подданство крестили. Так, до августа 1757 г. в Усть-Каменогорской крепости были крещены 237 человек. Иногда это приводило к столкновениям с Китайской империей: ярким примером было случай, когда китайское правительство требовало выдать принявшего в 1756 г. русское подданство зайсана Омбо вместе с его людьми⁸⁴. В сфере интересов Китая оказались земли алтайцев и казахские жузы. Территории,

⁸² Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей... С. 206–212 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в... С. 75–76, 83–88 ; Липинская В. А. Поселение, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 14; Сергеев А. Д. Тайны Алтайских крепостей. Барнаул, 1975. С. 14–33.

⁸³ Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей... С. 215–216 ; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. ... С. 194–195 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 160; Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей... С. 33–43 ; Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII вв. ... С. 198–203.

⁸⁴ Модоров Н. С. Из истории присоединения Южного Алтая к России в середине 80-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 161.

на которых располагались Колывано-Воскресенские заводы и рудники, также входили в сферу интересов Цинской империи⁸⁵.

Положение усугублялось еще и тем, что к территориям ослабевшего Джунгарского ханства проявляли интерес кочевые племена киргиз-кайсаков (казахов), составлявшие Среднюю Орду и приносившие немало бед сибирским поселенцам. Заполнение киргиз-кайсаками джунгарских земель было нежелательно для России, поскольку грозило тем, что они «переманили» бы на новые территории и другие киргизские племена, составлявшие Малую Орду, кочевавшую за Оренбургом. Кроме того, будучи мусульманами, киргиз-кайсаки «со всеми в великой Татарии находящимися Магометанскими соседними областями возымели обязательство»⁸⁶. Все это привело к нарастанию напряженности в регионе. К 50-60-м гг. XVIII в. резко ухудшились отношения России и Китая. Обострение ситуации вызывало необходимость усиления защиты пограничных земель, а также территорий на Алтае, на которых проживали двоеданцы, перешедшие в подчинение России после распада Джунгарии⁸⁷.

В связи с ухудшением русско-китайских отношений и распространением слухов о готовящемся вторжении Цинской империи было принято решение о переустройстве Колыванской линии укреплений. В 1760 г. сенатским указом губернатору Западной Сибири тайному советнику Ф.И. Соймонову было дано поручение построить линии укреплений от Усть-Каменогорской крепости по р. Бухтарме до оз. Телецкого, «чтоб Китайцы оных не заняли и не возобновили

⁸⁵ Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей... С. 217 ; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М., 1983. С. 192 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в... С. 303 ; Моисеев В. А. К истории русско-китайского размежевания на Алтае в XVIII в. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728-1998. Барнаул, 1998. С. 121 ; Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий... С. 215–220.

⁸⁶ Сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеуцкаго озера о построении там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам: Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в Иртыш реку, Русскими людьми до 2000 человек» от 17 октября 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. Том XV. № 11.124. С. 535.

⁸⁷ Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей... С. 217 ; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М., 1983. С. 192 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в... С. 303 ; Моисеев В. А. К истории русско-китайского размежевания на Алтае в XVIII в. ... С. 121 ; Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий... С. 215–220.

прежних Зюнгорских владельцев претензии на крайняя Сибирския места»⁸⁸. Проект новой Колывано-Кузнецкой линии, которая должна была расширить старую Колыванскую линию, был подготовлен в 1765 г., а строительство завершилось лишь к 1771 г. К крепостям и форпостам старой Колыванской линии прибавился целый ряд новых сооружений, среди которых были: Усть-Каменогорская крепость, защита⁸⁹ Ульбинская (по правой стороне р. Ульбы, в 11 верстах от Усть-Каменогорской крепости), Бобровский редут (на р. Бобровке в 10 верстах от одноименной деревни), редут Секисовский (южнее д. Секисовки), форпост Убинский – Верхубинский (в среднем течении р. Убы), редут Плоский (на Березовом ключе р. Хайрюзовки), форпост Алейский – Верхалейский (в верхнем течении р. Алей в районе впадения в нее р. Глубокой) и др. Таким образом, вся линия укреплений делилась на две части: от Усть-Каменогорска до Чарышского шанца шла Колывано-Воскресенская или Колыванская линия; вторая часть, протянувшаяся от Сосновского шанца до Кузнецка, стала именоваться Кузнецкой. Протяженность обеих линий составляла 457 верст: 214 верст – Колыванская и 243 – Кузнецкая линия⁹⁰.

Военные укрепления маркировали продвигающуюся границу, обозначая расширение русского культурного пространства⁹¹. Однако строительство военных укреплений было лишь стадией в процессе колонизации Верхнего Прииртышья. Важным условием закрепления территории в условиях геополитической напряженности (одной из причин для которой послужили значительные

⁸⁸ Сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеуцкаго озера о построении там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам : Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в Иртыш реку, Русскими людьми до 2000 человек» от 17 октября 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. XV. № 11.124. С. 533–538 ; Моисеев В. А. К истории русско-китайского размежевания на Алтае в XVIII в. ... С. 122; Его же. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. С. 98-110 ; Сергеев А. Д. Тайны Алтайских крепостей. Барнаул, 1975. С. 33-34 ; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 174.

⁸⁹ Укрепленное поселение на военной линии; впоследствии – полноценные русские деревни.

⁹⁰ Агапова Т. И. Возникновение и развитие Кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. ... С. 217 ; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы : Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. ... С. 70 ; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 59 ; Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)... С. 12.

⁹¹ Калущков В. Н. Феномен засек и укрепленных линий с позиции культурной географии // Историческая география России : ретроспектива и современность комплексных региональных исследований. Спб., 2015. Т. 2, ч. II. С. 255.

культурные и религиозные различия оказавшихся в контактной зоне этносов) была хозяйственная колонизация. Она могла состояться только при условии укоренения в верховьях Иртыша русских крестьян. Поэтому наряду с военным закреплением шла колонизация, связанная с обживанием территории русскими. При этом переселяемое в верховья Иртыша русское население должно было обеспечить не только организацию хозяйственной деятельности на новой территории, но и культурное самосохранение и, тем самым, устойчивое русское присутствие в регионе.

Итак, в XVIII в. закономерно и ожидаемо были созданы условия для расширения горно-металлургического комплекса: Верхнее Прииртышье стало новой сырьевой базой, а колонизация территории позволила создать сеть близко расположенных к ней поселений, которые, безусловно, попадали в сферу интересов горнозаводской администрации. Таким образом, одновременно со строительством военных линий и крестьянской колонизацией, в верховьях Иртыша происходило расширение сырьевой и производственной базы горного округа.

Управление заводами и рудниками осуществлялось канцелярией горного начальства, в которой состояли командир (или начальник) заводов и двое находившихся у него в подчинении асессоров. Канцелярия подчинялась Кабинету Ее Императорского Величества. Охрану заводов осуществляла специально выделенная воинская команда, командир которой первоначально подчинялся непосредственно Кабинету.

Итак, закрепление Верхнего Прииртышья за Россией в 40-70-е гг. XVIII в. осуществлялось в сложных геополитических условиях. Присоединяемые к России территории были сферой интересов крупных восточных государств: сначала Джунгарии, а затем – Китайской Цинской империи. Это предопределило длительное воздействие военного фактора на процесс промышленного и хозяйственного освоения верховий Иртыша, а также создавало социокультурное своеобразие, требовавшее от русского населения особых усилий, чтобы адаптироваться, не потеряв собственной культурной идентичности.

Стратегическое закрепление Верхнего Прииртышья за Россией посредством комплекса мер как военного, так и социально-экономического и культурного характера создало предпосылки для соответствия региона тенденциям его интеграции в систему кабинетского землевладения, неотъемлемого атрибута российской государственности.

1.2. Хозяйственное освоение Верхнего Прииртышья

Формирование Верх-Иртышского рубежа осуществлялось посредством строительства военных линий. К середине XVIII в. между военной линией и освоенными русскими землями образовалась территория, «внутренний фронтир», которая требовала хозяйственного освоения, а для этого – «заполнения» русским населением. Задача такого заполнения стояла, прежде всего, перед государством, которое должно было организовать управление процессом колонизации. В ходе заселения Верхнего Прииртышья можно выделить два направления миграционных процессов: вольное и регулируемое государством. Однако именно второе направление обеспечило устойчивое заселение региона и, тем самым, обеспечило его превращение в социально-экономическом и демографическом плане в объект управления, который мог быть передан в ведение Кабинета и включен в состав кабинетского землевладения на юго-востоке России.

Первые русские промысловые форпосты появились в верховьях Иртыша еще в 20-х гг. XVIII в.⁹² – до начала санкционированной властями военной и, тем более, хозяйственной колонизации. Особую роль в освоении территории играли беглые раскольники, уходившие в пустынные места в поисках безопасности и в надежде найти легендарное Беловодье. Так, в 1760 г. на р. Убе были обнаружены старообрядцы: крестьянин-промысловик Чаусского острога Иван Миронов Дурнев увел на Убу крестьянина д. Кулундинской Малышевской слободы Ивана Лукина Наумова и скитника Кузьму Афанасьева Некрасова. Однако закрепиться

⁹² Мамсик Т. С. Бухтарминские каменщики – первопоселенцы Верхнего Прииртышья... С. 33.

здесь им не удалось: все трое были арестованы военной командой⁹³. По инициативе крестьян также создавались ранние поселения на военных линиях, входивших в состав линейных укреплений. На Колывано-Кузнецкой линии располагалось восемь защит, три из которых – Бобровская, Убинская, Плоская – следует отнести к территории верховий Иртыша⁹⁴.

Однако такие самовольные переселения не могли обеспечить полноценного хозяйственного освоения края⁹⁵. Можно предположить, что более важную роль самовольные переселенцы сыграли в освоении Бухтармы, нежели в освоении территории будущих Верх-Иртышских волостей. Самовольными бухтарминскими переселенцами были зачастую беглые старообрядцы, их стремлением было уйти максимально далеко от возможного преследования официальной власти.

Как уже отмечалось, обустройство военных линий обеспечило лишь военное закрепление верховий Иртыша. Ключевую роль на данном этапе освоения территории играли казаки. На кузнецкой линии их было сравнительно немного: к 1765 г. по всей линии несли службу 834 казака и солдата.

Тем не менее, в процессе хозяйственного освоения казаки и отставные служилые люди сыграли важную роль, составив часть населения Верх-Иртышских деревень. Исполняя обязанности службы, казаки обзаводились хозяйством: занимались хлебопашеством и скотоводством, а также рыболовством⁹⁶. В 1798 г. в Крутоберезовской волости казаки составляли население Барашевского редута, располагавшегося в 11 верстах от д. Крутоберезовской. Редут располагался на возвышенности и имел четыре полигона с полубастионами, обнесенные рвом, рогатинами и надолбами.

⁹³ Жидков Г. П. особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье... С. 322 ; Мамсик Т. С. Бухтарминские каменщики – первопоселенцы Верхнего Прииртышья... С. 33.

⁹⁴ Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири [Электронный ресурс] // Национальные культуры региона : Научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Тюмень, 2007. Вып. XVI. URL: <http://a-pesni.org/kazaki/sibir/a-nastraze.htm>

⁹⁵ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. ... С. 22–23.

⁹⁶ Кислицын В. Н. Из истории алтайского казачества // 300 лет горно-геологической службе России : история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000. С. 34–34.

Тринадцатью хлебопашцами здесь было распахано 58 дес. и 900 саж. из 168 дес. 600 саж. всей пригодной под пашню земли; пашни располагались на расстоянии от 6 до 11 верст от редута. Сенокосы казаков располагались по речке Барашевке и на лугу в районе Иртышской протоки возле Кривых островов – в 1,1-6 верстах от редута (общая площадь сенокосов составлял 103 дес. 625 саж.)⁹⁷.

В Уваровском редуте, располагавшемся в Усть-Каменогорской волости, в 1798 г. было 25 р.д. душ пашенных казаков, которые засеяли 102 ½ дес. земли. Жители редута пользовались сенокосами, располагавшимися на близлежащих островах: на о. Сухом – 72 дес. 1400 саж., на о. Барошном – 3 дес., Банном – 5 дес. 1500 саж., Рыбальном – 4 дес. 666 саж., Лошадном – 10 дес. 300 саж., Бакалкином – 166 дес. 1600 саж. Общая площадь сенокосов составляла 262 дес. 666 саж.⁹⁸

Данных о числе казаков, проживавших в Убинском форпосте Убинской волости, нет. Форпост этот располагался также на берегу Иртыша, сенокосные угодья казаков также были распределены по островам, на расстоянии от 100 саж. до 7 верст. Ввиду того, что местность была склонна к подтоплению, земли здесь не были пригодны для хлебопашества⁹⁹.

Среди поселенцев предсказуемо оказались отставные служилые люди, которые расселялись по Колывано-Кузнецкой линии с 1762 г. При их поселении предполагалось отводить на семью по 20-30 дес. земли, а также выдавать денежную ссуду. К 1777 г. в ведомстве Усть-Каменогорской канцелярии проживали 283 отставных военнослужащих вместе с детьми, в ведомстве Бийской комендантской канцелярии – 1260 чел. Расселение вышедших в отставку военных проходило по двум вариантам. Первый был связан с выделением земли тем служащим, которые не имели своего хозяйства. К началу 80-х гг. XVIII в. на поселении на Алтае находились 637 чел. В случае, если при уходе в отставку у служилых людей уже было свое хозяйство, они поселялись вдоль линии «на

⁹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 27.

⁹⁸ Там же. Л. 55.

⁹⁹ Там же. Л. 74.

собственное пропитание»; таких поселенцев к началу XIX в. на Алтае насчитывалось 1148 чел. с 429 детьми. Отставные военные расселялись, в основном, в деревнях, где уже проживали государственные крестьяне. Отставными нижними чинами была заселена д. Красноярская близ одноименного форпоста. Впоследствии отставные военные оказывались также в числе приписных крестьян. Некоторые попадали в данную категорию в результате неисправного несения службы, воровства¹⁰⁰.

Полномасштабное, инициированное государством освоение Верхнего Прииртышья началось с 40-х гг. XVIII в. Оно сочеталось с вольной колонизацией и давало гарантированный прирост населения, когда востребованность человеческого ресурса для колонизации территории стала безусловной. Административно-регулируемое переселение диктовалось как потребностью закрепления новых территорий за Россией, так и необходимостью снабжения гарнизонов укрепленной линии продуктами. Близость военных линий обуславливала характер регулируемого заселения региона: первоначально военными инженерами осуществлялась разведка пахотных земель, затем на определенные для поселения места переселялись крестьяне. Поселенцы следовали, прежде всего, из Томского уезда¹⁰¹.

При учреждении Кузнецкой линии, генерал-майор Веймарн и бригадир Фрауендорф обращались в Сенат с обоснованием необходимости расселения по Убе, Ульбе, Березовке и Глубокой 2000 крестьян, однако Сенат не согласился с необходимостью насильственного переселения. Сенатским указом от 17 октября 1760 г. утверждалась необходимость определить земли, удобные для хлебопашества, и разрешалось исключительно добровольное переселение на эти земли не менее 2000 чел. из тобольских крестьян и разночинцев, а также

¹⁰⁰ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения... С. 30–32 ; Жеравина А. Н. Очерки по истории приписных крестьян Кабинетского хозяйства в Сибири... С. 38, 40; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение на Алтае... С. 97–98 ; Слобцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 39.

¹⁰¹ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 99 ; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. ... С. 303–317.

архангелогородских, устюжских и вятских государственных крестьян, находившихся в Сибири «для своих промыслов» (вместе с их семьями).

На данном этапе приоритет отдавался добровольному переселению крестьян, принудительные меры не допускались, так как немало людей из Сибирской губернии уже было переселено на Нерчинскую и Селенгинскую линии. Общее число переселенцев не должно было превышать оговоренную цифру в 2000 человек; не допускалось своевольное переселение помещичьих крестьян, беглецов. Переселявшимся по указу крестьянам было обеспечено трехгодичное освобождение от налогов¹⁰².

В 1760 г. добровольно пожелали переселиться на указанные реки 211 душ м.п. и 150 душ ж.п. крестьян из Тобольского дистрикта. В последующие два года крестьяне также прибывали на Кузнецкую линию отдельными семьями. Но этих мер оказалось недостаточно для становления и развития хлебопашества на территории южной Сибири. За счет добровольного переселения была укомплектована лишь треть населения ведомства Усть-Каменогорской крепости¹⁰³.

По данным, собранным Ю.С. Булыгиным, за период между 1763 и 1782 гг. на территорию Бобровской слободы крестьяне переселялись добровольно из самых разных мест: Тарского уезда, Ишимского и Ялуторовского дистриктов, Тюменского уезда, Коркиной слободы, Верхотурского уезда, Подгорного дистрикта Тобольской губернии, Туринского уезда, Краснослободского и Исецкого дистриктов, из городов Тобольска и Тары, Оренбургской губернии, города Нарыма, Омской, Усть-Каменогорской, Семипалатинской крепостей, города Томска, Архангелогородской губернии, городов Коломны, Одоева,

¹⁰² Сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеуцкаго озера о построении там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам : Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в Иртыш реку, Русскими людьми до 2000 человек» от 17 октября 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XV. № 11.124. С. 536–538 ; Алексеенко Н. В. Усть-Каменогорск. Алма-Ата, 1970. С. 7–8; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. ... С. 307 ; Русские старожилы Сибири... С. 38 ; Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII-XVIII столетий... С. 226–227 ; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 168.

¹⁰³ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта : общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск, 1898. С. 369.

Мещерска, Соли Вычегодской. Также среди добровольно переселившихся были крестьяне, вернувшиеся из бегов, инородцы (татары Тобольской губернии), отставные солдаты. Добровольными переселенцами были основаны первые деревни: Убинская, Прапорщикова, Глубокая, Выдрихинская, Зевакина¹⁰⁴.

Следует отметить, что заселение и хозяйственное освоение фронта требовало от поселенцев особой готовности к адаптации, и это было связано не только с необходимостью применить свои хозяйственные навыки в новых климатическо-географических условиях (которые могли с точностью до полной противоположности отличаться от привычных условий, в которых переселенцы существовали раньше)¹⁰⁵. Русские люди сталкивались с чужой культурой, и стратегически важно было сохранить собственную идентичность, не ассимилироваться с представителями других этносов. В этой связи, в условиях сложной геополитической ситуации, а также этноконфессиональной неоднородности, ключевую роль в освоении Верхнего Прииртышья сыграла группа населения, получившая название «поляки». К этой группе относились беглые русские крестьяне-старообрядцы, возвращенные из Польши. Они проделали огромный путь от западных границ России к восточным, и во многом именно они обеспечили хозяйственно-культурное закрепление территории за Россией.

Попав в условия Верх-Иртышской фронтальной зоны, «поляки» оказались в совершенно других этноконфессиональных условиях. На границе с кочевыми народами переселенцам пришлось столкнуться с этносами, значительно отличавшимися от них в культурном, религиозном и хозяйственном аспектах. Важным условием существования в зоне межкультурной трансгрессии, когда «закрепление» территории происходило в отсутствие признанных официальных границ, как уже отмечалось, была устойчивость к процессам ассимиляции. Старообрядческая община как нельзя лучше отвечала этому условию, т.к.

¹⁰⁴ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. ... С. 24–25.

¹⁰⁵ Побережников И. В. Азиатская Россия : фронт, модернизация... С. 197.

представляла собой достаточно замкнутую структуру, ее традиции были прочным фундаментом для культурного и этнического самосохранения.

Устойчивая русская ментальность «поляков» была проверена и укреплена длительной историей их бегства. Эта особая группа беглецов-старообрядцев, до того, как попасть в верховья Иртыша, прошла длительный период формирования своей общности, который объясняет такую устойчивость к внешним культурным и религиозным воздействиям, сочетающуюся с умением использовать природно-климатические особенности территории для успешной организации хозяйства. Для подтверждения этой мысли видится важным исторически проследить становление будущих алтайских «поляков».

Старообрядцы бежали за границу еще во времена Петра I, когда были ужесточены меры по отношению к ним. На территории Польши беглые жили в слободах Азаричи, Буда, Ветка, слободах (или деревнях) Городянка (Городенки) и Косецкая (Косицкая), слободах Костянтиновка (Костентиновка), Леонтьева, Михайловка, Новый Крупец, деревнях Побушки, Романова и слободе Старый Крупец. В трёх слободах – в самой Ветке, Городянке и Косецкой – жили выходцы из разных уездов¹⁰⁶.

Существуют немногочисленные сведения о том, где могли жить крестьяне-старообрядцы до того, как оказались в Польше. Так, потомки польских посельщиков рассказывали М. Швецовой, что предки их были выходцами из Тверской и Вятской губернии, Новгородского края¹⁰⁷. Подтверждением происхождения «поляков» из европейской части России является их антропологический тип. Как пишет М. Швецова в своей работе «"Поляки" Змеиногорского уезда», опубликованной в 1899 г. в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества»: «по своему типу алтайские поляки с первого же взгляда напоминают типы Европейской России и резко отличаются от соседей-сибиряков, в наружности

¹⁰⁶ Юркин И. Н. «От города до города на прежних жилищах» [Электронный ресурс] // Книжница Самарского староверия. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/57-1-0-315>

¹⁰⁷ Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. Барнаул, 2007. Т. 2. С. 430–431, 435.

которых гораздо более сказывается примесь инородческой крови. Это объясняется принадлежностью поляков к староверию, запрещавшему сближение с иноверцами под опасением «погубления души», вследствие чего поляки жили особняком от прочих алтайских жителей, и скрещивание между ними было, если не совсем невозможно, то, во всяком случае, крайне ничтожно»¹⁰⁸.

Бегство русских людей в Польшу в XVIII в. имело негативные последствия для безопасности приграничных российских территорий. В Псковской провинции участились разбои, организуемые беглыми людьми и крестьянами, которые «в уездах обывателей по дорогам бьют смертным боем и грабят и до конца разоряют и с теми пограбленными пожитками паки возвращаются за Польский рубеж». Согласно указу от 23 июля 1723 г., разбоям потворствовали и сами польские жители, которые «беглых из России людей и крестьян принимают и от них похищенное разбоем берут и оных ружьем снабдевают», о чем предписывалось объявить находящемуся при польском Дворе министру иностранной коллегии тайному советнику князю Долгорукову¹⁰⁹.

Еще одним указом в 1723 г. было предусмотрено создание застав на польской границе для препятствования побегам из России в Польшу. Для поиска беглых людей в Польше предполагалось выбрать специальных комиссаров из дворян, для которых Иностранной коллегией была составлена специальная инструкция¹¹⁰.

Указами и манифестами 1732 и 1734 гг. беглецам повелевалось возвращаться из-за границы с восстановлением на службе и возвращением на прежние места жительства¹¹¹. В 30-х гг. XVIII в. предпринимались попытки

¹⁰⁸ Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа... С. 446.

¹⁰⁹ Сенатский указ «О непропуске беглых за Польский рубеж и о наблюдении стоящим на заставах драгунам осторожности от нападения разбойнических партий выходящих из Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. VII. № 4273. С. 336–338.

¹¹⁰ Сенатский указ «О выборе Комиссаров для возвращения беглых Русских людей из Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. VII. № 4273. С. 94–95.

¹¹¹ Сенатский указ «О свободном возвращении беглецам в Россию с публикации сего указа в два месяца» от 17 января 1734 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. IX. № 6534. С. 254–256 ; Манифест «О свободном возвращении в Россию беглых солдат, крестьян и всякого звания людей, ушедших за границу, и о явке их к пограничному начальству в полтора месяца от объявления сего указа» от 11 июня 1734 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. IX. № 6586. С. 330–331.

ловить беглых за границей и водворять их обратно в Россию. Арестованных в Польше беглецов отправляли партиями по десять человек по маршруту: Белгород – Курск – Орёл – Мценск – Чернь – Тула – Серпухов. Впоследствии возвращенных раскольников пытались вернуть на места прежнего жительства, куда их отправляли партиями, от которых по мере приближения к местам высылки отделялись небольшие группы, сопровождаемые одним или двумя провожатыми¹¹².

Такие действия, а также последующая крупномасштабная операция с использованием русских войск в Польше, стали возможны в результате вступления России в борьбу за «польское наследство». В 1733 г. на территорию Польши был переправлен корпус солдат под командованием губернатора Лифляндии генерал-аншефа П.П. Ласси.

В июле 1734 г. предлагалось возвращать проживавших в Польше и Литве беглецов силами российских войск, поскольку признавалось, что вряд ли можно ожидать отклика всех беглецов на манифест от 11 июня 1734 г. и добровольного их возвращения. Генералу Вейсбаху было приказано отправить «особливую команду» за крестьянами, проживавшими в Ветке и других польских волостях, где насчитывалось несколько тысяч дворов русских старообрядцев. Жилища российских беглецов в Польше надлежало разорить, чтобы возвращенным некуда было снова бежать¹¹³.

Вместе с тем, в докладе смоленского губернатора графа Александра Бутурлина, ведавшего форпостами на границе с Польшей 1735 г., отмечалось, что, несмотря на организацию застав, отправку военных команд через границу и поездки русских помещиков в Польшу, возвращено лишь незначительное

¹¹² Юркин И. Н. «От города до города на прежняя жилища» [Электронный ресурс]. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/57-1-0-315>

¹¹³ Высочайше утвержденный доклад кабинет-министров «Об учреждении в Смоленской Губернии крестьян от побегов и о забрании в Польше Российских беглецов находящимися там Российским войсками» от 31 июля 1734 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. IX. № 6609. С. 381–383.

количество беглых, которые вскоре опять сбегали, увлекая за собой других крестьян¹¹⁴.

В том же 1735 г. в Польшу был выслан особый военный отряд, состоявший из пяти полков (Азовского драгунского, Стародубского и Черниговского, а также двух казацких) во главе с полковником Азовского полка Я.Г. Сытиным. Целью отряда было очищение Ветки от старообрядцев, пришедших из Великороссии. При этом командованию пришлось пойти на хитрость: сообщить солдатам, что целью является не Ветка, а Белая Церковь, чтобы слухи о предстоящей выгонке не разошлись раньше времени. Согласно данным М.И. Лилеева, в результате этой операции из Польши было выведено 13234 чел. (по табели секунд-майора князя Мещерского) или же 13208 чел. (по ведомостям Камер-коллегии)¹¹⁵; П.К. Алефиренко, упоминая о выведенных из Польши в 1735 г. беглых русских крестьянах, пишет о 10662 чел.¹¹⁶

С целью воспрепятствовать дальнейшим побегам русских людей в Польшу, указом от 19 мая 1739 г. военной коллегии приказывалось учредить форпосты от Великих Лук до лифляндской границы¹¹⁷.

В первой половине XVIII в. возвращенных раскольников расселяли по внутренним областям России. Первоначально их предполагалось передавать бывшим владельцам-помещикам и распределять по российским монастырям. Тех, чье прежнее место жительства узнать не удавалось, отправляли в Петербург для поселения в Ингерманландии. Однако старообрядцы при удобном случае бежали из монастырей и скрывались от переписи. Кроме того, надежда на то, что расселение старообрядцев среди крестьян, придерживающихся ортодоксальных

¹¹⁴ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России... С. 108.

¹¹⁵ Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=zP75AgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Лилеев+М.+И.+Из+истории+раскола+на+Ветке+и+в+Стародубье+XVII–XVIII+вв.&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwi-28eS8KjSAhUzSJoKHWaTABEQ6AEIGjAA#v=onepage&q=Лилеев+М.+И.+Из+истории+раскола+на+Ветке+и+в+Стародубье+XVII–XVIII+вв.&f=false>

¹¹⁶ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII в. М., 1958. С. 107.

¹¹⁷ Именной указ, данный из Кабинета Ея Величества Военной Коллегии «Об отправлении Смоленского гарнизонного полка на Великие Луки для распределения по форпостам до самой Лифляндской границы и об удержании крестьян от побегов в Польшу» от 19 мая 1739 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. X. № 7807. С. 778.

верований, приведет к отказу старообрядцев от раскола, не оправдалась. Напротив, пополнялись ряды раскольников¹¹⁸.

Во второй половине XVIII в. российское правительство периодически пыталось склонить беглых раскольников к добровольному возвращению на родину. Так, по данным Т.С. Мамсик, во второй половине XVIII в. сроки для явки беглых разного звания устанавливались 13 раз, начиная с 1754–1755 гг. и заканчивая 1797–1798 гг.¹¹⁹ При Елизавете Петровне было выпущено несколько манифестов, дававших право бежавшим из России людям вернуться на родину. Сначала возвращаться было разрешено до 1 января 1757 г., затем – до 1 июля 1758 г. и 1 сентября 1760 г.¹²⁰ Согласно манифесту 1759 г., беглым русским, находившимся в Польше, Литве, Курляндии, разрешалось «выходить» в Ригу на фортификационные работы и – при желании – записываться там же в дворцовые крестьяне. Возвращавшихся следовало пропускать через форпосты беспрепятственно до самой Риги. Запрещалось удерживать заработанные ими на указанных работах деньги. Проживавшим в Польше и Литве бывшим дворцовым крестьянам, заведшим там семью и хозяйство, было позволено переоформить паспорта, но с условием, «дабы оные, когда здесь в России потребны будут, выходили б за теми их поруками неотложно»¹²¹.

Манифестом 2 января 1761 г. был продлен срок возвращения беглых из-за границы до 1 сентября 1761 г. Возвращавшимся обещалось прощение штрафов и освобождение от предписанной за совершенные преступления казни, а также гарантировалось восстановление в прежнем статусе. Возвращаться разрешалось «с женами, детьми, свойственниками и с пожитками». Не раскаявшиеся в своих

¹¹⁸ Юркин И. Н. «От города до города на прежния жилища» [Электронный ресурс] // Книжница Самарского староверия. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/57-1-0-315>

¹¹⁹ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 128.

¹²⁰ См. : Манифест « Об отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецов в Россию, ушедших в разные времена в Литву и Польшу» от 2 января 1761 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XV. № 11.179. С. 595.

¹²¹ Манифест «О дозволении находящимся в Польше, Литве и Курляндии, беглым Российским солдатам и другого звания людям, выходить беспрепятственно в Ригу, и там поступать в фортификационные работы и в Дворцовые крестьяне» от 5 ноября 1759 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XV. № 11.007. С. 388 ; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1881. Т. 8. С. 336.

проступках, то есть те, кто «не возвратятся, и свою присягу и должность не исполнят», признавались дезертирами и государственными изменниками и, в случае поимки, подлежали ссылке на каторгу¹²².

19 июня 1761 г. Сенат приказал прекратить церковное преследование старообрядцев Урала и содержать их в «покое и тишине», чтобы это показало остальным беглым лояльное отношение государства к вернувшимся из Польши и других заграничных мест¹²³.

При Петре III также принимались указы о непрепятствовании возвращению из Польши и других мест беглых раскольников. За ними признавалась принадлежность к христианам¹²⁴.

Восшествие на престол Екатерины II сопровождалось выходом в свет манифеста от 22 сентября 1762 г., в котором прощались преступления, снимались начеты и назначенные взыскания. Манифест не распространялся на «прямых» богохульников, а также лиц, приговоренных к казни, вечной ссылке или лишению всех чинов по обвинению в «злодеянии воровства, разбойничества и смертоубийства». Вина отпускала лицам, обвинявшимся в неисполнении своих должностных обязанностей до дня коронации императрицы (22 сентября 1762 г.), а обвинявшимся в лихоимстве, взяточничестве и грабеже – до 8 июля 1762 г. Пункт 6 манифеста включал, в том числе, и прощение по «раскольничьим (кроме прямых богохульников), корчемным и соляным делам» (интересно, что три вида преступлений, из которых два являлись экономическими, а одно – религиозным,

¹²² Манифест «Об отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецов в Россию, ушедших в разные времена в Литву и Польшу» от 2 января 1761 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XV. № 11.179. С. 595–596 ; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II... С. 336.

¹²³ Сенатский указ от 19 июня 1761 г. «О воздержании духовных лиц от неприличных сану их поступков, при следствиях по делам раскола, и об употреблении им, для обращения заблудшихся, меча духовного, а не гражданского» // ПСЗ. Собр. пер. Спб., 1830. Т. XV. № 11.277. С. 733–736.

¹²⁴ См. : Именной указ, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым «О сочинении особого положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в отечество с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было» от 29 января 1762 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XV. № 11.422. С. 895.

были объединены в один пункт). Обвиняемых по таким делам надлежало освободить из-под стражи и прекратить начатые следствия¹²⁵.

4 декабря 1762 г. был опубликован манифест о прощении беглым их вин и разрешении свободно вернуться в Россию на поселение. При этом Сенату было дан список мест, где следовало селиться вернувшимся беглецам¹²⁶. 14 декабря 1762 г. вышел Сенатский указ, позволявший бежавшим за границу, прежде всего в Польшу, раскольникам возвратиться в Россию и расселиться «особливыми слободами». К указу также прилагался реестр мест, в которых можно было создавать такие слободы. Реестр предполагал незанятые («порожные же и выгодные») земли Воронежской, Белгородской, Казанской губерний, а также сибирские территории. В Сибири раскольникам, согласно реестру, было позволено селиться в Барабинской степи близ Тобольска, а также в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Березовске, Глубокой и прочим притокам Иртыша. При этом добровольно возвратившимся было обещано освобождение от налогов на шесть лет. Также возвращавшиеся раскольники вольны были выбирать, вернуться им на прежние жилища, к своим помещикам, или же записаться в государственные крестьяне¹²⁷.

В мае 1763 г. Екатерина II издала еще один указ о прощении вины всем бежавшим за границу раскольникам и разрешении им возвращаться на родину, не боясь притеснений и «истязаний». Этот манифест касался не только раскольников, а вообще всех беглых русских крестьян и «всякого звания людей»,

¹²⁵ Манифест по случаю коронования императрицы Екатерины II «О прощении вин впадшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» от 22 сентября 1762 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XVI. № 11.667. С. 69–70 ; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II... С. 336.

¹²⁶ Манифест «О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу» от 4 декабря 1762 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XVI. № 11.720. С. 126–127.

¹²⁷ Сенатский указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, значенных в прилагаемом к сему реестре» от 14 декабря 1762 г. // ПСЗ. Спб., 1830. Т. 15. №11.752. С. 129–132; Алексеенко Н. В. Усть-Каменогорск. Алма-Ата, 1970. С. 8 ; Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в. ... С. 28 ; Небольсин П. Заметки по пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 49.

обитающих за границей. Документ позволял вернувшимся людям селиться в ближайших пограничных губерниях¹²⁸.

Находившиеся на границах «военные команды» не должны были препятствовать возвращению беглецов с польской территории. Более того, им вменялось в обязанность охранять раскольников от возможных притеснений. Запрещалось удерживать раскольников или препятствовать их поселению в предусмотренных указами местах, а губернаторы и воеводы должны были оказать «все удобовозможныя вспоможения»¹²⁹.

Беглецам, покинувшим свой дом уже после выхода в свет указов и манифестов о прощении, возможности выбора не предоставлялось: они возвращались хозяевам либо отсылались в Сибирь, на поселение или для прохождения военной службы. В частности, манифест 1763 г. распространялся только на тех, кто бежал до выхода в свет манифеста от 4 декабря 1762 г. о разрешении вернуться бежавшим за границу русским людям¹³⁰.

Однако комплекс мер по возвращению в Россию не привел к массовому притоку беглых старообрядцев, которые за годы жизни за границей уже успели обзавестись там семьями. Как отмечает первый историк Сибири П.А. Словцов, на предложение вернуться добровольно и переселиться в Сибирь из Польши вообще никто не откликнулся¹³¹. Однако М. Швецова, беседовавшая с потомками польских посельщиков в конце XIX в., пришла к выводу, что какая-то часть из них все же появилась в Сибири добровольно¹³². Массовое переселение было результатом военной операции, «выгонки» староверов из польской Ветки,

¹²⁸ Манифест «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякого звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 лет» от 15 мая 1763 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. XVI. № 11.815. С. 247-248; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II... С. 337.

¹²⁹ Сенатский указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает» от 20 декабря 1863 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. XVI. № 11.738. С. 140-141.

¹³⁰ Манифест «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякого звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 лет» от 15 мая 1763 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830. Т. XVI. № 11.815. С. 247-248.

¹³¹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 39.

¹³² См. : Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа... С. 431.

которая, несмотря на операцию 1735 г., продолжала оставаться центром расселения беглых русских старообрядцев.

В 1764 г. по указу Екатерины II отрядом русских войск во главе с генерал-майором Масловым был осуществлен вывод беглых старообрядцев из Польши, с территорий по рекам Соже, Днепру, Днестру, Бугу, из городов Гомеля, Горохова, Бердичева, Винницы, Межибежа, а также из Ветки¹³³. «Выгонка» продолжалась с 5 октября 1764 г. до конца ноября 1766 г. Старообрядцев сопровождали на новые места жительства под конвоем: на каждых четырех раскольников приходилось по одному конвоиру.

Общая численность выведенных из Польских пределов раскольников в 1764–1766 гг. превышала 4 тыс. чел. Раскольников из Калуги транспортировали водным путем до Казани, где произошло разделение: восемь партий отправили по направлению к Екатеринбургу, а остальных – до Соликамска и Верхотурья, оттуда в Тобольск и Туринск. Но все раскольниковьи партии, в конечном счете, направлялись в Сибирь.

Такое удаленное поселение, хотя и грозило опасностью новых побегов, сыграло роль, в первую очередь, в освоении рубежных территорий. Старообрядцы – тем более, возвращенные беглецы – изначально представлялись неблагонадежным элементом. Первая попытка возврата их в родные дома, предпринятая за тридцать лет до «выгонки», не имела успеха. Крестьяне, возвращенные на прежние места жительства, бежали вновь, склоняя к побегам односельчан. В связи с этим, переселение крестьян на удаленную сибирскую границу, с одной стороны, ограничивало возможности распространения старообрядчества и, в то же время, обеспечивало укрепление православия на

¹³³ Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья : опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2001 г. С. 11; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 161 ; Кушнарева М. Д. Последние годы жизни «старообрядческого епископа» Мефодия [Электронный ресурс] // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв. : развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/3_3.html ; Покровский Н. Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск, 1975. Вып. 2 (№6). С. 109 ; Чудновский С. Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. Барнаул, 2007. Т. 2. С. 266.

пограничной территории. Кроме того, удаленность территории поселения создавала у самих крестьян иллюзию относительной свободы и давала ощущение близости к легендарным местам.

Часть возвращенных в Россию беглецов была определена в рекруты. Формирование полков, состоявших из выведенных из Польши раскольников, производилось под контролем Военной коллегии. Отбор в службу производился в Тобольске, и было предусмотрено оповещение помещиков о том, что их возвращенные крестьяне учтены в качестве рекрутов. Да и сами помещики зачастую предпочитали отдать возвращенных беглецов в рекруты, чтобы исключить повторные побегі. Для отбора в рекруты подходили все мужчины от 14 до 50 лет. При этом за «целого рекрута» считались только мужчины в возрасте от 18 до 40 лет, а все, кто был младше или старше этого возраста, учитывались только как половина рекрута.

В докладе Военной коллегии от 29 ноября 1763 г. было определено, что все записанные в рекруты крестьяне будут обеспечены хлебом и теплой одеждой («серой кафтан или шуба»), средствами на покупку обуви, шапки и рукавиц (ежемесячно), на пропитание же им планировалось выдавать по 10 коп. еженедельно. Также пропитанием и деньгами на одежду должны были обеспечиваться жены рекрутов и их малолетние дети.

План перевода рекрутов в Сибирь был следующим. Формировались партии по 150-200 человек; на каждую такую партию приходилось по одному офицеру. Движение партий осуществлялось через Великие Луки, Опочки и Смоленск до Калуги, а оттуда водным путем до Казани; из Казани – по Каме до Нового Усолья, затем по суше до Верхотурья и опять речным путем до Тобольска, Иркутска и, наконец, к местам службы. Планировалось сформировать пять пехотных (Иркутский, Селенгинский, Нерчинский, Томский и Енисейский) и два конных (Якутский и Тюменский) полка. Из них к 1763 г. уже существовал Якутский ландмилицкий полк, создание остальных только планировалось. Одному конному полку отводилась для проживания территория у Селенгинска, трем полкам – у Иркутска и еще одному конному полку – у Нерчинска. В случае, если эти планы

не удалось бы реализовать, Военной коллегии предписывалось создать в Тобольске «корень» двум полкам. Для первых двух полков были определены штаб и обер-офицеры и присланы знамена и штандарты¹³⁴.

30 апреля 1764 г. сенатским указом подтверждалось создание в Сибири двух конных и пяти пехотных полков из возвращенных из Польши беглых, включая и тех, которые были возвращены помещикам, но последние пожелали отдать их в рекруты. Специально оговаривалось, что принимать в эти полки следует также и тех мужчин, которые окажутся ниже установленного для приема в рекруты роста в 2 аршина и 4 вершка. Также предусматривалось, что, если в дороге кто-то из крестьян заболеет так сильно, что перевозить их будет невозможно, им должна была оказываться помощь в городах, через которые двигаются возвращенные, а после выздоровления они должны были отправляться далее в Сибирь с другими партиями. Если к службе они все же оказывались не годны, то их предписывалось водворять на поселение вместе с женами и детьми. Единственным исключением были такие крестьяне, которые, ввиду тяжелых болезней, увечий или старости, не подходили даже в качестве поселенцев: они не засчитывались в рекруты, хотя от помещиков все равно принимались вместе с семьями, и уже из членов их семей определялись и учитывались крестьяне, пригодные к службе и поселению¹³⁵. Указом от 11 мая 1765 г. бывшим владельцам также разрешалось учитывать возвращенных из Польши и Литвы беглых крестьян в качестве рекрутов (при условии предоставления доказательств о том, что крестьяне до побега принадлежали тому или иному помещику)¹³⁶.

¹³⁴ Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии № 11.979 «О сформировании в Сибири для защищения сего края пяти пехотных и двух конных полков, из выводимых из Польши беглых Российских подданных, и о поселении тех из них, кои в военную службу не годны в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества» от 29 ноября 1763 г. // ПСЗ. Собр. Перв. Спб., 1830. Т. XVI. Л. 436 ; Т. XXXXIII : Книга штатов : Т. 1. С. 35–39 ; Мамсик Т. С. Бухтарминские каменщики... С. 34 ; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II... С. 337; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 7, 279.

¹³⁵ Сенатский указ «О приеме на поселение в учреждающиеся в Сибири полки из выведенных из Польши беглых Российских подданных» от 30 апреля 1764 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XVI. № 12.149. С. 737–739 ; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 177.

¹³⁶ Сенатский указ «О записке и отсылке в Сибирь не добровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов и о зачете крепостных людей владельцам их за рекрут» от 11 мая 1795 г. // ПСЗ. Собр.

В обнаруженной российским историком Н.Н. Покровским ведомости выведенных из Польши русских людей, составленной в 1768 г. генерал-майором Петром Ивашевым по приказу Екатерины II, указывались только два полка – Томский и Селенгинский. В них были определены 1803 чел., годных к службе. С учетом их семейств, количество возросло до 3955 чел. Расквартированы они были в г. Селенгинске (Селенгинский полк) и в Усть-Каменогорской крепости (Томский полк)¹³⁷.

П. А. Словцов добавляет, что семь ландмилицких полков, которые должны были быть сформированы из крестьян-«поляков», вовсе не могли быть образованы «за неспособностью польских «выведенцов», которые все почти поступили в поселения Барнаульския или Забайкальския». Исследователь отмечает также, что уже имеющиеся в Сибири батальоны и губернские роты, ввиду приостановки набора рекрутов в Сибири на период 1763–1768 г., пополнялись из «обученных переведенцов»¹³⁸.

Таким образом, в Тобольске часть старообрядцев была определена в службу. Те же, кто оказался к службе непригоден, были отправлены на поселение на Алтай и в Забайкалье и, в конечном счете, часть этой группы оказалась в Верховьях Иртыша. В ревизских сказках деревень, в которые прибыли на поселение возвращенные из Польши беглецы, значилось, что деревни эти сформированы из беглороссийских крестьян, оставшихся «после уформирования вновь в Сибири пехотных Томского, Селенгинского и карабинерных полков неспособными к службе за старостью и болезнями людей». Всего приведенных в Тобольск беглых раскольников, как определенных в службу, так и отправленных на поселение, оказалось 8227 душ (4596 м.п. и 3631 ж.п.). Из них 2949 душ (1496 м.п. и 1453 ж.п.) были отправлены на поселение в Селенгинское ведомство и 1249

перв. Спб., 1830. Том XVII. № 12.396. С. 132–133 ; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 178.

¹³⁷ Покровский Н. Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков»... С. 109 ; Сенатский указ «О приеме на поселение в учреждающиеся в Сибири полки из выведенных из Польши беглых Российских подданных» от 30 апреля 1764 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XVI. № 12.149. С. 737–739 ; Кабузан В. М. Движение населения Сибири в XVIII в. ... С. 149.

¹³⁸ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 288.

душ (624 м.п., 625 ж.п.) – в Томское. Еще 74 души (43 м.п. и 31 ж.п.) были отпущены на свое пропитание «по неспособности быть в службе и на поселении». Однако при наличии информации о том, где и в каком количестве проживали выведенные из Польши беглые в Селенгинском и Нерчинском ведомстве, следует отметить отсутствие сведений о тех поселенцах, которые были отправлены в Томское ведомство¹³⁹.

Вопрос о возвращении из Польши русских стоял достаточно остро и в последующие годы. В частности, в 1784 г., в ответ на встречное требование Польши о возвращении из России своих подданных, было постановлено, что такое возвращение будет возможно «только не прежде, как сами Поляки здешних беглецов обратно выдавать станут»¹⁴⁰. С другой стороны, само русское правительство при обсуждении вопроса о возможности возвращения польских подданных, оказавшихся в России, склонялось к установлению различных ограничений. Предполагалось возвращать лишь самих беглецов, но жен и детей, которыми поляки обзавелись уже в России, за границу не отпускать¹⁴¹. Таким образом, действия российских властей были продиктованы нехваткой населения при расширении территории и сохраняющейся потребностью в человеческих ресурсах.

Еще одной специфической группой населения Верхнего Прииртышья были «ясашные инородцы» русского происхождения, расселившиеся в верховьях Бухтармы. Во второй половине XVIII в. ими был образован целый ряд деревень: Осочиха, Быково, Сенная, Коробиха, Печи, Белая, Фыкалка, Берель, Малокрасноярская. В сущности, эта группа преселенцев состояла из беглецов,

¹³⁹ Ревизская сказка деревни Старо-Алейской Колыванской области Барнаульского уезда Бобровской слободы 21 сентября 1782 г. // ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819 ; Покровский Н. Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков»... С. 111–112 ; Россия. Полное географическое описание нашего отечества... С. 167.

¹⁴⁰ Сенатский указ «О выдаче Польских беглых, живущих в Киеве» от 5 апреля 1784 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XVI. № 12.125. С. 703.

¹⁴¹ Там же.

пришедших на Бухтарму в поисках легендарного Беловодья. Их также называли «каменщиками». Статус «ясашных инородцев» они получили в 1791-1792 гг.¹⁴²

Наконец, традиционной группой сибирских переселенцев были колодники, водворенные на поселение. В 1759 г., ввиду недостатка женщин в Сибири, было решено отправлять «ссылных женок и девок» преимущественно в поселения вдоль военных линий, особенно возле крепостей по Иртышской и Колыванской линиям. Направление на военные линии колодниц, поступавших в Тобольск, началось с того же 1759 г.¹⁴³

В 1760 г. указом «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян в зачет их за рекрут, и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян по назначенной в сем указе цене»¹⁴⁴ помещикам было предоставлено право ссылат в Сибирь крестьян в счет рекрутов. Ссылке подлежали крестьяне, уличенные в пьянстве, воровстве, непристойных «предерзостных» поступках, – те, чье поведение приводило к разорению и убыткам других людей (прежде всего, самих владельцев) и могло служить плохим примером для односельчан. Такие крестьяне должны были быть не старше 45 лет и пригодны к «крестьянской и другой работе». В ссылку могли быть отправлены и женщины. Указ давал возможность некоторым помещикам сохранить лучших работников, ссылая в зачет рекрутов неугодных крестьян. Приговор начальства должен был сопровождаться составлением мирского приговора с описанием проступков. Указ действовал до 1807 г. Ссылных принимали по «заручным доношениям» от самих помещиков или же их поверенных; взамен выдавались квитанции в счет будущего рекрутского набора. Если же помещик желал отправить на поселение крестьянина с женой и вместе с

¹⁴² Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.)... С. 98, 122 ; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы : Русские на Алтае XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 44.

¹⁴³ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края... С. 371–372 ; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 166–167.

¹⁴⁴ Сенатский указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян в зачет их за рекрут, и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян по назначенной в сем указе цене» от 13 декабря 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. СПб., 1830 Т. XV. № 11.166. С. 582–584.

их малолетним ребенком, то за детей выплачивалась компенсация из казны: за мальчиков до 5 лет – 10 рублей, от 5 до 15 лет – 20 рублей, пятнадцатилетних же мальчиков засчитывали как рекрутов. За детей женского пола надлежало выплачивать половину указанных сумм – соответственно, 5 и 10 рублей. То же правило – ссылка взамен рекрутского набора – действовало для дворцовых, монастырских, государственных крестьян и посадских людей¹⁴⁵.

Согласно Сенатскому указу от 6 августа 1762 г., ссыльных крестьян (с зачетом в рекруты) селили по р. Бухтарме на пригодных для хлебопашества землях, вниз по Иртышу, начиная от Усть-Каменогорской крепости внутри границы в районе Семипалатинской, Ямышевской и Омской крепостей. Переселенцам предполагалось выделять по 5 десятин земли под посевы, покосов на 50 копен, по 54 казенного пуда семенного хлеба «без возврата», а также по 5 рублей на семью для приобретения лошадей; впрочем, предписывалось не выдавать крестьянам сами деньги, а приобретать для них лошадей. Последний пункт был предусмотрен, чтобы крестьяне не потратили деньги на «непристойности», а также из соображений экономии: покупать лошадей оптом было дешевле. Переселение предполагалось начать уже летом того же 1762 г. Тем же указом было запрещено переселять сибирских крестьян на новые места. Ссылнопоселенцы получали освобождение от подушных сборов на три года, что давало им время на создание и обустройство собственного хозяйства. Следует

¹⁴⁵ Сенатский указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян в зачет их за рекрут, и о платеже из казны зажен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян по назначенной в сем указе цене» от 13 декабря 1760 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Том. XV. № 11.166. С. 582–584 ; Кабузан В. М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Вып. 1 : Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 149 ; Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902. С. 35 ; Колесников А. Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства // Проблемы истории советского общества. Новосибирск, 1970. Вып. 2. С. 113–115 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 238 ; Небольсин П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. Спб., 1850. С. 49 ; Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 39 ; Сафьянова А. В. Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья... С. 112; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1882 гг. ... С. 167.

отметить, что поселенцами могли стать не все ссыльные. Так, приговоренные к вечной каторге на поселение не направлялись¹⁴⁶.

Крестьяне, отправленные на поселение в зачет рекрутского набора, составляли значительную часть всех поселенцев, участвовавших в освоении вновь присоединяемых сибирских территорий. Крестьяне в целом (вместе с государственными, экономическими и приписанными) составляли три четверти ссыльнопоселенцев. В 1763 г. в 15 деревень при Усть-Каменогорской крепости было поселено 1162 ссыльных, к декабрю 1773 г. их число увеличилось до 1758 чел. В 1767 г. в округе верхнеиртышских крепостей насчитывалось 2094 ссыльных крестьян. Ссыльными были основаны такие деревни, как Красноярская на Иртыше и Красноярская на Убе, Крутоберезовская, Плоская, Ново-Алейская, Ульбинская. Ссыльных подселили к старожилам деревень Прапорщиковой, Глубокой, Зевакиной, Убинской. В целом, по данным IV ревизии, более половины жителей Верхнего Прииртышья были ссыльнопоселенцами, тогда как по всей Колыванской губернии их насчитывалось только 7% от числа всех жителей¹⁴⁷.

Ссыльные крестьяне прибывали из разных российских городов и селений. Большая их часть были выходцами из Московской, Калужской, Симбирской, Ярославской, Казанской, Тамбовской, Астраханской губерний¹⁴⁸. В качестве примера приведем данные ревизской сказки по деревне Глубокой Бобровской слободы Барнаульского уезда за 1795 г. В списке ссыльнопоселенцев и «освобожденных из тюрем наказанных кнутом каторжных колодников», определенных на поселение, встречаются выходцы из села Девлякова (г. Казань),

¹⁴⁶ Сенатский указ «О сборе оброка с Сибирских крестьян, вместо хлеба и пеньки, деньгами; о поселении ссыльных; о выдаче им хлеба для посева безвозвратно и о покупке им лошадей для пашни; об употреблении ссыльных для препровождения судов с провиантом и о поселении ямщиков для подводной гоньбы» от 6 августа 1762 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XVI. № 11.633. С. 39-42 ; Бояршинова З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 50 ; Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения... С. 25 ; Колесников А. Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства... С. 113–115 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 238.

¹⁴⁷ Алексеенко Н. В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. ... С. 143; Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения... С. 26–27 ; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке... С. 102, 123 ; Жеравина А. Н. Очерки по истории приписных крестьян Кабинетского хозяйства в Сибири... С. 3 ; Русские старожилы Сибири... С. 39.

¹⁴⁸ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в. ... С. 26–27.

Черноусова (г. Чернь), г. Муром, д. Патрикеевой (г. Ярославль), д. Меншиковой (Белозерская слобода Елуторского дистрикта), с. Шахова (г. Кромь), д. Юрьевской (г. Кострома), городов Казани, Вязьмы и Перемышля, с. Мочалова (г. Мещерск) и др.¹⁴⁹

В ревизских сказках все крестьяне, переселившиеся в Верхнее Прииртышье, делились на три категории. К первой относились так называемые «беглороссийские», «выведенные из Польши», то есть старообрядцы, возвращенные в российские пределы. Вторую категорию составляли «великороссийские посельщики». При учете этих переселенцев в ревизских сказках обычно указывалось место, откуда они прибыли и звание, в котором они состояли до переселения. Третью категорию представляли поселенцы «сибирские», т.е. те крестьяне, которые сменяли место жительства (с разрешения властей или же самовольно) и обзаводились хозяйством на новых местах. В отношении этих крестьян обычно указывалось, в какой деревне они были положены в оклад ранее. К последним двум выделенным категориям поселенцев могли относиться как те, кто переселился в Сибирь добровольно и получил четырехлетнюю льготу от уплаты налогов (льгота, определенная властями в качестве помощи крестьянам для создания хозяйства на новом месте), так и те, кто оказался в Сибири в ссылке. Для каторжников в ревизских сказках указывались мера и причина наказания.

Говоря о большом количестве старообрядцев, оказавшихся в Верхнем Прииртышье в процессе колонизации (как вольной, так и регулируемой государством), следует отметить связь пограничной территории с легендой о Беловодье. Мифический ореол, окружающий эту территорию, стал одним из факторов, влиявших на заселение региона в XVIII в. и укоренение здесь русского населения. Беловодье представлялось как вольная страна без «татьбы, воровства, пакости», ассоциировалось с «пустынью» – местом, где крестьяне-старообрядцы

¹⁴⁹ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819. Л. 73–94.

могли бы быть свободны от ограничений, устанавливаемых властями¹⁵⁰. Как следствие, территория приобретала привлекательность для крестьян не только благодаря благоприятным природным условиям, но и благодаря окружающему ее ореолу легенды. В устном народном творчестве Бухтарма представлялась не просто пригодной для жизни территорией, но центром стремлений вообще любых беглецов, искавших более справедливого жизнеустройства.

Таким образом, фронтирная территория оказалась в сфере интересов не только имперской власти, но и простого народа, поскольку считалась местонахождением Беловодья, легенды о котором начали формироваться в XVIII в., фактически, когда колонизация Верх-Иртышского фронта уже осуществлялась. Располагаясь на отдаленной периферии, рубежная территория обеспечивала условия для отхода от традиционных норм – культурных, религиозных, экономических, административных. Здесь находили прибежище люди, надеявшиеся на возможность создания нового уклада жизни, носители утопических идей¹⁵¹. Социально-утопическая идеология становилась определенным основанием для того, чтобы создать благоприятный образ фронта как желанного центра сельскохозяйственного закрепления. В старообрядческой среде эта идеология имела наибольшее значение. Для водворенных в верховья Иртыша «поляков» мифический ореол, созданный вокруг этой территории, мог быть не только идеологической основой для примирения со своим географическим положением, он оправдывал необходимость претерпевать тяготы колонизации, был побуждающим фактором для дальнейшего продвижения и устройства новых поселений (явлением, характерным на протяжении XIX в., после приписки к заводам). Следовательно, легенды о Беловодье выступали

¹⁵⁰ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма... С. 163, 221; Островский А. Б. Беловодье староверов Алтая / А. Б. Островский, А. А. Чувьуров // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, вып. 3. С. 9–10; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. ... С. 239; Его же. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 35. Петрозаводск, 1962. С. 116–119; Мамсик Т. С. Крестьянские движения в Сибири: вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 181; Ее же. Побег как социальное явление... С. 187.

¹⁵¹ Баева Л. В. Проблемы культурной безопасности в изучении фронтирных регионов // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 2. С. 40; Якушенков С. Н. Фронт как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 295.

неким гарантом возможности изменить собственное положение в случае ухудшения условий жизни – за счет ментальной обоснованности дальнейшей колонизации.

Распространение Беловодской легенды было связано с деятельностью секты «бегунов» или «странников», которая возникла во второй половине XVIII в. «Бегуны» отрицали современное им государство, основную причину общественных бедствий связывали с существованием частной собственности. Они считали воплощениями антихриста не только царя и незаконную власть, но и существующее законодательство, налоговую систему, рекрутчину, армию, деньги, семью, паспорта, ревизии. «Бегуны» стремились исключить себя из социальной действительности и создать собственное общество. Основным способом достижения этой цели был побег¹⁵².

Во второй половине XVIII в. Беловодьем, то есть, «лучшими землями», считались Бухтарминская и Уймонская долины юго-восточного Алтая. Стихийная колонизация достигла этих территорий раньше государственной, и какое-то время здесь могло существовать независимое общество. По мнению М.М. Громыко, в стихийной колонизации Бухтармы «в чистом виде нашло выражение бегство как форма классовой борьбы»¹⁵³.

Первоначально Сибирь была основным прибежищем скрывающихся от религиозных и налоговых преследований со стороны российских властей. Укрепление позиций России в Сибирском регионе привело к тому, что сибирские крестьяне, оказавшись под тяжестью налогов и заводских отработок, стремились бежать еще дальше, за пределы Сибири, в поисках нового безопасного места, которым на определенное время стала Бухтарма. По свидетельству М.М. Громыко, к 1788 г. бегство в Бухтарму стало таким масштабным, что обратило на себя внимание генерал-прокурора Вяземского, который сделал запрос

¹⁵² Карпенко З. Г. Борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян Западной Сибири против феодальной эксплуатации (1800–1860 гг.) // Ученые записки Кемеров. гос. пед. ин-та. 1963. № 5. С. 16 ; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. ... С. 240–243, 288 ; Его же. Легенда о Беловодье... С.121–125.

¹⁵³ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 125–126.

Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору Якоби, пытавшемуся скрыть реальные масштабы нелегальной миграции в Бухтарму, но вынужден был признать, что там есть постоянные жители-беглецы¹⁵⁴.

Сюда бежали приписные крестьяне, рекруты из западных губерний, беглые крепостные, ссыльные и старообрядцы. Здесь жили так называемые «вольные каменщики» – люди, стремившиеся к свободе и ушедшие «за Камень». Бухтарма – как воплощенное Беловодье – также считалась местом пребывания «царей-избавителей»: по легендам конца XVIII в. здесь скрывались войска Петра III после разгрома пугачевского восстания и казни Е. Пугачева; в XIX в. распространилась легенда, согласно которой Константин Павлович ушел в Беловодье, а не умер в Витебске от холеры в 1831 г.¹⁵⁵

На основе «Росписи находящимся в камне разного звания беглым людям и которые поступили в ясак с их семействами, учиненной во время описания Бухтарминских урочищ 1792 г. унтер-шихтмейстером Лаврентием Феденевым», Т.С. Мамсик выделила пять основных районов, откуда бежали крестьяне на Бухтарму. Как правило, на территории этих районов располагались заводы, с которых и бежали мастеровые и рекруты. Одним из таких районов был Верхнеиртышский, включавший Убинскую и Глубокую слободы¹⁵⁶. До приписки жителей поселений верхнего Иртыша к заводам основными причинами побегов становились, вероятно, религиозные. В списке Лаврентия Феденева указываются места выхода крестьян, поселившихся на Бухтарме, но эта информация не всегда является достаточно полной. В трех случаях из 131 (в списке приведены только мужчины) прямо указывается, что беглецы – из «поляков»: это Феклист Сергеев (найден живущим в д. Чесноковке из шести дворов), Осип Троеглазов (д. Погорелиха с одним двором), Василий Корнеев с женой (д. Быкова с двумя

¹⁵⁴ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 125–126.

¹⁵⁵ Карпенко З. Г. Черная и цветная металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах... С. 99 ; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма... С. 221–22 ; Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 86–93 ; Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян... С. 63–73 ; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. ... С. 258–276.

¹⁵⁶ Мамсик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках»... С. 248.

дворами). В одном случае – в отношении сорокалетнего Феклиста Сергеева, указано, что он – выходец из Убинской слободы, где проживали Троеглазов и Корнеев – в «Росписи» не говорится¹⁵⁷.

Отличные от «Росписи» Лаврентия Феденева сведения о беглецах Троеглазовых дает составленная пойманным в 1790 г. мастеровым Федором Сизиковым «сказка» о жителях «камня». Согласно этой «сказке», на речке Середчихе, впадающей в речку Язовую, жил крестьянин д. Секисовской на Иртыше Фома Троеглазов с женой, имени которой Федор Сизиков не запомнил, только отчество Гаврилова. У них было двое детей, Петр 12 лет и Иван 9 лет, третий ребенок у них родился в 1790 г., но его пола и имени Сизиков также не знал¹⁵⁸.

Крестьяне-«поляки» Троеглазовы действительно жили в деревне Секисовской: по данным четвертой ревизии там значились Иван Фомин Троеглазов (в 1782 г. ему было 80 лет), его жена Афроминья Константинова дочь, четверо их сыновей, двое из которых были женаты, и одна дочь. Еще в одном семействе Троеглазовых было двое братьев (обоих звали Трофимами Сергеевыми Троеглазовыми) и их сродный брат Корней Ермолаев Троеглазов. Старший Трофим и Корней были женаты, у обоих были дети¹⁵⁹.

Федор Сизиков также упоминает о некоем крестьянине д. Старо-Алейской Убинской слободы, имени которого он не знал, но указал отчество – Сергеич.¹⁶⁰ В «Камне» он проживал на р. Язовой. Вероятнее всего, речь идет о Феклисте Сергееве, который, по данным «Росписи» Лаврентия Феденева жил в д. Чесноковке, где также проживали Блиновы и Абросим Шумилов, указанные Сизиковым в качестве соседей крестьянина Убинской слободы, имя которого не было известно¹⁶¹. В списке крестьян-«поляков» д. Старо-Алейской за 1782 г. присутствует холостяк Феклист Сергеев тридцати лет. Он жил вместе со своим

¹⁵⁷ Мамсик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках»... С. 259–268.

¹⁵⁸ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 96.

¹⁵⁹ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819. Л. 529(об.)–531.

¹⁶⁰ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 96.

¹⁶¹ Масик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках»... С. 259.

23-летним братом Федотом, тоже холостым. В списке значится также их мать, вдова Агрофена Иванова дочь, но она умерла еще в 1769 г.¹⁶² Согласно «Росписи» Лаврентия Феденева, «каменщику» Феклисту Сергееву в 1792 г. было 40 лет, он по-прежнему был холост. В «Камне» он жил уже 3 года.

Василий Корнилов, по свидетельствам Федора Сизикова, проживал на р. Паскачихе, впадающей в р. Белую. Здесь в двух избах жили польский солдат Сергей Иванов и крестьяне Василий Корнилов и Григорий Тотьмин¹⁶³.

Среди бухтарминских «каменщиков» в «Росписи» также указаны крестьяне из слободы Глубокой – Карп Смирнов с женой (в д. Чесноковка), д. Бобровки близ Барнаула – Василий Лубягин (в д. Погорелихе), д. Выдрихи – Михаил Булычев (в д. Середчихе), д. Большой Речки – Иван и Назар Сосновских (в д. Назаровой), Убинской слободы – вдовец Матвей Ситников (в д. Архиповой). По данным Федора Сизикова, Матвей Ситников проживал вместе со своим сыном Федором 19 лет, а у Михайло Булычева, по данным «Росписи» Лавренева холостого, была жена Офимья Яковлева Кузнецова¹⁶⁴. Согласно ревизским сказкам за 1798 г., крестьяне Ситниковы жили в д. Секисовской и были беглецами, возвращенными из Польши. По данным четвертой ревизии, в деревне значились Сидор Игнатьев Ситников с женой Агафьей, сыном Аксентьем и тещей Марфой Семеновой дочерью. В сказке также был указан Артемей Игнатьев Ситников, умерший еще в 1772 г. Вероятно, их сестра (в ревизской сказке указана как дочь посельщика д. Секисовской Игнатья Ситникова), Агафья Игнатьева дочь, вышла замуж за крестьянина д. Верх-Убинской Мину Михайлова Сорокоумова. Крестьянин по имени Матвей Ситников в списках не значится¹⁶⁵.

Как уже отмечалось ранее, в 1791–1792 гг. положение «каменщиков» было легализовано, и они получили статус «ясашных инородцев» с освобождением от выплаты податей до 1796 г. В 1796 г. для них был установлен размер ясака:

¹⁶² ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819. Л. 477(об.)

¹⁶³ Масик Т. С. Побег как социальное явление... С. 97.

¹⁶⁴ Мамсик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках»... С. 259–268 ; Ее же. Побег как социальное явление... С. 96.

¹⁶⁵ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819. Л. 561(об.)–562.

бухтарминцы обязаны были вносить в казну соболей на 3 р. 50 коп. за каждую ревизскую душу¹⁶⁶.

Распространение на эти земли государственной власти, изменившиеся порядки и нарастающее недовольство бухтарминцев постепенно привели к тому, что Бухтарма и Уймон перестали считаться Беловодьем, его местонахождение отодвинулось в представлении людей далеко за границы русского государства.

К.В. Чистов выделяет три варианта маршрута в Беловодье. По одному из них, путь к Беловодью лежал в обход Алтайских гор с севера и запада – до д. Усть-Убы, расположенной при впадении р. Убы в Иртыш, после этого двигаться следовало предположительно по долине р. Убы или ее притоков, через Тигреcko-Коксуйский хребет, по долине рек Коксу и Катунь до Уймона. Согласно другому варианту, Западный Алтай преодолевался по Иртышу через Усть-Каменогорск до Усть-Бухтармы и затем Бухтарминской долиной через перевалы Катунского хребта до Уймона. Из Уймонской долины вела легендарная часть пути через Китайские земли¹⁶⁷.

Парадоксальным может выглядеть то, что при сосредоточении на фронтире групп населения, нацеленных на самосохранение и общинную замкнутость (казачьи поселения, старообрядческая община), транскультурный характер фронтирной зоны все равно обеспечивал возможности взаимодействия: обмена опытом хозяйствования, торговли с кочевыми народами.

Итак, можно говорить о нескольких источниках заселения территории Верхнего Прииртышья. В значительной степени, поселенцы Верхнего Прииртышья оказывались заранее ориентированы на культурное, традиционное, этническое самосохранение в условиях сложного этноконфессионального состава населения Верхнего Прииртышья. Ключевую роль играли «поляки», имевшие продолжительный опыт пребывания в бегах и, соответственно, адаптации к хозяйственным и иным условиям новых территорий. Устойчивой самосохраняющейся группой были также казаки.

¹⁶⁶ Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 44.

¹⁶⁷ Чистов К. В. Легенда о Беловодье... С. 142–150.

Водворение на поселение в Верхнее Прииртышье старообрядцев в рамках государственно управляемой колонизации позволило сформировать население, устойчивое к культурному и религиозному влиянию соседних народов. Устойчивость эта обеспечивалась за счет сформированности старообрядческой общины на момент поселения в верховьях Иртыша и усиливала роль общины-деревни¹⁶⁸ как консолидирующего и саморегулирующего фактора.

Управляемая государством колонизация не только обеспечила закрепление региона за Россией, но и создала условия для его включения в состав кабинетского землевладения. К 1797 г. территория была переведена в режим саморегулирования с точки зрения общинных норм самоуправления. В этом смысле, она располагала к проецированию объема повинностей и осуществлению контроля исполнения этих повинностей.

1.3. Территориально-административное развитие Верхнего Прииртышья в процессе крестьянской колонизации

Первыми появившимися в верховьях Иртыша крестьянскими поселениями стали деревни Убинская и Прапорщикова. О них сообщалось в 1748 г. в рапорте управляющего Колыванским заводом И. Г. Улиха в канцелярию Колывано-Воскресенского горного округа. Первая деревня появилась у подножия гор на р. Убе в четырех верстах от Убинского форпоста (располагался при впадении р. Убы в р. Иртыш) и в 82 верстах от Усть-Каменогорской крепости; вторая – в 15 верстах от Усть-Каменогорской крепости и пяти верстах от Уваровского станца и одноименной крепости.

¹⁶⁸ Сельская община в дореформенной Сибири как правило функционировала в рамках управленческой вертикали от деревенской до волостной и наоборот. Особенностью сельской общины Верхне-Иртышского фронта было то, что в силу социальной природы русских поселенцев верховий Иртыша, предельным социальным пространством развития была деревня, а межобщинное взаимодействие строилось преимущественно горизонтально. Как условно-аналитический прием считаем уместным употребление термина «деревня-община».

Вскоре после 1748 г. были основаны деревни Глубокая (у устья р. Глубокой), Выдрихинская или Выдриха (на р. Убе), Зевакина¹⁶⁹. Г. Н. Потанин обнаружил в архивных документах прошение крестьян д. Убинской от 1761 г. о переводе к ним или в соседнюю д. Глубокую из д. Талицкой кузнецов Ляпуновых, поскольку ни в самой Убинской, ни в соседних деревнях, Глубокой и Прапорщиковой, кузнеца не было. Деревня Глубокая в этом прошении называется «новой», что говорит о недавнем времени ее возникновения¹⁷⁰.

Первоначально указанные пять деревень входили в состав Бобровской слободы. По данным III ревизии (1763 г.) число жителей в них составило 927 душ обоего пола, в том числе 561 м.п. и 366 ж.п. Из них в д. Убинской насчитывалось 345 душ обоего пола, в Прапорщиковой – 113, Глубокой – 247, Выдринской – 114, Зевакиной – 108 душ¹⁷¹.

В.П. Словцов, опираясь на краткую ведомость Чернцова, составленную в 1747 г. и содержащую сведения о количестве податного населения в крепостях в верховьях Иртыша, указывает число жителей в крепостях и поселениях вокруг них. Согласно этой ведомости, в Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях было 1119 человек. В этой же ведомости приводились «заглавия третьей переписи, деланной в 1763 году в тех же почти местах»¹⁷², что и перепись 1747 г. Согласно этим «заглавиям», в Семипалатинской крепости насчитывалось 30 душ государственных крестьян, в деревнях в районе крепости: в деревне Березовке – 73 души, переведенные из Омска, в д. Прапорщиковой – 67 душ, переведенных из Ялуторовского дистрикта, в д. Зевакиной – 37 и в д. Убинской – 48 душ государственных крестьян¹⁷³.

¹⁶⁹ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в. ... С. 23–25 ; Никифоров Д. В. Моя Убинка. Мои убинские люди : история в лицах. Усть-Каменогорск, 2012. С. 126–127 ; Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай... С. 313–314.

¹⁷⁰ Лебедев А. А. Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX – начало XX в.) // Хозяйство и быт Западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979. С. 227 ; Никифоров Д. В. Моя Убинка. Мои убинские люди... С. 127.

¹⁷¹ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в. ... С. 25.

¹⁷² Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 29.

¹⁷³ Там же.

Н. В. Горбань относит появление в пределах Ново-Ишимской укрепленной линии д. Солоновки, расположенной вниз по р. Ишиму в 15 верстах от крепости св. Петра¹⁷⁴, к концу 50-х гг.

В 60-х гг. XVIII в. возвращенными из Польши беглороссийскими старообрядцами были основаны «польские» деревни. К 1764 г. (по данным П. А. Словцова – 1766 г.) относится появление деревень Шеманаевской (на р. Убе, в 20 верстах от д. Выдринской¹⁷⁵), Екатерининской (на месте Екатерининского форпоста, после перенесения укреплений к югу), Старо-Алейской, Бобровской и Секисовской (на речке Секисовке, в 22 верстах от д. Бобровской¹⁷⁶). В 18 верстах от д. Выдрихи располагалась д. Лосиха или Верх-Убинская¹⁷⁷. М. Швецова, изучавшая историю жизни потомков «поляков» Риддерской волости, запрашивала в волостном правлении данные о возникновении деревень Верх-Убинской и Секисовской. Ей были предоставлены сведения, основанные на воспоминаниях местных жителей: датой основания Лосихи был назван 1737 г., а Секисовки – 1747 г. М. Швецова скептически отнеслась к этим данным, склоняясь к мысли, что эти деревни были основаны польскими посельщиками, но на их местах ранее существовали казачьи поселения, причем сами казаки не ушли на новые форпосты, а поселились рядом со староверами-«поляками», отчего в памяти жителей и сохранились даты более ранние, чем период водворения на Алтай польских посельщиков. Казачьи поселения, сохранившиеся при деревнях старообрядцев, имели некоторую обособленность, свое управление и свои порядки; тем не менее, находясь в соседских отношениях, старообрядцы и казаки не могли не вступать в контакты. Под влиянием этих контактов казаки, вероятно, могли обращаться в староверие. То же происходило и со ссыльнопоселенцами,

¹⁷⁴ Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей... С. 225.

¹⁷⁵ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди... С. 23; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах... С. 61.

¹⁷⁶ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах... С. 63.

¹⁷⁷ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди... С. 26; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах... С. 61.

которые оказывались «подселены» к «полякам». Ассимиляция, таким образом, осуществлялась в течение продолжительного времени¹⁷⁸.

Основав собственные поселения и обзаведшись хозяйством, «поляки» уже к концу XVIII в. стали силой, обеспечивавшей продолжение колонизации. Часть «поляков» была переведена (по их желанию) в деревню Петропавловскую (на р. Ануй) ведомства Бийской комендантской канцелярии.

Таким образом, большинство деревень, в которых проживали польские переселенцы, появилось в период с 1763 по 1766 гг. Собственно, их образование и происходило в рамках программы правительства по освоению хлебопахотных земель Сибири.

Ряд деревень, основанных крестьянами-«поляками», посетил во время своего путешествия по Алтаю в 1870 г. П. С. Паллас. В частности, он побывал в д. Шемонаихе, «новопостроенной» на месте бывшего форпоста на р. Шемонаихе; в ней имелось 30 дворов. Эта деревня была заселена в основном «поляками», предки которых переселились в Подолию и прочие польские пограничные области. П.С. Паллас отмечал рачительность местного населения, но их неприспособленность к местному климату¹⁷⁹. Ко времени, когда д. Шемонаиху посетил другой путешественник, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, путешествовавший по Алтаю в 1856-1857 гг., селение это стало большим и цветущим, то есть, крестьяне прочно укоренились на месте своего проживания¹⁸⁰.

Еще одно «польское» поселение из 13 дворов П.С. Паллас отметил на месте бывшего расположения Екатерининского форпоста, на р. Алей, в окружении голых утесных гор. Это была д. Екатерининская. Число жителей деревни увеличилось за счет ссыльных переселенцев, быт которых, по словам путешественника, резко контрастировал с хозяйственной организацией «поляков-старожилов». Ссылные не могли наладить земледелия и проживали в казармах,

¹⁷⁸ Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа... С. 432–433.

¹⁷⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства... С. 219–223.

¹⁸⁰ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах... С. 61.

оставшихся от старого форпоста. «Поляки» же отличались трудолюбием и неприветливо встретили пришлое население.

Другая деревня «поляков» на 150 дворов располагалась на месте Старо-Алейского форпоста (потому и получила название Старо-Алейской). Поляки составляли большую часть жителей деревни¹⁸¹. П.П. Семенов-Тянь-Шанский характеризовал Старо-Алейское селение как имевшее «вид замечательный и богатый». В деревне имелась одна покосившаяся часовня: жителям старообрядцам не разрешали строить новый храм¹⁸².

В 1770 г. возникла д. Ново-Алейская, населенная старожилами и ссыльными старообрядцами¹⁸³.

Спустя десятилетия стали заметны резкие отличия жилищ местных старожилов от глинобитных хат новоселов (преимущественно с юга России): старые, местами покосившиеся, раскрашенные и шитые тесом, с обязательными тесовыми воротами с «фигурчатой резьбой над крышкой и с жестяными звездочками на полотнах, а иногда и на карнизах домов»¹⁸⁴. Так, село Красноярское, расположенное на правом берегу р. Убы, долго сохраняло «самобытность старожильского крестьянства». Большую часть жителей села составляли потомки старообрядцев – зажиточные крестьяне. Вообще, следует отметить, что путешественники традиционно отмечали рачительность и зажиточность крестьян-старообрядцев, а снижение уровня зажиточности населения связывалось с переселенческим движением конца XIX в.¹⁸⁵

По списку населенных мест Колыванской области, в 1782 г. деревни Семипалатинского уезда частично находились в Барнаульском уезде, располагавшемся от Китайской границы выше Усть-Каменогорской крепости

¹⁸¹ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства... С. 219–223, 227.

¹⁸² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах... С. 59.

¹⁸³ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в... С. 23–26 ; Кабузан В. М. Движение населения Сибири в XVIII в... С. 151 ; Липинская В. А. Поселение, жилище и одежда русского населения Алтайского края... С. 19 ; Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства... С. 252.

¹⁸⁴ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и Убинские люди (литературно-этнографический очерк) // Алтайский сборник. Т. XI. С. 8–9.

¹⁸⁵ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и Убинские люди... С. 12–13.

вниз по Иртышу через крепость Ямышевскую, Кулундинское озеро, реки Кулунду, Иню, Талицу, Берду, Чумыш, Пыштылы и снова до китайской границы по левому берегу реки Чулышмана, а оттуда вдоль границы – до Иртыша. В составе Барнаульского уезда указаны: Шульбинский, Убинский, Красноярский, Ново-Алейский форпосты; Бобровская, Верх-Убинская, Плоская защиты; деревни Старо-Алейская, Екатерининская, Плоская, Ново-Алейская, Шеманаихинская, Красноярская на Убе, Убинская, Выдриха, Верх-Убинская, Большерецкая, Зевакина, Березовка, Красноярская, Секисовка, Бобровская, Глубокая, Прапорщикова, Ульбинская¹⁸⁶.

Отдельно можно остановиться на истории возникновения д. Большая Речка. Река Большая Речка впадает в Убу с правого ее берега. Заселение территории стало возможно после укрепления русских в Верхнем Приобье и строительства Белоярской и Бикатунской крепостей. Первоначально крестьяне осваивали ближайшие к крепостям территории. На севере – окрестности Белоярской крепости, речки Повалиху, Черемшанку, Чесноковку, Лосиху, на юге – окрестности Бикатунской крепости. На Большой Речке поселенцы стали укрепляться с 30-х гг. XVIII в. В 1732 г. указом Кузнецкой воеводской канцелярии крестьянам д. Ировской ведомства Бердского острога Афанасию Банникову и Григорию Волкову было разрешено поселиться на Большой Речке. Следует отметить, что Григорий Волков первоначально проживал в Тобольском уезде и в 1720 г. поселился в д. Ировской. Во время III ревизии (1763 г.) в Большой Речке значилось уже 196 жителей: 103 м. п. и 93 ж. п. В начале 80-х гг. XVIII в. деревня была включена в Барнаульскую волость. В дальнейшем д. Большая Речка стала транзитным переселенческим пунктом: переселенцы, в основном, самовольные, оседали либо в самой деревне, либо в ближайших поселениях за пределами большереченского бассейна: по правому берегу Оби – в дд. Камышенке, Клепиковой, Шипуновой, по левому берегу Оби – в дд. Легостаевской, Вяткиной, Беловой и др. В 1792 г. д. Большая Речка входила в

¹⁸⁶ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края... С. 413–414.

ведомство Уксунайской слободы Бийского уезда. В этот период в деревне значилось 32 двора, в которых проживали 185 человек: 91 м.п. и 94 ж.п.¹⁸⁷ В 1798 г. д. Большереченская значилась в составе Крутоберезовской волости.

Основание д. Стекланской произошло это не позже 80-х гг. XVIII в. В списках крестьян, положенных в оклад д. Глубокой за 1794 г., имеется запись о бывшем жителе этой деревни Семене Степанове Жукове. У него была жена Анисья, дочь казака Омской крепости Василия Беляева, и трое женатых сыновей – Филип, Афонасей и Тимофей и дочь Мария. Филип был женат на Агафье, дочери крестьянина той же д. Глубокой Алексея Литвинова; у них было трое детей: сыновья-близнецы Савелий и Николай и дочь Авдотья, отданная замуж за казака Михаила Захарова. Афонасей был женат на дочери казака Петра Чуркова Авдотье; у них были две малолетние дочери. Согласно спискам, Семен Жуков «со всем семейством» был переселен в д. Стеклинку в 1768 г., но на деле имелись в виду – Семен и два его старших сына. Младший сын Тимофей Жуков с дочерью и его сестра Мария продолжали значиться в д. Глубокой¹⁸⁸.

К четвертой ревизии в состав Бобровской слободы входили 15 деревень: Красноярская на Иртыше, Крутоберезовская, Красноярская на Убе, Плоская, Ново-Алейская, Ульбинская, Прапорщикова, Зевакина, Убинская, Бобровская, Шемонаевская, Екатерининская, Старо-Алейская, Верх-Убинская, Секисовская. Первые девять были образованы ссыльными поселенцами. Бобровскую деревню создали ссыльные из Великороссии, крестьяне-старожилы, а также «поляки». Последние пять деревень – Шемонаевская, Екатерининская, Старо-Алейская, Верх-Убинская и Секисовская – основали ссыльные великороссийские посельщики и «поляки». В них проживали государственные крестьяне (2760 душ), великорусские посельщики (3097 душ), польские посельщики (2657 душ),

¹⁸⁷ Булыгин Ю. С. Освоение русскими крестьянами бассейна и окрестностей Большой Речки в XVIII – XIX столетиях // Историко-географические проблемы Сибири. Барнаул, 1995. С. 30–40.

¹⁸⁸ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 831. Л. 7–8.

отставные военные (283 души); большая часть жителей состояла из принудительных переселенцев¹⁸⁹.

К IV ревизии изменилось административное деление Верхнего Прииртышья. Бывшее ведомство Усть-Каменогорской комендантской канцелярии вошло в состав Колыванской губернии. Бобровская слобода разделилась на Усть-Каменогорскую, Убинскую и Крутоберезовскую слободы. При Усть-Каменогорской слободе оказались пять деревень: Глубокая, Прапорщикова, Убинская, Бобровская, Красноярская на Иртыше; в состав Убинской слободы были включены деревни: Выдринская, Убинская, Красноярская на Убе, Вавилонская, Шемонаевская, Екатерининская, Старо-Алейская, Плоская, Новоалейская, Кабанова, Семипалатинская и Стеклянская.

Численность жителей в Усть-Каменогорской слободе по IV ревизии известна по двум документам. Первый из них – «Ведомость, учиненная в Колывановской казенной палате всех не приписанных к заводам государственных, экономических крестьян»¹⁹⁰, представленная в 1797 г. в пакете документов, направленных из Колыванской казенной палаты Колыванскому губернатору Гавриле Симоновичу Качке¹⁹¹. Второй документ – «Именные списки Усть-Каменогорской слободы Колыванского наместничества» за 1795 г., в которых приведены данные пятой, но присутствуют и данные четвертой ревизии¹⁹². Данные в этих документах отличаются друг от друга. Списки 1795 г. более подробны в части характеристики жителей Усть-Каменогорской слободы: здесь присутствуют данные как о мужчинах, так и о женщинах, проживавших в селениях Семипалатинского уезда. В то же время, в этих списках удалось найти

¹⁸⁹ Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в... С. 23-26 ; Кабузан В. М. Движение населения Сибири в XVIII в... С. 151 ; Липинская В. А. Поселение, жилище и одежда русского населения Алтайского края... С. 19 ; Никифоров Д. В. Моя Убинка. Мои убинские люди : история в лицах. Усть-Каменогорск, 2012. С. 128.

¹⁹⁰ Ведомость, учиненная в Колывановской казенной палате всех неприписанных к заводам государственных, экономических крестьян // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 155(об.)–156.

¹⁹¹ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 118–183 (об.).

¹⁹² Именные списки Усть-Каменогорской слободы Колыванского наместничества 1795 г. // ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 831.

только данные по Усть-Каменогорской и Убинской слободам, поэтому частично они дополнены данными Ведомости Казенной палаты.

По данным IV ревизии в Крутоберезовской слободе проживало 1317 душ м.п. государственных крестьян и поселщиков, а также двое ясашных, в Усть-Каменогорской слободе насчитывалось 1550 государственных крестьян и поселщиков м.п. (из них двое числились в Усть-Каменогорской крепости) и 1 ясашный, в Убинской – 1582 крестьян и поселщиков м.п. (из них 9 числились в Семипалатинской крепости)¹⁹³. К V ревизии (1795 г.) истекли льготные сроки, отведенные на поднятие крестьянских хозяйств, что уравнило в социальном отношении добровольных переселенцев, польских поселщиков и отставных военных.

Немаловажным представляется определение числа и полового состава жителей отдельных деревень рассматриваемых слобод. Хозяйственное освоение новых территорий напрямую связано с возможностью воспроизводства пришлого населения. Если среди переселенцев отмечается значительная разница в числе мужчин и женщин, создание семьи для значительной части населения становится невозможным. Для крестьян же выстраивание семейных отношений было одной из неперенных жизненных ценностей. Однако при переселении в Сибирь далеко не всегда сохранялся баланс между переселенцами мужского и женского пола (в частности, на решение этой проблемы было направлено упоминавшееся специальное распоряжение о направлении в Сибирь ссыльных колодниц).

Самой людной была д. Глубокая, в ней к IV ревизии насчитывалось 824 души обоего пола, из них 400 души – государственные крестьяне, 424 – великороссийские поселщики. По данным V ревизии количество жителей д. Глубокой составило 855 душ (439 м.п. и 416 ж.п.).

Второй по численности жителей была д. Бобровская, где в 1782 г. насчитывалось 757 душ, из них: 383 м.п. и 374 ж.п., в том числе 633 души польских поселщиков: 325 душ м.п. (310 душ – по данным М.М. Громыко¹⁹⁴) и

¹⁹³ См. Приложение Б.

¹⁹⁴ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 123.

308 душ ж.п. К 1795 г. общее число жителей выросло до 928 душ, в том числе польских посельщиков – до 802 душ (414 м.п. и 388 ж.п.). Можно говорить о существенном увеличении в д. Бобровской количества жителей-«поляков» на 26,7 % и сокращении числа государственных крестьян на 9,4 %.

Примерно равными по числу жителей в 1782 г. были деревни Ульбинская и Красноярская на Иртыше. Так, в Красноярской деревне проживали 483 душ, из них: 255 м.п. и 228 ж.п. В деревне Ульбинской во время четвертой ревизии было отмечено 465 душ (203 м.п. и 262 ж.п.). Таким образом, количество женщин в Ульбинской деревне значительно превышало число мужчин. К 1795 г. число жителей д. Красноярской сократилось до 462 душ (223 м.п. и 239 ж.п.), наметилось увеличение числа женщин при уменьшении числа мужчин. В д. Ульбинской число жителей увеличилось до 519 душ, из них: 269 м.п. и 243 ж.п.

Самой малонаселенной деревней Усть-Каменогорской слободы была д. Прапорщикова. Здесь в 1782 г. насчитывалось 355 душ, из них: 179 м.п. и 176 ж.п. К 1795 г. число жителей в деревне возросло до 374 душ (187 м.п. и 187 ж.п.)¹⁹⁵.

Данные о числе жителей Убинской слободы за 1795 г. удалось найти с учетом душ только мужского пола. Самыми населенными деревнями были деревни Убинская и Старо-Алейская. В д. Убинской проживали 360 душ м.п., из них 297 чел. приходилось на государственных крестьян (82,5 %), 63 – на посельщиков (17,5 %). В д. Старо-Алейской было 308 р.д. посельщиков. В следующей по числу жителей д. Выдринской насчитывалось 266 ревизских душ. В д. Шемонаевской проживали 176 р.д., из них: 151 душа (подавляющее большинство) составляли польские посельщики (85,8 % жителей) и только 25 душ (14,2 %) – великороссийские посельщики. В д. Екатерининской проживали 170 р.д. польских посельщиков (145 душ м.п. по данным М.М. Громыко¹⁹⁶). В д. Плоской насчитывалось 146 р.д. посельщиков. Из 128 ревизских душ, проживавших в д. Красноярской на Убе, 71 душа приходилась на

¹⁹⁵ Подробнее об этом в Приложении В.

¹⁹⁶ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 123.

государственных крестьян (55,5 %) и 57 души (44,5 %) – посельщиков. В д. Новоалейской проживали 118 ревизских душ посельщиков, в д. Кабановой – 72 души.

В целом в интересующих нас слободах насчитывалось жителей по слободам: Усть-Каменогорской – 1602, Убинской – 1757 и по Крутоберезовской – 1429 р.д.

С открытием Зыряновского рудника в 90-х гг. XVIII в. стала активно осваиваться долина реки Бухтармы. В это время она становится объектом административного управления. В результате была образована Бухтарминская волость. После приписки Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостей часть крестьян из них были переселены на осваиваемую территорию¹⁹⁷.

В конце 90-х гг. начался новый этап административных изменений в Верхнем Прииртышье, связанный с общим административным переустройством Колывано-Воскресенского горного округа. С 1797 г. горнозаводской округ, утративший наиболее удаленные от кабинетских заводов северные волости Томского, Каинского, Ачинского, Красноярского уездов и пополнившийся более удачно расположенными по отношению к горнопромышленным центрам Ново-Енисейской, Пачинской, Крутоберезовской, Убинской, Усть-Каменогорской волостями Бийского, Колыванского, Семипалатинского уездов, вошел в Томскую область Тобольского наместничества (с 1798 г. – в Тобольскую губернию). Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства сформировала 37 волостей, входивших в состав пяти уездов (Колыванский, Бийский, Кузнецкий, Томский, Семипалатинский) Томской области Тобольского наместничества (с 1798 г. – губернии). Волости приписных крестьян неравномерно распределились по пяти уездам: одиннадцать вошли в Колыванский, одиннадцать – в Бийский, семь – в Кузнецкий, четыре – в Семипалатинский, три – в Томский уезды.¹⁹⁸

¹⁹⁷ Курилов В. М. «Поляки» Рудного Алтая : историографический миф и демографическая реальность / В. М. Курилов, Т. С. Мамсик // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 24.

¹⁹⁸ Административно-территориальное устройство Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1726–1917 гг. // Фонды Центра хранения архивного фонда Алтайского края.

Таким образом, к 1798 г. слободы Верхнего Прииртышья были преобразованы в волости: Убинскую, Усть-Каменогорскую и Крутоберезовскую.

Увеличение числа поселенцев приводило к расширению территории волостей и образованию новых деревень. Значительней всего разрослась Крутоберезовская волость: если в 1798 г. здесь было 6 деревень (Крутоберезовская, Секисовская, Зевакина, Малая Убинская, Верхне-Убинская (Лосиха), Большереченская), то в 1838 г. деревень насчитывалось уже 11: Верхне-Убинская, Малая Убинская, Быструха, Бутакова (в 12 верстах от д. Черемшанки на р. Ульбе¹⁹⁹), Большереченская, Бобровская, Ульбинская, Тарханская (на правом берегу р. Ульбы²⁰⁰), Поперешная (в низовьях р. Убы²⁰¹), Черемшанка (в 20 верстах от д. Шемонаихи, на р. Ульбе у подножия г. Углоухи²⁰²), Секисовская.

В 1798 г. число жителей в деревнях Усть-Каменогорской волости насчитывало 1596, Убинской – 1788 и Крутоберезовской – 1332 ревизских души²⁰³.

Состав деревень менялся не только за счет создания новых селений, но и за счет изменения границ волостей и перехода селений из одной волости в другую. Вероятно, этому способствовали жалобы крестьян на нехватку ресурсов (в частности, леса) и стремление их к переселению. Так, деревни Ульбинская и Бобровская, принадлежавшие первоначально Усть-Каменогорской (а ранее Бобровской) слободе, впоследствии вошли в состав Крутоберезовской и, наоборот, Усть-Каменогорской волости отошли деревни Зевакина и Березовка (Крутоберезовская). Подобных изменений не было только в Убинской волости.

Специальная литература. Путеводитель. М., 2001. С. 762 ; Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения XVIII в. ... С. 32 ; Борблик Е. М. Территориально-административное устройство Колывано-Воскресенского горного округа в XVIII в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири : Томск, 1983. С. 30 ; Жидков Г. П. особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1861 г.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) : М., 1973. С. 323 ; Кабузан В. М. Движение населения Сибири в XVIII в... С. 151 ; Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае... С. 46.

¹⁹⁹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Восточный Алтай в 1856–1857 годах... С. 64.

²⁰⁰ Там же. С. 63.

²⁰¹ Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди... С. 76.

²⁰² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Восточный Алтай в 1856–1857 годах... С. 65.

²⁰³ РГИА. Ф. 468, оп. 18, д. 456. Л. 25–86.

В 1797 г., когда произошла приписка крестьян Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Убинской волостей к горнозаводскому ведомству, завершалось территориально-административное обустройство Колывано-Воскресенского горного округа. Создавались представительные органы волостных и сельских общин: волостные правления (волостной голова, староста или выборный, писарь, сборщик податей, смотритель запасных хлебных магазинов), старшины, десятские (один на каждые 10 дворов). На выборную крестьянскую администрацию возлагались полицейские, фискальные, хозяйственные, судебные-исполнительные функции. Свободу крестьянских волостных и сельских сходов ограничивало то, что за их деятельностью следили земские управители, которые, в свою очередь, действовали под руководством канцелярии горного начальства и могли быть наказаны за то, что принимали решения самостоятельно, не информируя правление. Таким образом, горнозаводская администрация получила право утверждать в должностях избранных лиц, отстранять их от занимаемых постов, накладывать взыскания за неисполнительность²⁰⁴.

Таким образом, появление первых деревень в верховьях Иртыша было связано с освоением новых территорий. Эти деревни заселялись поселщиками, как великорусскими из России, так и «сибирскими», – крестьянами, переселившимися из других сибирских городов и деревень. Определенную часть жителей Семипалатинского уезда составили ссыльные колодники. Значительную часть поселенцев Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей составили польские поселщики – крестьяне-старообрядцы, возвращенные из Польши и отправленные на поселение в Сибирь. Они либо селились отдельно и образовали к 1766 г. ряд «польских» деревень, либо «подселялись» к великороссийским и сибирским поселенцам, а также к старожилам-казакам, которые проживали в деревнях, основанных на местах бывших военных форпостов, составлявших военную линию.

²⁰⁴ Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1894. Т. 1, вып. 1. С. 10 ; Миненко Н. А. Ссылные крестьяне-«поляки» на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. ... С. 209–210 ; Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае... С. 47.

Преобразование Верх-Иртышских слобод в волости было осуществлено в рамках административной трансформации горнозаводского округа. То есть, их существование изначально было обусловлено самим процессом развития округа. Окончательное формирование волостей совпало с припиской их жителей к заводам.

1.4. Состояние хозяйственной деятельности в Верхнем Прииртышье к концу XVIII в.

Важным фактором процесса колонизации Верхнего Прииртышья были природно-климатические условия региона. Другие факторы, в частности, напряженная геополитическая ситуация, явившаяся ее следствием длительная милитаризация, а также наличие соседствующих этносов, социокультурные и религиозные составляющие менталитета которых коренным образом отличались от таковых у русского населения, безусловно, являлись куда более значимыми при выстраивании взаимоотношений и организации хозяйственной деятельности во фронтирной зоне. Однако на первых этапах колонизации, когда речь шла о необходимости освоения практически необжитой территории, природно-климатические условия становились ключевыми при определении возможности крестьян приспособить свои хозяйственные навыки к новой среде обитания.

Необходимо отметить, что территория Сибири вообще воспринимается как зона кризисных условий, связанных с необходимостью выживания. Однако верховья Иртыша безоговорочно оценивались всеми путешественниками, посещавшими юг Алтайского горного округа, как наиболее благоприятные климатически, а также максимально пригодные для любой хозяйственной деятельности, будь то земледелие, скотоводство или промыслы, среди которых выделялось пчеловодство.

Безусловно, нельзя воспринимать благоприятные отзывы путешественников как свидетельство идиллических условий для организации хозяйственной

деятельности. Однако такая оценка предполагает наличие возможностей для хозяйствования, таких, как: плодородность почв, растительное разнообразие, сравнимое с альпийским, а также более мягкий, по сравнению с другими частями Западной Сибири, климат. При этом благоприятные для сельскохозяйственного освоения земли соседствовали с гористой местностью, неудобными для проживания степями с изменчивым климатом. Значительная часть земель, вошедших в состав изучаемых волостей, оставалась незаселенной по причине непригодности ее к какому-либо хозяйственному использованию.

Природные условия местности отличались богатством рек, растительности, пахотных и сенокосных угодий. Однако распределение ресурсов было неравномерным, в связи с чем зачастую крестьяне Семипалатинского уезда испытывали их нехватку.

Крупнейшими водными артериями региона были реки Иртыш и его притоки – Ульба (Шульба) и Уба, а также реки Чарыш и Алей. Разветвленная водная сеть дополнялась притоками этих рек, а также ключами, которых было много в горах.

В устье р. Ульбы стояла Усть-Каменогорская крепость, крайняя точка Иртышской защитной линии. В верхней части речной долины находился сереброносный Риддерский рудник. Дальше рудника по реке располагалась д. Бутакова, за которой долина сужалась, и отвесные скалы приближались к самой воде. Дорога местами прокладывалась у подножия отвесных утесов. Бывавший в этих местах Г.Н. Потанин описывал богатую растительность долины, «исполиньские травы», покрывавшие склоны утесов. Из деревьев здесь встречались тополя, березы, осины, ивы и черемуха. Ниже д. Тарханской, также располагавшейся на Ульбе, береговые утесы тянулись только по левому берегу реки почти до самого впадения ее в р. Иртыш.

Устье реки Убы располагалось на плоской местности, покрытой тальником, черемухой и тополями, долина же реки почти на всем своем протяжении до впадения в Иртыш находилась в скалистых горах, причем верхняя часть ее пролегла в теснине. Для земледелия более подходила нижняя половина речной долины.

Берега р. Алея состояли из наносов, за которыми открывалась степь, но ближе к деревне Старо-Алейской располагались невысокие скалистые гранитные горы – продолжение Убо-Алейского кряжа²⁰⁵.

Богатство водных артерий, обеспечивавшее систему транспортных коммуникаций, а также ирригацию территории, имело и определенные минусы. Проблема заключалась во вредных примесях, содержащихся в водах р. Убы – источником их были попадавшие при вымывании берегов в воду глина и медная руда. Употребление воды с такими примесями могло вызвать лихорадку, против которой местное население использовало в основном вяжущие средства, не способные излечить, а лишь «вгоняющие лихорадку внутрь», следствием чего были «расслабление жил и прочие вжилах случающиеся припадки, которые расслабляют и изнуряют»²⁰⁶. Проблемы с водой были отмечены П.С. Палласом и в д. Шемонаихе: питьевая вода здесь добывалась в основном не из рек, а из отдаленных источников²⁰⁷.

Исследователи обращали внимание и на богатство сенокосных угодий. Н.М. Ядринцев, восхищавшийся растительным разнообразием Алтайского края, в своем докладе о культурном и промышленном состоянии Сибири писал про южную Сибирь, богатую реками, питающими не менее богатые луга: «Цветущая альпийская растительность здесь покрывает луга и склоны гор, благоприятствуя развитию скотоводства и пчеловодства, которые представляют уже и ныне богатые задатки жизни. Многие горные местности Алтая и Минусинского края, по своей живописной природе, не уступают Швейцарии, а течение Иртыша в горах напоминает Рейн. ... Алтайская флора роскошна и разнообразна: фиалки, жасмин, белая и желтая роза, сибирская лилия, пионы, дельфиниум, роскошные

²⁰⁵ Потанин Г. Н. Алтай... С. 305–307; Тянь-Шанский С. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах... С. 59 ; Фальк И. П. Записки путешествия // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. Ч. 1. С. 28–29 ; Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай... С. 317.

²⁰⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства... С. 212–214.

²⁰⁷ Там же. С. 217–218.

мальвы, гиацинты, великолепные рододендроны покрывают горы. ... Хлебопашество на них [горах Сибири] простирается до высоты 4000 фут»²⁰⁸.

В предгорьях, помимо густого травяного покрова, отмечалось обилие кустарников малины, крыжовника, черемухи, шиповника. Альпийская горная растительность постепенно сменялась мхами и лишайниками на снеговых верхушках гор²⁰⁹.

П. Чихачев указывал, что границей между двумя типами рельефа, степным и альпийским, были окрестности д. Лосихи²¹⁰.

Согласно данным описи волостей 1798 г., селения Крутоберезовской и Убинской волостей были обеспечены сенокосными угодьями (как в общем, так и по соотношению на одну р.д.) в большей степени, нежели селения Усть-Каменогорской волости.

Однако обеспеченность сенокосами деревень одной и той же волости была разной. По данным конца XVIII в., в Убинской волости больше всего сенокосных угодий приходилось на Убинскую, Красноярскую на Убе, Старо-Алейскую деревни. Показатели обеспеченности сенокосными угодьями по Убинской волости колебались от 44 дес. (д. Кабанова) до 998 дес. 1440 саж. (д. Убинская). Если в д. Красноярской на Убе на одну р.д. приходилось 6 дес. 2001 саж. сенокосов, то в деревнях Плоской, Новоалейской, Кабановой не имелось даже одной десятины.

В Крутоберезовской волости большее количество сенокосов было у жителей деревень: Верхубинской (1060 дес. 468 саж.), Большереченской (870 дес. 1100 саж.), Секисовской и Малой Убинской (две эти деревни сообща пользовались угодьями в 1113 дес. 445 саж.), Зевакиной (764 дес.). Размер сенокосов, пришедшихся на одну р.д., колебался от 6 до 3 дес. Жители д. Крутоберезовской располагали лишь 307 дес. 507 саж. сенокосных угодий, а на одну р.д. здесь приходилась 1 дес. 2015 саж.

²⁰⁸ Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884. С. 6.

²⁰⁹ Вольский З. Вся Сибирь... С. 41.

²¹⁰ Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай... С. 317.

В Усть-Каменогорской волости обеспеченность сенокосными угодьями была ниже, чем в Крутоберезовской: от 414 дес. 1360 саж. в д. Бобровской до 268 дес. 1240 саж. в д. Красноярской на Иртыше; на одну р.д. не приходилось и 1,5 дес. сенокосов²¹¹. При этом сенокосные угодья здесь располагались ближе всего к деревням – в пределах 50 саженей. Лишь жителям деревень Глубокой и Прапорщиковой иногда приходилось преодолеть расстояние до 28,5 верст до сенокосов. В Крутоберезовской волости расстояние до сенокосов колебалось в пределах 200 саж. – 12 верст, в Убинской – 100 саж. – 13 верст (см. Приложение Г).

Таким образом, богатство территории угодьями потенциально создавало благоприятные условия для развития традиционных отраслей крестьянского хозяйства.

Отмечая несомненное богатство и плодородие почв и сенокосов, выгодно отличавших Верхнее Прииртышье, необходимо говорить о нехватке лесов, с которой столкнулись жители многих селений рассматриваемых волостей. Вообще, основная часть лесных массивов располагалась в северной части Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, в южной его части лесов не хватало как для крестьянских, так и для заводских нужд. Хвойные леса росли по склонам гор. И.П. Фальк, при описании «Колыванской страны», отмечает, что в горных лесах произрастали сосна, береза, осина, ель, ива, ольха. А.И. Кулибин, составивший в 30-х гг. XIX в. обзор Колывано-Воскресенского горного округа, отмечал, что «Все горные кряжи и их отроги, простирающиеся по заводскому округу, покрыты разного рода лесом, кроме мест, приближающихся к снежной области. На сих горах и при руслах истекающих с них речек произрастают: кедр, пихта, ель, лиственница, сосна, береза, тополь, ива, осина, ветла и другие».²¹² П. Чихачев указывал на густую лесистость в районе д. Черемшанки, где выше в

²¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 60 (об.).

²¹² Фальк. И. П. Записки путешествия... С. 27; Кулибин А. И. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1838 г. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. Ч. 1. С. 107; Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г. (Соч. Майора Кулибина) // Горный журнал. СПб., 1836. Ч. I, кн. 1. С. 167.

горах росли сибирский кедр, белая береза, осина, ниже – кустарники жимолости, белой акации, калины и др. По берегам р. Ульбы росли ивы, жимолость, акация, лавролистные тополя²¹³.

Как уже отмечалось, часть территории Семипалатинского округа заходила в степную зону, что также объясняло разную обеспеченность лесом селений рассматриваемых волостей. Часто жителям отдельных деревень приходилось покупать древесину в соседних селениях или отправляться за ней за десятки и даже сотни верст. Следует помнить и о том, что лес вырубался на заводские и рудничные нужды (лес использовался на строительство, отопление, а также получение угля). Так, по свидетельству И.П. Фалька, при изъятии у А. Демидова заводов, было определено: «...так как Демидов пользовался 20 лет рудниками и истребил много лесу, у него мало-помалу при казенных податях вычитать». Нехватка леса усложняла горнозаводское производство, для которого из древесины обжигался уголь для заводских печей. В 1759 г. по причине отсутствия древесины была прекращена выплавка металла на Колыванском заводе. В 1885 г. леса, приписанные к заводам северного Алтая (Барнаульскому, Павловскому и Сузунскому) были еще «в удовлетворительном положении», тогда как леса, приписанные к Локтевскому и Змеевскому заводам, были уже «сильно расстроены», так что за лесом, необходимым для выжигания угля, приходилось ехать за 100–130 верст; частично к этому времени леса были истреблены вследствие пожаров (И.В. Верещагин называл их обычным для Алтая явлением) и самовольной вырубки²¹⁴.

Нехватку леса в деревнях названных волостей отмечали и путешественники. Так, П.С. Паллас указывал на недостаток леса в деревнях Красноярской, Екатерининской, Старо-Алейской²¹⁵. П. А. Чихачев, предпринявший поездку по Восточному Алтаю в 1842 г., проезжая от Змеиногорска до деревни

²¹³ Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай... С. 318.

²¹⁴ Иосса Н. Причины упадка горнозаводского производства Алтая // Горный журнал. 1885. Т. 3, № 8. С. 461 ; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах... С. 67–68, 71 ; По восточному Алтаю... С. 8 ; Фальк И. П. Записки путешествия... С. 32–33 ; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа... С. 440.

²¹⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства... С. 272.

Екатери́нинской (в 29 верстах к югу от Змеиногорска) через р. Алей и далее к деревне Шемонаевской, а оттуда на исчерпанный к тому времени Николаевский рудник, отмечал, что «в целом местность однообразна и удручающе пустынна». Одной из характерных пород местности был отмечен гранит: «Там, где гранитные массы не образуют непрерывных гребней, они возвышаются среди равнин изолированными конусами, подобно вулканическим островам, выступающим на поверхности моря»²¹⁶. Район Николаевского рудника образован «из закругленных голых гор с тяжелыми монотонными формами». Таким образом, лес вокруг указанных деревень отсутствовал.

Та же картина была отмечена и на пути следования от д. Шемонаихи к д. Выдрихе в 30-ти верстах от Николаевского рудника и далее, через 18 верст – к д. Лосихе вдоль р. Убы, по правому берегу которой находились гранитные массивы, а на левом берегу – беспорядочно разбросанные горы, среди которых находилась «почти совершенно горизонтальная» по-прежнему безлесная равнина. Здесь рос редкий ивовый кустарник. Вокруг самой деревни Лосихи полукругом стояли горы, практически рядом с деревней из земли выступали твердые известняковые массы, на юго-западе располагался так называемый Лосихинский прииск.

Все отмеченное свидетельствует, в частности, о том, что занятие земледелием в районе Убы было осложнено²¹⁷.

Экспедиция П. А. Чихачева двигалась по левому берегу Большой Убинки, долина которой представляла собой поросшую кустарником местность, к реке Быструхе, на которой располагалась одноименная деревня. Гранитные породы, служившие водоразделом между реками Убой и Ульбой, были и заслоном для буранов, что позволяло разрастаться рощам. Двигаясь до д. Черемшанки, П. Чихачев отметил наличие сибирского кедра, белой березы в верховьях гор, а в низовьях – густых кустарников жимолости, белой акации, калины и др. Березовые и сосновые рощи росли по берегам Ульбы. В районе д. Тарханской начиналась

²¹⁶ Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974. С. 309.

²¹⁷ Там же. С. 316.

степь, и деревья исчезали. Единственной растительностью были кустарники по берегам Ульбы. И по такой однообразно-степной местности экспедиция двигалась до Усть-Каменогорска. Достигнув деревень Прапорщиковой, Глубокой, г. Березовска и расположенной в 27 верстах от него д. Зевакиной, путешественник снова отметил появление лесистых островков²¹⁸.

Одним из основных источников строевого леса был Шульбинский бор с произрастающей в нем сибирской лиственницей. Иногда крестьянам приходилось ехать из достаточно отдаленных мест, чтобы добыть здесь древесину: крестьяне деревень Красноярской и Шемонаихи добирались до бора, преодолевая по 20-40 верст, крестьяне Убинского форпоста и деревни Зевакиной преодолевали 40-60 верст. Как отметил П.А. Чихачев, Шульбинский лес находился на «громадной массе песка»: в почве здесь его было настолько много, что это затрудняло движение в экипаже, поэтому приходилось переправляться на противоположный берег Иртыша, чтобы проехать 30 верст до Талицкого казачьего поста, откуда снова можно было переправляться на другую сторону реки. В связи с этим у казачьих постов, Шульбинского и Талицкого, действовали паромные переправы, которые обслуживались казаками²¹⁹.

В Крутоберезовской волости в пределах деревень Крутоберезовская и Зевакина строевого леса не было вообще. В других поселениях волости крестьяне испытывали недостаток в лесе. О. Финш и А.Э. Брем в «Путешествии в Западную Сибирь», в частности, отметили, что в окрестностях д. Секисовской, которую они посетили, местность холмиста и богата лугами и пашнями, но леса здесь уже не осталось; единственный ресурс, которым могли довольствоваться крестьяне для отопления – кустарник, иногда достигавший в высоту человеческого роста и образующавший целые чащи²²⁰.

Крестьяне д. Секисовской привозили лес из-под Долгой сопки и Медвежьего разлома, а также с речек Быструшки и Зобчихи (5–15 верст); жители

²¹⁸ Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай... С. 332–334, 351.

²¹⁹ Там же. С. 354.

²²⁰ Финш О., Брем А. Э. Путешествие в Западную Сибирь... С. 243.

д. Малой Убинской, Верх-Убинской добывали пихтовый и сосновый лес по р. Черной (Малая Убинка) и Убе (Верх-Убинская) или привозили из горных урочищ. Жители Малой Убинки доставляли лес из логов, прилежащих к горам на расстоянии 4–6 верст от деревни, жители Верх-Убинской деревни «конной силой» везли лес из урочищ Коновальской и Сергеевской щели за 10-15 верст от деревни. Жители д. Большереченской добывали строевой лес по речкам Тумашихе и Большой по заводским билетам (6-12 верст от селения). Жители д. Крутоберезовской везли лес из округа д. Секисовской (находилась на расстоянии 65–80 верст) или покупали у жителей д. Ульбинской (Согринской) и сплавливали по р. Убе. Жители д. Зевакиной отправлялись за строевым лесом за 60 верст, в Шульбинский бор, доставляя его сухопутным путем или сплавливая за 150 верст по р. Ульбе. В то же время, по воспоминаниям жителей д. Верх-Убинской, изначально деревня располагалась в лесу, где деревья были такие крепкие, что «топор не брал», а до пашен приходилось добираться с ружьями на случай встречи с дикими зверями²²¹.

Подобным же образом обстояли дела со строевым лесом и в Убинской волости. Здесь пихтовый и сосновый лес доставляли по Убе в деревни Убинскую и Красноярскую на Убе, а также Убинский форпост. Жители д. Красноярской и Убинского форпоста также возили лес из Шульбинского бора (на расстояние 20-40 верст от д. Красноярской на Иртыше и за 40-60 верст – от Убинского форпоста). В Шульбинском же бору по отводу собирали сосновый лес и сушняк жители д. Шемонаихи (в 25-40 верстах от селения); также жители деревни собирали тополевыи лес в забоках и по островам на р. Убе (в 13 верстах от селения). В округе деревень Старо-Алейской, Екатерининской, Плоской, Новоалейской, Кабановой, Выдрихи строевого леса не было. Жители деревень Старо-Алейской и Екатерининской добывали лес по отводам из округа Змеиногорского рудника (в 25-30 верстах от д. Екатерининской и в 40 верстах от д. Старо-Алейской), жители Плоской, Новоалейской, Кабановой и Выдрихи – в

²²¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 25–42 ; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 73.

округе бывшего Алейского завода (в 6-10 верстах от д. Новоалейской, в 9-11 верстах от д. Кабановой, в 20-25 верстах от д. Плоской, в 45-50 верстах от д. Выдрихи). Жители деревень Плоской, Новоалейской, Кабановой добывали лес также у подножия сопки Слюдянки, д. Выдрихи – сплавляли водным путем с верховий Убы на расстояние до 100 верст²²².

В Усть-Каменогорской волости строевого леса также не доставало. Жители Усть-Каменогорской крепости сплавляли лес по рекам Бухтарме и Ульбе или привозили по суше с вершин речек Крутоярки и Черемшанки (20-25 верст). Крестьяне д. Красноярской на Иртыше покупали пихтовый строевой лес в д. Ульбинской; при этом в округе самой Ульбинской деревни строевого леса также не было – он добывался в лощинах и по сопкам по правой стороне течения р. Ульбы (в 25 верстах от деревни). Жители деревень Прапорщиковой и Глубокой также покупали строевой лес в д. Ульбинской или в Усть-Каменогорской крепости. В собственных дачах деревень строевого леса было очень мало, и он был труднодоступен. Жители хутора Еристова также не имели строевого леса на крупное строительство, для мелкого строительства добывался осиновый лес на расстоянии 16 верст от поселения. Единственным поселением, жители которого не испытывали проблем с заготовкой строевого леса, была д. Бобровская. Здесь строевой пихтовый и осиновый лес добывался на расстоянии 5–6 верст от деревни в достаточном количестве²²³.

Не хватало не только строевого леса, но и дров для отопления. Иногда крестьянам приходилось преодолевать значительные расстояния, чтобы добыть древесину. Положение спасало наличие тальника и островной растительности: на многочисленных островах Иртыша росли тополя, черемуха, шиповник. Хвойные леса (лиственница, ель, кедр, пихта, сосна) встречались в горных районах²²⁴. Так, в Крутоберезовской волости были сложности с заготовкой дров у жителей целого ряда деревень. Крестьяне д. Крутоберезовской собирали наносной лес и тальник

²²² РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 72–90(об).

²²³ Там же. Л. 52–71.

²²⁴ Вольский З. Вся Сибирь... С. 41.

по рекам, но этого не хватало. Жители д. Зевакиной добывали валежник в Шульбинском бору, д. Секисовской – таловый и березовый лес по р. Секисовке и впадающим в нее речкам и ключам (в 3–5 верстах от деревни). Жители Малой Убинки добывали дровяной лес в достаточном количестве по рекам Малой Убе, Кривуше, Черной и по увалам. Жители Верх-Убинской деревни рубили дрова на расстоянии 3–8 верст, хотя в пределах 3 верст можно было бы собирать наносной валежник по речкам. Большереченские крестьяне рубили на дрова тополя и кустарник по Убе и Большой Речке, а также впадающим в них ключам (в 1/2–5 верстах от деревни).

По Усть-Каменогорской волости особенные трудности с добычей дровяного леса испытывали жители д. Красноярской на Иртыше: здесь довольствовались тем, что собирали в небольшом количестве кустарник по берегам реки. Жители деревень Ульбинской, Прапорщиковой, Глубокой также собирали по Иртышу наносной каряжник и тальник на речных островах. Крестьяне д. Глубокой ко всему прочему добывали дровяной лес у подножия сопки Круглой, д. Прапорщиковой – у подножия сопки Большой Седловатой. Жители д. Бобровской удалялись от поселения на 2–7 верст и добывали дровяной лес в достаточном количестве²²⁵.

Похожая ситуация была и в Убинской волости. Жители д. Убинской сплавляли дровяной лес по Убе (4–8 верст) или собирали по речным островам (1/2–5 верст от деревни), жители д. Красноярской на Убе собирали дровяной лес по забокам рек Убы и Таловой (в 1/2–6 верстах). Крестьяне деревень Старо-Алейской и Екатерининской в летнее время собирали тальник и кустарник по р. Алею и другим мелким речкам. На зиму староалейцы запасали дрова в даче близ д. Устьянской (в 30 верстах), екатерининцы – в округе бывшего Алейского завода (в 20–25 верстах от деревни). Жители д. Плоской использовали для отопления жилищ кустарник, произрастающий в забоках рек (Алея и др.), а также возили березовый лес из логов, располагавшихся на расстоянии 1/2–12 верст от деревни.

²²⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 52–71.

Крестьяне д. Новоалейской добывали ветловник и кустарник по речным забокам, березовый и осиновый лес – по отводу в бывшей округе Алейского завода. Жители деревень Кабановой и Выдрихи рубили березы и осины по речным забокам. Выдрихинцы также сплавливали дровяной лес по р. Убе. Жители д. Шемонаихи использовали для отопления березу и кустарник, росшие по речкам и в логах, а также тополя с побережья р. Убы²²⁶.

Лес в Красноярскую деревню поступал в основном из низменностей, но здесь рос преимущественно подлесок, а не бревенчатый лес. Деревня Екатерининская была окружена голыми утесами. В каменистой местности располагалась и д. Старо-Алейская (см. Приложение Д).

Таким образом, разная обеспеченность ресурсами определяла неравные условия для организации хозяйства и жизнедеятельности, создавая дополнительные сложности для адаптации людей к новым условиям.

В XVIII в. начинает формироваться хозяйственная специфика, присущая деревне Верхнего Прииртышья, связанная с развитием промыслов. Жители тех деревень, где строевой лес (которого не хватало в значительном количестве селений изучаемых волостей) был в достаточном количестве, могли использовать этот ресурс в качестве дополнительного источника дохода. При этом ульбинцы, снабжавшие строевым лесом жителей деревень соседней Усть-Каменогорской волости, сами добывали его за 25 верст от своих жилищ. Однако сам факт такой торговли указывал на ее выгодность.

Охарактеризовав таким образом природно-климатические условия региона, еще раз сделаем акцент на том, что они были изначально благоприятны для развития хлебопашества и скотоводства, а также промыслов, – чему способствовало наличие рек и лесов.

Остановимся подробнее на развитии хлебопашества, благоприятным условием для которого были упомянутые нами ранее плодородные почвы

²²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 72–90(об).

исследуемого региона. Сведения 1798 г. о нем содержатся в описании деревень Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей.

К 1798 г. на 1596 р.д. крестьян в Усть-Каменогорской волости приходилось $8348\frac{1}{4}$ дес. посевов, то есть 5, 23 дес. на одну р.д. В Крутоберезовской волости на 1332 р.д. приходилось $6314\frac{3}{8}$ дес. посевов, то есть 4,74 дес. на одну р.д. В Убинской волости на 1428 р.д. крестьян приходилось 5802,42 дес. посевов, то есть на одну р.д. в среднем приходилась 4,1 дес. (см. Приложение Е).

Однако обеспеченность отдельных деревень землями, пригодными для пашни, была неодинаковой. Так, в д. Верхне-Убинской в 1798 г. площадь запашки составила 803 дес. 1200 саж. При этом на одну р.д. здесь приходилось $7\frac{7}{8}$ дес. посевов. Жители деревень Секисовской и Малой Убинской в указанном году совместно имели 2936 дес. 1200 саж. посевов. При этом на одну р.д. в этих деревнях приходилось $5\frac{3}{8}$ дес. посевов. В д. Зевакиной на 245 р.д. приходилось 1332 дес. 600 саж. посевов, из них на одну р.д. – 6 дес. 609 саж. В двух оставшихся деревнях ситуация была иной. Так, в Большой Речке в 1798 г. приходилось $2\frac{5}{8}$ дес., а в д. Крутоберезовской – 1 дес. 1553 саж.

В деревнях Усть-Каменогорской волости в 1798 г. на одну р.д. приходилось от 3 дес. 528 саж. (д. Ульбинская) до 7 дес. 206 саж. (д. Бобровская). При этом на 486 р.д. крестьян в д. Бобровской приходились 3401 дес. 495 саж. посевов, тогда как в д. Глубокой, число ревизских душ в которой равнялось 438, площадь запашки была вдвое меньше и составляла 1885 дес. 1600 саж., а на одну р.д. приходилось 4 дес. 432 саж. посевов. В д. Прапорщиковой на 186 р.д. крестьян приходилось 1004 дес. 1400 саж. посевов, а показатель на одну р.д. составлял 5 дес. 962 саж.

В Убинской волости в д. Кабановой на 72 души приходилось 417 дес. 180 саж. запаханых земель, а на одну р.д. – 5 дес. 1902 саж., в д. Выдрихе на одну р.д. приходилось 4 дес. 1298 саж., а в д. Шеманаихе – 4 дес. 2018 саж. посевов. Наименьший показатель на одну р.д. был в д. Новоалейской – здесь на 198 р.д. в 1798 г. приходилось 247 дес. 180 саж. пашни, а на одну р.д. – 2 дес. 227 саж. В д. Староалейской на одну р.д. душу приходилось всего 928 саж. посевов:

на 308 р.д. площадь запашки здесь составляла 119 дес. 300 саж. В остальных же пяти деревнях показатель на одну р.д. колебался от 3 дес. 1944 саж. (д. Екатерининская) до 3 саж. 220 саж. (д. Красноярская и Вавилонская, которые осуществляли совместную запашку)²²⁷.

Развитие хлебопашества в Верхнем Прииртышье позволяло крестьянам осуществлять поставки хлеба не только на военные линии, но и на заводы и рудники Колывано-Воскресенского горного округа. О том, что крестьяне Верхнего Прииртышья выстраивали взаимодействие с горно-металлургическим комплексом еще в XVIII в. свидетельствует и то, что в число крестьянских промыслов входила вольнонаемная перевозка руд. Так, в 1782 г. среди крестьян, осуществлявших перевозку руд из Змеиногорского рудника, были крестьяне Убинской слободы, Бобровской земской избы²²⁸.

Среди промыслов, характеризующих специфику региона, следует назвать пчеловодство, развитие которого на Алтае в целом как раз и началось в XVIII в. В 1776 году крестьяне Бийского округа (первоначально это были раскольники-переселенцы из Вятской губернии) обратились за помощью в начальном разведении пчел к врачу сибирских пограничных войск Беренсу, который ходатайствовал за эту идею перед начальником пограничных сибирских войск генералом-майором А.А. Скалоном. Начинание крестьян было поддержано, и из Башкирии было выписано 30 колодок с пчелами. Они поступили в Усть-Каменогорскую крепость зимой 1776-1777 г. и были розданы «в прокат» желающим крестьянам из окрестных селений. Однако первый опыт оказался неудачным, и все завезенные на Алтай пчелы погибли в первое же лето. Почти через десять лет, в 1784 г., здесь снова появились колодки с пчелами. Они были доставлены по заказу полковника Сибирского драгунского полка П.Ф. Аршеневского, к которому крестьяне обратились с просьбой через майора

²²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 25-90 (об.)

²²⁸ Кароннов В. А. Вольнонаемная транспортировка плавильного сырья приписным населением Алтая в XVIII в. ... С. 186.

того же полка Кербица²²⁹. У П.Ф. Аршеневского было свое поместье в Киеве, откуда и были доставлены пчелы вместе с опытным пчеловодом (впрочем, есть указания и на то, что улья были выписаны из Оренбурга, а пчеловод – из башкир²³⁰). Как отмечает П.А. Словцов, П.Ф. Аршеневский «возымел мысль о разведении сего хозяйства вероятно из усмотрения, что пчелы прилетали в форпост Семиарский сосать медоносные цветы»²³¹. Ульи были выставлены в 27 верстах от д. Бобровки.

Повторный опыт оказался удачным, и через год количество пчел умножилось. Тогда полковник начал продажу пчел крестьянам. В покупке пчел оказались заинтересованы крестьяне-«поляки» деревень Бобровской и Секисовской. По поручению крестьянского мира своих деревень улья с пчелами были приобретены двумя крестьянами – Тарасовым и Кармановым. Стоимость одного улья составила 15 руб. После того, как крестьяне смогли наладить свои пчеловодческие хозяйства, они начали продавать ульи другим крестьянам уже по 30–50 руб. за улей²³².

Развивалось пчеловодство и в других «польских» волостях – Убинской, Колыванской и Алтайской. Под влиянием «поляков» пчеловодством начали заниматься и местные православные крестьяне.

Г.Н. Потанин критически относился к истории о содействии П.Ф. Аршеневского в распространении пчеловодства на Алтае: «Рассказывают, что полковник Аршеневский первым открыл пасеку около Усть-Каменогорска. Однако история эта темная. Подобно этому предание приписывает чиновникам распространение раков в реках Тобольской губернии; но в последнее время высказывается сомнение в правдивости этого предания, ввиду некоторых фактов,

²²⁹ По данным И. В. Щеглова начало пчеловодства в Сибири, положенное П. Ф. Аршеневским, относится к 1786 г. [Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. ... С. 197].

²³⁰ Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гagemейстером. СПб., 1854. Ч. 1. С. 305.

²³¹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 187.

²³² Алтай... С. 79.

дающих повод думать, что рак обитал здесь до появления русских; те же сомнения могут быть возбуждены и относительно Аршеневского»²³³.

Таким образом, уже в XVIII в. пчеловодство, развитию которого способствовал сравнительно мягкий климат, приобрело важную роль в экономике Верх-Иртышской деревни. Особенности, которые экономика деревни Верхнего Прииртышья начала приобретать за счет развития таких промыслов, как пчеловодство и поставки руды и продуктов, отражали способность переселенцев приспосабливаться к новым, достаточно сложным условиям. Крестьяне должны были применить весь свой хозяйственный и миграционный опыт для того, чтобы с максимальной пользой для себя использовать те благоприятные факторы, которые оказались доступны им при поселении в зоне Верх-Иртышского фронта.

Крепости фронтальных линий, служа оплотом обороны российских границ, одновременно выступали центрами меновой торговли. Определенно, это свидетельствовало о том, что власти и местная военно-административная верхушка не рассматривали силовые методы закрепления границ как единственно возможные и наиболее эффективные. На Иртышской границе центрами торговли стали Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости. В 1754 г. торговые отношения с джунгарами, продолжавшиеся до 50-х гг. XVIII в., были подорваны джунгарско-китайской войной. В качестве нового партнера выступили казахи. В 1754 г. была открыта таможня в Семипалатинской крепости. Меновые дворы появились в 1757 г. в Усть-Каменогорской крепости, в 1759 г. – в Петропавловской, в 1764 г. – в Железинской крепости, а также при Екатерининском маяке²³⁴.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что Верхнее Прииртышье представляло собой своеобразный сплав культурных традиций и представлений.

²³³ Потанин Г. Н. Алтай... С. 324.

²³⁴ Муратова С. Р. Торговля в крепостях сибирских укрепленных линий во второй половине XVIII века // Наука и современность. Новосибирск, 2011. № 12–1. С. 124 ; Ее же. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII в. // Сибирский сборник. Курган, 2015. С. 75–79.

Будучи территорией, с которой социально-утопические легенды связывали Беловодье, она сама по себе была привлекательна для крестьян-старообрядцев. После того, как представление о местоположении Беловодья отодвинулось в результате колонизации этой территории, регион все равно представлялся лежащим на пути в легендарную страну. Для крестьян, переселенных на данную территорию, миграция уже была чем-то относительно естественным. И в случае излишнего давления со стороны властей они считали возможным покинуть свои поселения с благородной целью поиска справедливости.

Крестьяне, зависевшие от традиционных представлений и обычаев, в свою очередь, важную роль отводили общине, а также семье – как источнику норм саморегуляции. В то же время, нельзя говорить об абсолютной замкнутости крестьянского старообрядческого мира. Устойчивые к внешнему воздействию (будь то властное управление или культурно-религиозное влияние соседних кочевых народов), они сохраняли собственную идентичность, используя все факторы фронта для организации собственной хозяйственной деятельности. Такая самостоятельность и особенности идеологии не могли не оказать влияние на острое первичное неприятие крестьянами приписки к заводам, однозначно усиливавшей административное давление.

Глава 2. Деревня Верхнего Прииртышья в условиях приписки к Колывано-Воскресенским (Алтайским) заводам

2.1. Включение Верхнего Прииртышья в состав Колывано-Воскресенского горного округа

К концу XVIII в. промышленное и сельскохозяйственное развитие Верхнего Прииртышья уже достигло уровня, позволившего включить регион в состав горнозаводского округа. Ранее планировалось присоединить регион к горнозаводскому округу сразу после образования сети русских деревень в 1760-х гг., однако это оказались невозможно по двум причинам. Во-первых, в это время все еще сохранялась военная угроза. Во-вторых, внутренние административные преобразования привели к тому, что горнозаводское начальство не имело всей полноты власти в горном округе, так как велики были полномочия губернатора. К этому времени в приграничной зоне, наряду с рудниками, были построены заводы, превратившие верховья Иртыша не только в сырьевую, но и производственную базу горнозаводского промышленного комплекса.

Помимо Змеиногорского рудника в верховьях Иртыша располагалась Риддерская группа рудников (на месторождении серебро-свинцовых руд, обнаруженном в 1768 г.). В эту группу вошли, кроме Риддерского, Крюковский и Сокольный рудники. В 1783 г. был введен в эксплуатацию Локтевский сереброплавильный завод, построенный на р. Алей. В 1791 г. в месте слияния рек Маслянки и Березовки было открыто Зыряновское полиметаллическое месторождение. Созданный на его основе в 1791 г. Зыряновский рудник стал самым южным сырьевым источником на Алтае. Возникшая необходимость в новых предприятиях после упразднения Алейского свинцово-серебраплавильного (1783 г.) и Колыванского медеплавильного (1799 г.) заводов предвосхитила строительство Змеиногорского (Змеевского) сереброплавильного завода вблизи Змеиногорского рудника, на р. Корболихе. Локтевский и Змеевский

сереброплавильные заводы, а также рудники Змеиногорского края, основными из которых являлись Зырянский и Риддерский, стали тем кластером горного комплекса, который обслуживался крестьянами южной группы волостей округа. В 1775-1793 гг. в верховьях р. Алей действовал Алейский свинцово-сереброплавильный завод, на который поставлялись руды Змеиногорского и Семеновского рудников²³⁵. Верх-Иртышский сегмент Колывано-Воскресенского (Алтайского) горно-металлургического комплекса находился в процессе развития.

Само устройство горного округа в течение XVIII в. менялось, что было связано с претензиями гражданских властей на управление приписанными к заводам поселениями. Крестьянские волнения вызывали необходимость упрочения царской власти, и это неминуемо сказывалось на усилении административного аппарата. В 1779 г. была упразднена созданная тридцатью годами ранее Канцелярия горного начальства, подчинявшаяся Кабинету. Хозяйственные функции Канцелярии были переданы Колыванской горной экспедиции, а судебные функции – судебному департаменту и уездным учреждениям. В административно-территориальном плане была создана Колыванская область, переименованная в 1783 г. в губернию. Губерния, в свою очередь, была разделена на уезды: Колыванский, Бийский, Кузнецкий,

²³⁵ Голубев П. А. Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтайский сборник. Барнаул, 2004. Выпуск XXI. С. 155–157 ; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.)... С.117 ; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860 годах... С. 65 ; Змеиногорский (Змеевский) сереброплавильный завод (1804–1893) // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. URL: <http://www.library.altspu.ru/redbook/monument/zmeinogorsky> ; Кароннов В. А. Вольнонаемная транспортировка плавильного сырья приписным населением Алтая в XVIII в. / В. А. Кароннов, А. Л. Старовойтова // История краеведения Западной Сибири : проблемы перспективы изучения. Ишим, 2014. С. 184 ; Малолетко А. А. Географические особенности формирования транспортной сети Верхнеиртышского горнозаводского района // География и природопользование Сибири. Барнаул, 2014. № 18. С. 126 ; Памятник истории и культуры регионального значения «Алейский свинцово-сереброплавильный завод», вторая половина XVIII века (Постановление Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.12.94 г. № 169) : Алтайский край, Третьяковский район, 3,125 км. к ЮЮЗ от кладбища с. Верхнее Алейское // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. URL: <http://library.altspu.ru/redbook/monument/aleisky> ; Сергеев А. Д. Алейский свинцовый серебро-плавильный завод // Ползуновский Альманах. 2004. № 2. С. 31 ; Целищева М. А. Локтевский сереброплавильный завод (1783–1893) // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. URL: <http://www.library.altspu.ru/redbook/monument/loktevsky>

Семипалатинский и Красноярский. В этот период губернатор и начальник горных заводов совмещались в одном лице.

Горную администрацию двойственное положение приписной деревни не устраивало, и последовали мероприятия по укреплению административной власти в горнозаводском округе. Этот процесс начался в 1785 г. с отделения должности губернатора от должности начальника горных заводов. Завершением процесса стало восстановление в 1797 г. канцелярии горного начальства и установление запрета губернским властям вмешиваться в ее дела. Управленческие преобразования сопровождались изменением административно-территориального устройства округа. В 1796 г., в связи с разделением Сибири на Тобольскую и Иркутскую губернии, Колыванская губерния была упразднена. Слободы, образовавшиеся в верховьях Иртыша, оказались в составе Тобольской губернии²³⁶.

Происходившие изменения показывают, что к 1795 г. (V ревизия) только определилось место и роль крестьян Верхнего Прииртышья в обслуживании горно-металлургического комплекса. В горном округе сформировалась нормативно-правовая база отработок, позволившая приписать крестьян Верхнего Прииртышья, использование труда которых было наиболее выгодно в силу близости их проживания к заводам и рудникам.

К этому времени верхнеиртышские крестьяне уже могли бесппроблемно исполнять государственные, земские и мирские повинности. Их благосостояние поддерживалось за счет хозяйственной деятельности, которую крестьяне смогли организовать, будучи в статусе государственных. К моменту приписки деревни Верхнего Прииртышья крестьяне, проживающие к рудникам и заводам максимально близко, получили возможность использовать свое положение как источник дополнительного дохода, осуществляя поставки продовольствия и предоставляя вольнонаемных рабочих. Одним из главных промыслов крестьян

²³⁶ Голубев П. А. Горное дело и хозяйство Кабинета... С. 149–150 ; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах... С. 63–64 ; Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае... С. 37.

стала перевозка руд, что стимулировало развитие коневодства²³⁷. Так, в 1782 г. вольные возчики нанимались крестьяне Убинской слободы, Бобровской земской избы. В 1795 г. нехватка рабочей силы вблизи заводов и рудников привела к тому, что горнозаводская администрация вынуждена была нанимать желающих из мастеровых для перевозки руд из Риддерского рудника на Локтевский и Алейский заводы. Ближайшие селения приписных крестьян располагались лишь на расстоянии 85 верст; к рудникам, особенно вновь открытым, далеко не всегда были подведены дороги²³⁸.

Потребности заводов и рудников в поставках провианта и фуража были значительными. Согласно данным на 1786 г. на Локтевский завод требовалось: 22 442 пуд. ржаной муки, 610 пудов крупы, 5560 пуд. овса; на Алейский завод: 3707 пуд. муки, 165 пуд. крупы, 536 пуд. овса; в Змеиногорский рудник: 70 000 пуд. ржаной муки, 3500 пуд. крупы, 10 000 пуд. овса. Змеевской конторе было приказано закупать провиант для рудников Локтевского и Алейского заводов в селениях Семипалатинского уезда, стоявших по рекам Чарышу и Алею в районе Усть-Каменогорской крепости²³⁹.

Таким образом, горнозаводской комплекс, безусловно, нуждался в обслуживающей рабочей силе – крестьянах, которые жили вблизи Верх-Иртышских заводов и рудников.

Однако взаимодействие с горным округом в качестве вольнонаемных работников отличалось от взаимодействия в качестве приписных крестьян. Оно выходило за пределы приемлемого для администрации горнозаводского округа, но было оптимальным для крестьян фронта, поскольку они смогли включить его в хозяйственную деятельность крестьянского двора.

²³⁷ Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860 годах... С. 79.

²³⁸ Зобнин Н. М. Положение рабочих // Алтай : Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 400 ; Кароннов В. А. Вольнонаемная транспортировка плавильного сырья приписным населением Алтая в XVIII в. С. 186.

²³⁹ Выписка из журнала Колывановоскресенской Горной экспедиции о порядке заготовления провианта на 1786 г. // ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 273. Л. 116–117(об.).

Приписка, состоявшаяся в 1797 г., стала причиной «социального стресса» и эмоционально была воспринята крестьянами как катастрофа, как некое преступление против справедливого жизнеустройства, совершенное без ведома императора. Такое восприятие факта приписки привело к возникновению волнений среди приписных крестьян в горном округе в целом. Провокативный характер протеста создавал иллюзию его эффективности как инструмента отстаивания своих интересов. Протест представлялся как единственный оставшийся метод донести свой голос до властей в условиях, когда легальные методы (написание прошений и отправка ходоков к императору) не имели результата или даже встречали препятствия со стороны местной администрации. Повсеместность крестьянских волнений также определяла протест уже не как исключительное явление, но как некую неизбежную и обязательную меру.

Согласно подсчетам И.В. Побережникова, в XVIII столетии (с 1702 по 1800 гг.) в Западной Сибири произошли 302 выступления приписных крестьян, что составляет более половины всех крестьянских выступлений в указанный период. Всего в указанный период произошло 497 выступлений и 45 самосожжений крестьян всех категорий ²⁴⁰.

Волнения крестьян, опасавшихся приписки, закономерно начались уже на этапе строительства заводов, к которому они привлекались. Так, в 1707 г. крестьяне отказались выйти на строительство медеплавильного завода близ Кунгура на Урале. В 1729 г. крестьяне выступили против привлечения к работам на строящемся Колывано-Воскресенском заводе А. Демидова, а также против задержки их на заводе на долгий срок, превышающий изначально установленный. В 1741 г. против привлечения к работам на строящемся заводе выступили

²⁴⁰ Побережников И. В. Сосоловно-групповые особенности крестьянских выступлений... С. 20 ; Таблица 1 к Приложению 1. Распределение выступлений крестьян различных категорий // Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII в. ... С.175–176.

крестьяне Н. Демидова, жившие в Ромодановской волости Казанской губернии²⁴¹. Выступление это было подавлено с применением военной силы²⁴².

К видам сопротивления крестьян относились невыход на заводские работы и побеги с мест отработок. Так, в 1705 г. крестьяне Тагильской, Невьянской, Ницинской, Арамашевской, Ирбитской, Белослудской, Пышминской, Красноярской, Тамакульской, Камышловской, Чусовской, Сумской слобод отказались выходить на Алапаевские заводы из-за тяжести работ²⁴³.

В Колывано-Воскресенском горном округе протесты крестьян против принуждения к заводским работам иногда приобретали религиозный характер. Так, в 1745 г. совершили самосожжение жители деревни Тугозвоновой на Чарыше²⁴⁴. В 1756 г. на территории заводского округа состоялись два крупных случая самосожжения крестьян – Мальцевская и Шадринская гари.

Среди требований, выдвигаемых крестьянами в процессе сопротивления приписке, были: смена статуса (обычно крестьяне просили перевести их в разряд государственных), замена начальства, отрывавшего их от сельского труда и принуждавшего к работам²⁴⁵.

²⁴¹ Никита Никитич Демидов купил эту волость у графа Михаила Гавриловича Головкина. После этого значительная часть крестьян волости были направлены на уральские заводы Н. Н. Демидова.

Бернадский В. Н. Движение приписных крестьян в 50–70-х годах XVIII века // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 42–43 ; Доношение руководителя Воскресенского (Колывано-Воскресенского) завода Никифора Клеопина в Сибирский обергбергamt о неповиновении и вооруженном выступлении крестьян... С. 42–43 ; Список участников вооруженного выступления государственных крестьян, посланных на строительство Воскресенского (Колывано-Воскресенского) завода. 5 августа 1729 г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998... С. 44–46 ; Протокол допроса Ивана Бобина и его товарищей А. Е. Беляева, М. Ф. Гусельникова, А. В. Исаковых, Ф. М. Махонина, М. О. Розмахина, С. И. Тархова – участников вооруженного выступления на строящемся Воскресенском (Колывано-Воскресенском заводе), высланных для дальнейшего следствия в г. Кузнецк. 5 августа 1729 г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998... С. 46–49 ; Протокол допроса Ивана Порсева, одного из руководителей вооруженного выступления строителей Воскресенского (Колывано-Воскресенского) завода, раненного и схваченного во время побега. 5 августа 1729 г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998... С. 50–52 ; Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 36–38 ; Пензин Э. А., Черноухов А. В. Из истории классовой борьбы в первой половине XVIII в. (вооруженное выступление строителей Колывано-Воскресенского завода А. Демидова) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 181–188 ; Смирнов С. С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в. Челябинск, 1993. С. 34–39.

²⁴³ Очерки истории Алтайского края... С. 73.

²⁴⁴ Там же. С. 73.

²⁴⁵ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 180–181.

В случае невозможности уклониться от заводских работ крестьяне переходили к открытым формам протеста, доходившим до вооруженных столкновений.

После разгрома Пугачевского восстания в 1774 и 1775 гг. на Алтае оказались пугачевцы, сосланные на Змеиногорский рудник. Среди рудничных рабочих стали распространяться слухи о том, что Петр III жив и продолжает борьбу за народ. У пугачевцев появились сторонники среди работных людей и заключенных. 8 сентября 1775 г. они совершили побег со Змеиногорского рудника с целью пробраться через Киргизскую землю в Оренбург, намереваясь присоединиться к восстанию Пугачева, которое, как они считали, до сих пор продолжалось. В конце сентября беглецы были схвачены, но правительство уже не рискнуло отправлять их обратно на Алтай. С 1776 г. ссылка на каторгу на Колывано-Воскресенские заводы прекратилась.

В 1775 г. слух о выжившем Петре III на Колывано-Воскресенских заводах распространял заводской крестьянин Дмитрий Попов. В 1779 г. подобные идеи выдвигал на Златоустовском заводе тюменский мещанин Иван Соколов. В 1783 г. на Алтае объявился бывший пугачевский атаман Петр Хрипунов, который был схвачен под Усть-Каменогорском еще в 1774 г. и сослан в Тобольск, а потом – в Ялуторовский округ. Ему удалось бежать и длительное время скрываться. Хрипунов также убеждал народ в том, что Пугачев все еще жив и призывал присоединиться к нему. В 1784 г. он снова был схвачен и опять пытался бежать через два года. Однако на этот раз побег не удался²⁴⁶.

Продолжая открытые выступления, крестьяне использовали такой метод сопротивления, как бойкот отработок. В 1781 г. на работы для Нижесузунского завода не явились более 1000 крестьян. На Барнаульский завод явилось чуть больше половины всех назначенных крестьян ведомства Белоярской слободы (1251 из 2118 душ); на Павловский завод не явились 2080 крестьян; на

²⁴⁶ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. М., 1949. Т. 1. С. 387, 395–396 ; Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962. С. 116–159 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 342–346.

Верхотомский завод прибыли только трое из назначенных 142 кузнецких крестьян. В 1783 г. насчитывалось 407 крестьян, не вышедших на работы на Барнаульский завод и т.д.²⁴⁷

Весной 1784 г. бывшие государственные крестьяне двух недавно причисленных в ведомство Красноярской слободы Бийского уезда деревень, Харловой и Усть-Чагирской, отказались выполнять заводские работы, апеллируя к тому, что не являются подсудными Красноярской земской избе. При этом в ответ на принуждение к работам они угрожали: «...есть ли де сильно нас понудят, то мы дома и детей зарежем, а сами с гор на камень падем, а работать не станем, почему де с нас подушныя деньги берут»²⁴⁸.

Не удивительно, что крестьяне Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской слобод, приписка которых состоялась в 1797 г., оказались предрасположены к сопротивлению, которым к тому времени уже была охвачена часть территории заводского округа. В мае 1797 г. управляющий Кабинетом Его императорского величества в Петербурге, генерал-майор Михайло Донауров докладывал тайному советнику князю Куракину о том, что крестьяне Тобольского наместничества в Томской, Каинской и Ачинской округах «не делают должного в исправлении наложенных на них заводских работ послушания, так что за негодных в работу крестьян и зарабатывать совсем отказались»; крестьяне просили освободить их от заводских работ совсем. Нежелание крестьян выполнять заводские работы привело к недопоставке заводам до 5784 саж. дров, «от недостатка коих в тех заводах произойдет совершенное расстройство»²⁴⁹.

В том же 1797 г. на севере Колывано-Воскресенского горного округа начались волнения в Богородской волости, крестьяне которой протестовали против выполнения заводских работ. Они обратились за поддержкой к жителям соседних волостей, Нелюбинской и Уртамской. Указанные волости также выступили против обременительных отработок. Крестьяне требовали, чтобы на

²⁴⁷ Маслениковский С. И. Формы протеста против феодальной эксплуатации в Сузуне в 1765–1861 гг. // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 250 ; Очерки истории Алтайского края... С. 73-74.

²⁴⁸ Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке... С. 50.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 221. Л. 1.

них не раскладывали повинности за умерших и неспособных к выполнению заводских повинностей, чтобы на 1 крестьянина не возлагалось отработок больше, чем за 1 ревизскую душу. Волнения охватили и другие волости: Николаевскую, Тырышкинскую, Ояшинскую, Чаусскую, Покровскую, Нижне- и Верхне-Каинскую. Массовые отказы, а затем и неявка на заводы, несомненно, послужили одной из причин замены крестьян удаленных от заводов селений приписываемыми крестьянами Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей²⁵⁰. Таким образом, 3 марта 1797 г. Павел I дал резолюцию на доклад управляющего Кабинетом генерал-майора Донаурова о восстановлении канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. В докладе говорилось также и о том, что необходимо приписать к заводам близлежащие селения взамен отдаленных, которые могут быть исключены из горнозаводского ведомства²⁵¹.

Жители Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Убинской волостей были приписаны к заводам, и с этого момента получали новый статус приписных крестьян.

Фактически, это была последняя приписка, осуществленная горнозаводской администрацией. Она имела целью не столько пополнить число приписных крестьян, сколько заменить крестьян наиболее отдаленных округов (Каинского, Ачинского и Красноярского) и Томского уезда на вновь приписанных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей Семипалатинского уезда; кроме них были приписаны жители Ново-Енисейской слободы Бийского уезда. Всего обмен подразумевал замену 7790 ревизских душ (из них 6933 душ государственных крестьян и 857 –

²⁵⁰ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 344–345 ; Сорокин М. Е. Борьба крестьян Томского уезда против приписки к заводам (конец XVIII в.) // Вопросы истории Сибири : Томск, 1982. Вып. 11. С. 39–45.

²⁵¹ Высочайше утвержденный доклад управляющего Кабинетом генерал-майора Донаурова «О восстановлении существовавшей по 1779 год Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства» от 3 марта 1797 г. // ПСЗ. Собр. перв. Спб., 1830. Т. XXIV. № 17862. С. 507.

экономических), проживавших в удаленных от заводов поселений на указанных выше крестьян²⁵².

Именной императорский указ о приписке к заводам крестьян Усть-Каменогорской (1602 р.д.), Крутоберезовской (1430 душ) и Убинской (1757 душ) слобод общим числом жителей 4789 р.д. вышел 3 марта 1797 г. и был передан шефу Томского мушкетёрского полка, генерал-майору графу М.К. Ивеличу. Однако крестьяне отказались принять новый социальный статус. В ответ на требование письменного объяснения причин их неповиновения крестьяне ответили молчанием. Последней инстанцией для них был император, и крестьяне стали собирать деньги на отправку ходоков в Петербург с прошениями, чтобы получить освобождение от приписки.

Процесс принуждения крестьян к отработкам затянулся в связи с тем, что волнениями уже была охвачена часть заводского округа. В 1798 г. начались волнения в Бердской волости: поводом стало вмешательство администрации в мирские дела; сопротивление крестьян выразилось в отказе от выполнения заводских работ²⁵³. В январе 1798 г. пачинские крестьяне отказались предоставить ведомость с указанием числа душ в волости по V ревизии и именные списки жителей. Ранее, в сентябре 1797 г., когда земский управитель Василий Ахвердов прибыл в село Пачинское для описания крестьянских пашен, крестьяне объявили о своем отказе признавать приписку к заводам. В ответ на это 22 марта 1798 г. генерал-майору Ивеличу императором было предписано использовать Томский полк, чтобы справиться с неповиновением. Ввод Томского полка в Пачинскую слободу 4 мая 1798 г. положил конец крестьянским волнениям²⁵⁴.

²⁵² Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке : в 2-х ч. Ч. 1... С. 19; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в... С. 210 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 263 ; Очерки истории Алтайского края... С. 65.

²⁵³ Миненко Н. А. Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 1980. С. 88–92 ; Павленко Н. И. К вопросу о причинах волнений приписных крестьян в 50–60-х гг. XVIII века // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири : Ученые записки. Свердловск, 1969. Сб. 38. С. 116–125.

²⁵⁴ Жеравина А. Н. О реакции жителей Алтая на приписку к заводам (к вопросу об одном из источников для определения социальной сущности приписного крестьянства в Сибири) // Актуальные

Предпринятое описание обширной географии, а также констатация рецидивов вспышек сопротивления приписных крестьян необходима нам для того, чтобы определить, в каких политических и социально-экономических условиях происходила приписка крестьян Верхнего Прииртышья. На описании обстоятельств приписки следует остановиться особо.

К концу XVIII в. сложились необходимые условия для гарантированного обеспечения вспомогательной обслуживающей рабочей силой заводов и рудников, располагавшихся в Верхнем Прииртышье. Таковой могли быть только крестьяне, проживавшие близко от заводов и рудников.

Близость крестьян Верхнего Прииртышья к местам отработки должна была снять один из существенных факторов недовольства – необходимость затрачивать длительное время на дорогу к заводам и рудникам. Однако условия, в которых произошла приписка, усиливали «социальный стресс», вызванный сменой владельческой принадлежности и предстоящей реорганизацией уже сложившихся взаимоотношений крестьян с заводами.

Указом № 3043 от 24 апреля 1798 г. повелевалось выбрать раскладчиков из каждого селения приписанных Верх-Иртышских волостей (1-2 человека в зависимости от числа жителей), которые и должны были осуществить расклад крестьян в заводские работы. Данные расклады заранее следовало передать на заводы и рудники, где крестьянам предстояло выполнять работы. Копии, сделанные с данного указа, а также ведомость с назначением в заводские работы на 1798 г. 3723 душ из указанного числа приписанных крестьян, были направлены земскому управителю В. Ахвердову из канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства²⁵⁵.

Однако крестьяне отказались признавать приписку. В первую очередь, это выразилось в отказе приступать к выбору раскладчиков для организации раскладки в заводские работы. Причинами, по объяснению крестьян, были, как

вопросы истории Сибири : Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 96 ; Побережников И. В. Массовые выступления крестьян... С. 51.

²⁵⁵ Рапорт земского управителя титулярного советника Ахвердова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от 15 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 108.

уже отмечалось, сомнения в законности такой приписки, поскольку представленный им указ являлся письменной копией с письменного же указа, а не печатным. Это вызывало у крестьян подозрение, что он исходит не от государя²⁵⁶.

В связи с этим, несмотря на попытки земского управителя В. Ахвердова принудить крестьян, согласно указу 24 апреля 1798 г.²⁵⁷, к началу раскладки, определение выборных постоянно откладывалось. Жители Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей написали прошения на имя императора с тем, чтобы им была подтверждена законность предъявленного указа. Ахвердов не единожды докладывал в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о том, что крестьяне не соглашаются признавать свой новый статус приписных.

Во время пребывания в Убинской слободе, где шло разбирательство, связанное с убийством драгуном Иркутского драгунского полка Грошевым крестьянина деревни Убинской Ульянова, 25 июня 1798 г. к Ахвердову прибыл староста Убинской земской избы Рябов с рапортом. В рапорте сообщалось, что крестьяне селений ведомства Убинской земской избы приняли решение не выбирать раскладчиков и не осуществлять раскладку до обнародования соответствующего печатного императорского указа. В ответ Ахвердов собрал в земскую избу крестьян от всех селений и «делал увещевания». Однако ни уговоры, ни попытки убедить крестьян в истинности указа о приписке к заводам, на них не повлияли. Особенно выделился крестьянин Убинской деревни Коптелов, который «с криком и некоторым образом снасмешкою» отвечал, что в Убинской земской избе хранится печатный манифест о рекрутских наборах, а о приписке крестьян к заводам аналогичного официального документа крестьянам представлено не было. Присутствовавшие крестьяне «объявили все свое к рукописному указу недоверие и непослушание». Таким образом, всеобщее собрание результатов не дало. На следующий день Ахвердов встречался уже с

²⁵⁶ См. : Побережников И. В. Массовые выступления крестьян... С. 51–54.

²⁵⁷ См. : Указ Его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывановоскресенского Горного Начальства Г-ну Земскому управителю Ахвердову от 10 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 95.

пятью избранными представителями крестьянского общества, однако и теперь ему было сказано, что нынешние «тяготы и изнеможения» не позволяют им взвалить на себя еще и заводские отработки, но если их освободят от прежних выплат и обязательств, то «и заводские работы охотно на себя примут». Крестьяне решили собрать общий съезд от всех селений и на нем сделать окончательное заключение о своем отношении к немедленным раскладам в заводские работы²⁵⁸.

26 июня 1798 г. Ахвердов побывал в Усть-Каменогорской и Крутоберезовской земских избах, где получил примерно такой же ответ от местных жителей. Впрочем, усть-каменогорские крестьяне пообещали, что 30 июня начнут осуществлять раскладку. Крестьяне Крутоберезовской слободы сообщили только, что во время приближающегося праздника Петра и Павла организуют съезд представителей от всех селений, где также будет рассматриваться вопрос о раскладке в заводские работы²⁵⁹.

Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства поручила земскому управителю «иметь неприметное наблюдение» за поступками убинских крестьян и дать знать рапортом в канцелярию об их дальнейших действиях. Рапорты же, поданные от Рябова, приказывалось «из рук не выпускать», то есть, не давать им ход. Также канцелярия запретила проведение крестьянских съездов и «сборищ», на которых обсуждались бы царские указы, любые собрания должны были осуществляться только в земской избе и только для принятия решения: как «законную повинность по предписаниям в точности исполнить». Земскому управителю вменялось снова послать в земские избы указ о приписке крестьян к

²⁵⁸ Рапорт Усть-Каменогорской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 614 от 8 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 109–109(об.) ; Рапорт Крутоберезовской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 663 от 7 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 111–112; Рапорт Убинской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 598 от 26 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 110–110(об.).

²⁵⁹ Рапорт в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от земского управителя титулярного советника Ахвердова от 28 июня 1798 г. № 5053 // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 90–90(об.) ; Рапорт Его превосходительству Действительному советнику Колывано-Воскресенских заводов начальнику и кавалеру Гаврилу Симоновичу Качке от земского управителя титулярного советника Ахвердова от 28 июня 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 91–91(об.).

заводскому ведомству и сделать разъяснение, что печатные указы издаются только в том случае, если они имеют «всенародное» значение, как это было с указом об объявлении рекрутского набора. В случае продолжения сопротивления, приказывалось поступать с крестьянами «по строгости законов как с неповинуящимися Его Императорского Величества Указам». В силу вступали методы устрашения²⁶⁰.

Учитывая возникшие сложности в понуждении крестьян к раскладу в заводские работы 6 июля 1798 г. управитель Ахвердов просил, чтобы ему выделили помощников. Ими стали двое служителей конторы Колывано-Воскресенских рудников Матвей Агеев и Семен Черницын, обязанные помогать Ахвердову для «понуждения и высылки обложенных крестьян в возку дров»²⁶¹.

Между тем, 15 июля 1798 г. управитель Ахвердов выслал в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства рапорты земских изб о том, что крестьяне не собираются выполнять возложенные на них новые обязанности, пока не получат ответ на посланные ими императору прошения. Рапорт Усть-Каменогорской земской избы был подписан старостой Лазарем Минеевым, Убинской – Андреем Рябовым и Крутоберезовской – Федором Зуевым²⁶².

²⁶⁰ Указ Его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывановоскресенского Горного Начальства Г-ну Земскому управителю Ахвердову от 10 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 95–95(об.) ; Рапорт о получении указа в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства Земского управителя Ахвердова от 18 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 96 ; Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за № 5728 от 17 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 99 ; Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за № 5729 от 17 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 98–98(об.) ; Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за № 5730 от 17 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 101–101(об.).

²⁶¹ Доношение земского управителя Ахвердова Его Превосходительству Г-ну Действительному советнику Колывано-Воскресенских заводов начальнику и кавалеру Гаврилу Семеновичу Качке за № 758 от 6 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 104–104(об.) ; Рекомендация управителю Ахвердову за № 5724 от 17 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 106.

²⁶² Рапорт земского управителя титулярного советника Ахвердова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от 15 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 108–108(об.) ; Рапорт Усть-Каменогорской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 614 от 8 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 109–109(об.) ; Рапорт Крутоберезовской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василию Исаевичу Ахвердову № 663 от 7 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 111–112 ; Рапорт Убинской земской избы благородному и почетному земскому

В ответ на саботирование крестьянами расклада заводских повинностей, было решено подключить войска, о чем был уведомлен командующий сибирской дивизией и линиями генерал-майор князь А.И. Горчаков, а также бергауптман В. Чулков, которому было поручено обеспечить усмирение крестьян. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства объясняла привлечение войск тем, что наносится ущерб царской казне, а также опасностью распространения волнений на другие территории.

Сложившаяся ситуация была чревата прекращением обеспечения заводов и рудников вспомогательной рабочей силой из деревень Верхнего Прииртышья, о чем свидетельствуют архивные материалы.

Получив 1 августа 1798 г. резолюцию канцелярии с поручением разобраться с крестьянскими волнениями, Чулков уже через 4 часа выехал из Локтевского завода и отправился по Колыванской линии через Кабановскую защиту к Усть-Каменогорской крепости на встречу с князем Горчаковым. В Усть-Каменогорскую крепость он прибыл 3 августа во втором часу. В это время Горчаков был на смотре войск в Бухтарминской крепости и вернулся только поздно вечером, поэтому их встреча для уточнения действий состоялась только на следующее утро в 10 часов. Земский управитель Ахвердов, также прибывший в Усть-Каменогорскую крепость, получил от Чулкова распоряжение собрать лучших людей из всех селений трех слобод в Крутоберезовской земской избе. Ахвердов был отправлен с этим поручением 4 августа. 5 августа 1798 г. князь А.И. Горчаков поручил шефу Селенгинского мушкетерского полка генерал-майору Скобельцину выделить в помощь Чулкову одного штаб-офицера, роту солдат и десять казаков. Эта команда должна была присоединиться к Чулкову и действовать согласно его поручениям: «отправиться в то место, в которое он назначит и во всем по требованию его делать ему воинской частью вспомоществование стараться обще с ним склонить неповинующихся к должному повиновению, внушив им важность их преступления во ослушание высочайшего

указа единым увещанием а в самом уже крайнем случае их безрассудной упорности употребить (чего боже сохрани) силу оружия до совершенного восстановления должного спокойствия и повиновения». После того, как Чулков уже перестанет нуждаться в военной поддержке, штабному офицеру с командой повелевалось вернуться в полк. Отряженным офицером стал майор Голенищев-Кутузов, который 5-го же числа с выделенными военными силами был направлен в Красноярский форпост на р. Иртыш, где Чулков намеревался дожидаться собрания в Крутоберезовской земской избе. Чулков направился в том же направлении 6 августа, и 10 числа прибыл в Крутоберезовскую слободу²⁶³.

К этому времени земский управитель Ахвердов уже получил рапорт старосты Крутоберезовской земской избы Федора Зуева²⁶⁴ с приложением подписок от разных селений, которые поддерживали поданные императору прошения и выступали за отсрочку расклада в заводские работы. Во время сбора старост и выборных на общее собрание земский управитель вновь встретился с сопротивлением крестьян. Так, посланный по его поручению в Убинскую слободу горный смотритель Агеев в деревне Красноярской на Убе не получил согласия выделить нужное количество выборных (двоих или троих). Крестьянин Михайло Скоробогатов «выйдя из всякой благопристойности кричал, что нас управитель заманивает в Крутоберезовскую земскую избу, видно для того, чтоб нас к заводским работам принудить, да мы посмотрим, есть ли у него печатный указ». Сотник же деревни, равно как и остальные крестьяне, не предприняли попыток унять расшумевшегося односельчанина и, в конце концов, на собрание отрядили только одного выборного.

²⁶³ Резолюция Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 28 июля 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 115–117(об.) ; От командующего войсками Сибирской дивизии и линиями генерал-майора и кавалера князя Горчакова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства. № 6302 от 6 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 121–121(об.) ; Рапорт Василия Чулкова Гавриле Симоновичу Качке от 7 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 129–130 ; Его благородию г-ну титулярному советнику Ахвердову от бергауптмана Василия Чулкова от 4 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 133 (об.) ; Рапорт берг-гауптмана Чулкова в Канцелярию Колывано-Воскресенского Горного начальства от 7 сентября 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 139–140(об.).

²⁶⁴ Рапорт от Крутоберезовской земской избы земскому управителю Ахвердову за № 6303 от 4 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 122–125(об.).

Сам земский управитель побывал в Крутоберезовской слободе и убедился в «нелояльных» настроениях крестьян. Так, в своем рапорте Чулкову он приводил в качестве примера следующий инцидент, случившийся между крестьянами деревни Секисовской и Красноярской на Иртыше. Жалуясь на свое тяжелое положение, крестьяне указывали, в частности, на недостаточную обеспеченность угодьями, в том числе и лесными. Канцелярия горного начальства разрешила крестьянам тех селений, где нет поблизости леса, брать его в дачах Секисовских и Шульбинском бору. Один из крестьян д. Красноярской был застигнут секисовскими крестьянами в их дачах за рубкой берез и сбором «полозьев и корней». Лес у крестьянина был изъят. Староста же деревни, Федор Зуев, не только «не помыслил их отвратить, но ниже истолковал, что сие делается ими в противность присланного из Канцелярии Указа».

Когда Ахвердов оглашал в той же Крутоберезовской слободе указ о приведении неповинующихся крестьян в должное послушание, крестьянин Василий Исаков кричал, что «все это пустое и нас как малых ребят вздумал устраивать». Показателем настроений крестьян было то, что Василий Исаков оказался среди выборных на собрании, инициированном Чулковым.

Тем не менее, 11 августа старосты и выборные от всех трех слобод собрались в Крутоберезовской земской избе, хотя от некоторых селений явилось не более одного выборного. В критической управленческой ситуации обозначился некоторый перелом в пользу властей. Явившись на собрание, Чулков выслушал заявления крестьян. На вопрос о том, как они отважились противиться императорскому указу, крестьяне отвечали, что «это произошло от их простоты и недоразумения, а более потому что на высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА имя ото всех трех слобод писаны прошения и потому они были в чаянии, что государь вразсуждении прописанных всех от них тягостей освободит их от заводских работ».

В рамках наметившегося диалога крестьянам было сказано, что в канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства имеются копии крестьянских прошений, и уже предприняты шаги для преодоления их

трудностей. Решением, которое представлялось рациональным канцелярии, было проведение обмеров территорий поселений и принадлежащих им пахотных земель и угодий. Особый акцент был сделан на том, что заводские работы предусмотрены в зимнее время, благодаря чему не будут мешать крестьянам заниматься хлебопашеством. Однако на это выборный Усть-Каменогорской земской избы Епифан Гребнев отвечал, что и в зимнее время крестьяне не могут отлучиться из своих селений по той причине, что у них ежегодно квартируются солдаты, «которые от случая к случаю и их могут дома сжечь, произнося притом с великим жаром подобная сему нелепости, отчего едва мог быть унят». Чулков отвечал, что солдаты на квартиры размещаются «не иначе как где государь укажет, а потому и не роптать о том». После этого крестьяне были распущены, чтобы они «о слышанном вообще подумали и сделали на утро решительный ответ».

По сведениям, поступившим от Ахвердова, крестьяне действительно все обсудили и решили, что будут повиноваться императорскому указу, но не будут давать в этом подписок, если таковые будут от них требовать. Узнав об этом, Чулков и Голенищев-Кутузов решили, что на следующий день перед собранием нужно приказать солдатам выстроиться возле земской избы в качестве устрашения, чтобы получить от крестьян письменное согласие на выполнение заводских работ. Задумка эта была исполнена, и утром 12 августа в 8 часов пришедшие в Крутоберезовскую земскую избу крестьяне увидели занявших позиции солдат и казаков. Далее последовало общее согласие подчиняться указу о приписке, после чего Чулков объявил собравшимся крестьянам о тяжести их преступлений, важности повиновения и о наказании, которое будет назначено в любом случае. Одному из грамотных крестьян было поручено зачесть данное от князя Горчакова предписание по поводу использования любых средств для усмирения противящихся императорской воле крестьян. Затем были вызваны выборный Усть-Каменогорской избы Гребнев, староста Секисовской деревни Зуев и Убинский посельщик Исаков. Каждому при собрании были объявлены их преступления, и все трое были наказаны плетью «чрез казаков». Остальные были

предупреждены, чтобы впредь не думали о подобном поведении. Затем присутствовавшие крестьяне вынуждены были дать расписки, в которых обязались осуществить расклады в заводские работы и впредь не оспаривать высылаемые из канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства распоряжения и беспрекословно им подчиняться.

К документу, хранящемуся в Государственном архиве Алтайского края, приложены подписки от 4 августа (об отсрочке приписки), данные крестьянами деревень Верх-Убинской, Большерецкой, Секисовской и Крутоберезовской, Зевакиной. В нем указывалось, что подписчики действуют от имени всех жителей селения. В каждой деревне подписка была засвидетельствована старостой Федором Зуевым²⁶⁵. В рамках сопоставления с данными о подписчиках расписок, данных крестьянами в качестве согласия с необходимостью осуществлять отработки, выясняются следующие обстоятельства (см. Приложения Ж и И).

Подписчиков первых расписок значительно больше. Если от четырех указанных деревень Крутоберезовской волости расписки об отсрочке приписки подписали 134 человека, то на расписках о согласии с припиской – не более двух подписей крестьян каждой из деревень.

Стоит отметить, что, если среди подписчиков расписок об отсрочке приписки в среднем размер пашни составлял 12,25 (тогда как диапазон запашки расходился от 1,5 до 49 дес.), то подписавшие согласие с припиской либо не значились в списках хлебопашцев за 1798 г., либо были представителями хозяйств с большими площадями запашки – от 27 до 43 дес. (9 из 17 хлебопашцев). Интересно, что в д. Зевакиной это были те же крестьяне, которые ратовали за отсрочку приписки: в д. Зевакиной – Михайло Фомин (39,5 дес.) и Тимофей Шахов (30,5 дес.). Разумеется, согласие представителей крупных крестьянских хозяйств (равно как и представителей больших семейств с крупным хозяйством) объяснялось тем, что их хозяйства обладали большими возможностями «перестроиться» за счет имеющегося хозяйственного резерва. Однако это также

²⁶⁵ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 148–150 (об.)

свидетельствует и о том, что крестьянам, обеспечивавшим заводы хлебом еще до приписки, в принципе, сама вероятность приписки не казалась бесперспективной, но вызвала сомнения вероятность снижения оплаты за поставки.

Последнее собрание состоялось 13 августа в 3 часа пополудни, когда Чулков на примере одного из селений объяснил технологию раскладов в работы. Затем, наконец, крестьяне были распущены по домам, чтобы сообщить своим односельчанам о результатах съезда, а также подготовить к приезду Чулкова подписки, аналогичные данным выборными на съезде, уже от каждого селения. 14 августа Чулков в сопровождении солдат и казаков направился в деревню Зевакину, где получил уже готовую подписку о повиновении. Вечером того же дня отряд был в Убинской слободе, где вынужден был остаться, поскольку здесь расписки не было подготовлено: крестьяне были на пашне и собрались только поздно вечером, поэтому подписка от жителей данного селения была получена только утром 15 августа. Далее отряд двинулся в деревню Красноярскую на Убе. Здесь все крестьяне были в сборе, поскольку день был праздничный. Однако здесь Чулков не ограничился получением подписки с крестьян. Со старосты было спрошено, почему вместо установленных двух-трех выборных в Крутоберезовскую земскую избу прибыл только один. Староста объяснял это тем, что крестьян на тот момент было мало, так что и послать было некого. Однако он был «изобличен» пищиком, отставным солдатом Смородиновым, который сообщил: когда крестьянин Скоробогатов призвал не посылать более одного выборного, да и того напрасно, остальные жители деревни, включая сотника, с ним согласились. Сотник вынужден был признать правоту этих показаний. Его вместе с крестьянином Смородиновым при собрании односельчан наказали плетьюми. Однако и этим дело не ограничилось. Во время описываемых событий крестьянин Иван Бурнашев выступил на стороне сотника и Скоробогатова и в защиту их обратил внимание на то, что согласны были послать одного выборного все крестьяне, а не только эти двое. С целью предотвращения дальнейших выступлений Бурнашев также был наказан плетьюми.

Переночевав в Красноярской деревне, Чулков с командой прибыл в Шемонаиху, где, также по случаю праздничного дня крестьяне были на месте, а потому и подписка уже была подготовлена. В деревню Екатерининскую Чулков поехал уже с одними только казаками, поскольку условился с князем Горчаковым, что применять военные силы будет только при надобности. После получения подписки от екатерининцев Чулков направился в Змеиногорский рудник, где в тот момент пребывал князь Горчаков. От Горчакова он получил распоряжение посетить все селения волнующихся слобод, поэтому вернулся в Шемонаиху, где узнал о случившемся в его отсутствие инциденте. Унтер-штейгер Василий Тарасов доложил ему, что в деревню приезжал в поисках лошадей выдрихинский крестьянин Павел Щитов, который, в присутствии бергайеров Локтевского завода Матвея Снегирева и Дмитрия Чумакова «сказывал, что де в нашей деревне хоть всех крестьян убей, а под завод не пойдем». Чулков уведомил об этом Голенищева-Кутузова и Ахвердова на случай продолжения волнений среди крестьян, а сам отправился в Выдриху, однако никакого сопротивления там не встретил. Подписка от крестьян была получена в тот же день, а Щитов был наказан плетьюми принародно.

Далее Чулков следовал в деревни Большерецкую, Верхнеубинскую (Лосиху), Секисовку, Бобровку и Верх-Ульбинскую (Согру), где получил уже заготовленные подписки. 22 августа Чулков прибыл в Усть-Каменогорскую крепость, откуда на следующий день, в сопровождении земского управителя и казаков, направился в деревни Глубокую, Красноярскую на Иртыше, где также получил подписки и вернулся в Выдриху. Отсюда он выслал Ахвердова с двумя казаками в деревни Кабанову, Верхнеалейскую и Плоскую. Земский управитель вернулся 25 августа и 26 августа представил Чулкову подписки от этих последних трех селений. После этого Ахвердову было рекомендовано немедленно заняться крестьянскими раскладами в заводские работы. Сам же Чулков 27 августа вернулся в Локтевский завод²⁶⁶.

²⁶⁶ Рапорт берг-гауптмана Чулкова в Канцелярию Колывано-Воскресенского Горного начальства от 7 сентября 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 139–147(об.) ; Рапорт унтер-штейгера Тарасова

Рапорт Чулкова поступил в канцелярию Колывано-Воскресенских горных заводов 7 сентября, и 17 сентября канцелярия сообщила в Кабинет Его Императорского величества, что крестьянские волнения прекращены.

Вместе с тем, такой масштабный инцидент крестьянского неповиновения требовал извлечения из него уроков. В ноябре управляющий Кабинетом генерал-майор Михайло Донауров писал П.В. Лопухину, что хоть крестьяне Крутоберезовской, Убинской и Усть-Каменогорской волостей и были приведены в должное повиновение благодаря своевременным и быстрым действиям Чулкова, теперь необходимо закрепить положение, чтобы предотвратить возможность повторных волнений. Донауров видел смысл в том, чтобы «со стороны Правительства сделать должное распоряжение»²⁶⁷.

Итак, несмотря на активный открытый протест со стороны крестьян Верхнего Прииртышья, изменение их социально-экономического положения по отношению к горнозаводскому ведомству состоялось спустя год после выхода распоряжения. В процессе развития конфликта между горнозаводским начальством и крестьянами произошло не тотальное подчинение крестьян произволу власти, а согласование интересов сторон. Конечно же, произведенная в конце XVIII в. приписка деревень фронта к заводам принципиально меняла социальную природу взаимоотношений между заводами и крестьянами. Социальный стресс и распространенность крестьянских волнений в других частях заводского округа вызвали всплеск сопротивления в Верхнем Прииртышье; началом послужили легитимные обращения с челобитными и, когда это средство оказывалось неэффективным, крестьяне перешли к радикальным действиям: массовому невыходу на работы, вооруженному сопротивлению, подавленному при помощи военных и с последовавшим наказанием виновных.

Высокоблагородию и высокопочтенному г-ну берг-гауптману Василию Сергеевичу Чулкову от 19 августа 1789 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 138(об.) ; Рапорт из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Кабинет Его Императорского Величества от 17 сентября 1798 г. с Приложением копии рапорта В. С. Чулкова от 7 сентября 1798 г. // РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 221. Л. 54–65(об.) ; Миненко Н. А. Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества... С. 99.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 221. Л. 53 (об.).

Следствием приписки стало начало нового периода адаптации. Ключевыми факторами в ней стали возложенные на крестьян заводские отработки и повинности, а также установление жесткого административного контроля горнозаводской администрации, строго регламентировавшей работу на заводах и рудниках, которая раньше осуществлялась на добровольной основе лишь частью крестьянского мира, а теперь возлагалась на всех в одинаковой степени. Деревня Верхнего Прииртышья, претерпевшая к этому времени определенную эволюцию социально-экономического уклада, оказалась перед вызовом мощнейшего нивелирующего управляющего воздействия. Необходимость выполнения работ на заводах и рудниках была распределена между всеми крестьянами деревень Верхнего Прииртышья, в соответствии с определенным регламентом, в виде обязанности отрабатывать норму – повыток. Следствием данного обстоятельства стала неизбежная очередная трансформация экономики деревни.

2.2. Интеграция приписной деревни Верхнего Прииртышья в систему кабинетского землевладения на Алтае

Оказавшись приписанной к горнозаводскому ведомству, деревня Верхнего Прииртышья не столкнулась с серьезными нововведениями в экономическом плане: определенная практика налаживания хозяйственных связей уже была наработана и в части выполнения вспомогательных работ на заводах и рудниках, и в части их продовольственного обеспечения. Вместе с тем, серьезнейшим вызовом для корпоративно-консолидированной в своих особенностях деревни Верхнего Прииртышья стало новое правовое положение крестьян. Они были вписаны в правовую (в частности, в налогово-податную) систему, четко функционирующую во всем Колывано-Воскресенском горном округе, который к этому времени приобрел черты замкнутого политико-экономического пространства. Деревне на юго-западе горнозаводского округа предстояло быть

включенной в систему территориально-хозяйственного разделения огромного региона.

Привыкание к новому правовому статусу и его освоение стали актуальной частью действительности для деревни Верхнего Прииртышья с начала XIX в. Прежде всего, универсальной нормой жизни стали отработки на заводах и рудниках. Правовое регулирование отработок оформилось в принятии манифеста 21 мая 1779 г., который четко определил виды заводских отработок приписных крестьян. К ним относились: рубка куренных дров, разлом угольных куч и перевозка угля, обжигание флюсов, перевозка руд из рудников, постройка и починка плотин в случае их повреждения в результате пожара или наводнения. Все остальные работы должны были осуществляться только на основе вольного найма.

С включением деревень в приписной округ, рекрутская повинность приобрела характер не военной, а заводской. Отбিরавшиеся из крестьян рекруты превращались в работников на заводах и рудниках.

В 1795 г. оформилась категория так называемых «урочников» - заводских работников, набравшихся из рекрутов, но остававшихся на прежних местах жительства: после выполнения годовой нормы работы они возвращались в деревню и могли заниматься собственным хозяйством. На них была возложена обязанность по доставке руд и разлому угольных куч²⁶⁸.

Регламентация отношений приводила к необходимости перестройки уже сложившейся практики взаимоотношений крестьян с заводами и рудниками. Ранее эти взаимоотношения складывались на добровольной основе, не предполагавшей обязательного участия в обслуживании заводов и рудников всех крестьян, проживавших на фронтире

²⁶⁸ Вилков О. Н. Рабочие кадры Колывано-Воскресенских заводов в XVIII – первой четверти XIX вв. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 23 ; Зобнин Н. М. Положение рабочих... С. 408 ; Карпенко З. Г. Рабочие чугуноплавильных и железоделательных заводов Кузбасса в крепостническую эпоху... С. 188 ; Романов В. В. Наемный труд в Алтайской Кабинетской промышленности в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 37.

Однако привлекательным для крестьян (в первую очередь, крестьян-старообрядцев) должен был быть факт компенсации заводскими отработками подушной подати. По сути, такая замена подразумевала то, что с крестьян снимается необходимость добывать деньги, а взамен нее предоставляется возможность рассчитаться трудом. Данное обстоятельство хорошо корреспондировалось с менталитетом большей части жителей деревни фронта.

Целью традиционного семейно-трудового хозяйства было обеспечение собственного выживания, удовлетворение потребностей всех членов семьи; как полагает А.В. Чаянов, задачей крестьянского хозяйства «является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного и наиболее совершенного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства (земли, построек, скота и проч.) и рабочей силы самой семьи»²⁶⁹.

Заводские отработки, позволявшие компенсировать подушную подать, не обязательно были обременительной повинностью. В зависимости от того, какой эффект они приносили деревням, а не отдельным крестьянам, формировалась тенденция превращения заводских отработок в отдельный вид хозяйственной деятельности крестьянского двора. Процесс этот был сложным и длительным, т.к. практика оказания услуг по вспомогательным работам заводам и рудникам была привычной лишь для малой части деревни (еще со времен включения в горнозаводской округ). Большой же части неоднородной в хозяйственном отношении деревни предстояло мобилизовать все имеющиеся ресурсы для того, чтобы выйти из непосредственной практики отработывания на заводах и рудниках и делегировать это (на условиях соответствующего вознаграждения) тем, для кого такое взаимодействие с заводами и рудниками уже было привычным.

Действовать в такой логике было возможно в самом начале функционирования в новом правовом статусе. В более далекой перспективе деревне Верхнего Прииртышья предстояло выгодно использовать близкое расположение к заводам и рудникам, вписавшись в систему территориального

²⁶⁹ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Чаянов А. В. Избранные труды. М., 1989. С. 210.

разделения труда в округе в целом, что впоследствии предопределило изменение типологического облика деревни Верхнего Прииртышья.

Таким образом, реорганизация хозяйственной деятельности деревни Верхнего Прииртышья была связана с изменением ее состава в связи с появлением заводских отработок. В Верхнем Прииртышье в XIX в. основным фактором влияния на хозяйственное развитие деревни стало включение ее в состав горно-металлургического комплекса, так как именно тяжесть отработок (определяемая, прежде всего, несельскохозяйственным характером деятельности), а также их продолжительность создавали необходимость переорганизации всей совокупности видов деятельности в рамках крестьянского хозяйства – с тем, чтобы крестьянский мир сохранял свою жизнеспособность.

В условиях появления новых жизненных реалий для деревни Верхнего Прииртышья важным становится такой социальный институт, как «крестьянский мир». События 1797-1798 гг., подробно описанные в предыдущем разделе, показали дееспособность деревенской крестьянской общины, ее способность к консолидации при необходимости отстаивания корпоративных интересов крестьян. Корпоративная консолидированность деревень Верхнего Прииртышья обуславливалась двумя дополняющими друг друга факторами, а именно: спецификой религиозно-культурного мировоззрения и фронтирным характером территории. По мере того, как на протяжении второй половины XVIII в. происходила адаптация деревни к данным факторам, регулирующая роль общины нивелировалась формированием устойчивых практик самоуправления крестьянской жизнью. Социальный стресс в связи с включением региона в новые правовые реалии привел к тому, что охранительная роль общины приобретала характер управленческой доминанты. Крестьянскому миру Верхнего Прииртышья как устойчивой институции, позднее прочих крестьянских общин вошедшей в состав горнозаводского ведомства, предстояло выполнить миссию активного содействия как приспособлению деревни к новым условиям, так и адаптации этих условий под себя.

Согласно «Учреждению об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов» 16 апреля 1828 г., для пеших отработок отводилось 22 дня в году, для конных – 15.²⁷⁰ При этом южные крестьяне располагали существенным преимуществом по сравнению с северными. Если в северной части заводского округа вовсе не было заводов и рудников и крестьяне вынуждены были преодолевать огромные расстояния до мест отработки, то крестьяне фронта проживали вблизи мест, где должны были отрабатывать. Так, крестьяне Убинской волости были обязаны отрабатывать на Локтевском заводе, расстояние до которого в среднем составляло 12 верст, и Змеевском, до которого им приходилось добираться на расстояние 99 верст. В то же время крестьяне Тарсминской волости, назначенные на работу на тот же Змеевский завод, должны были преодолеть 500 верст, чтобы приступить к отработкам. Средняя узаконенная норма на передвижение в сутки составляла 25 верст. Таким образом, на дорогу туда и обратно крестьяне Тарсминской области в среднем затрачивали больше месяца²⁷¹.

Волости Верхнего Прииртышья вошли в состав группы южных волостей Алтайского горного округа. Это была группа из семи волостей Бийского округа: Алтайской, Чарышской, Колыванской, Убинской, Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Бухтарминской. Они обслуживали Змеевский и Локтевский сереброплавильные заводы и все серебряные и медные рудники Змеиногорского края, дававшие большую часть всего серебра для Алтайских заводов, и все количество меди для них²⁷². Близость деревень изучаемых волостей к рудникам обеспечивала приоритетное распределение крестьян в конные работы по перевозке руд и угля.

Однако, несмотря на близкое расположение деревень Верхнего Прииртышья к заводам и рудникам, отбывание заводских повинностей не лишено

²⁷⁰ Зобнин Н. М. Положение рабочих... С. 409 ; Высочайше утвержденное Учреждение о управлении Колывано-Воскресенских горных заводов от 16 апреля 1828 г. // ПСЗ. Собр. второе. Спб., 1830. Т. 3. 1960. С. 436.

²⁷¹ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение... С. 117-118.

²⁷² ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 29.

было иных трудностей. Одной из них было отсутствие дорог, частично компенсировавшееся организацией водной транспортной сети. Так, руду из Бухтарминского рудника нужно было довести до пристани на Иртыше, находившейся в десяти верстах, откуда осуществлялся сплав до Убинского форпоста (в целом это было расстояние в 240 верст), что было опасным занятием. Н.М. Зобнин пишет, что старожилы с ужасом вспоминали сплав по скалистому берегу Иртыша²⁷³.

Безусловно, тяжелой для крестьян была рекрутская повинность, которая в рамках заводского округа предполагала превращение их в заводских работников. Срок несения рекрутской службы не был установлен ни положением о мастеровых 1828 г., ни Горным уставом 1842 г. Только в 1849 г. срок был ограничен 35 годами беспорочной службы, а в 1852 г. положением комитета министров этот срок был сокращен до 25 лет²⁷⁴. Крестьяне, попадавшие в число рекрутов, теряли связь с деревней. Не удивительно, что рекрутские наборы вызывали протесты, которые выражались в сопротивлении с применением силы, членовредительстве, делавшим невозможной отправку в рекруты и, наконец, побегах.

Определением в рекруты занимался сам крестьянский мир, а сельская администрация (в лице сельских старост и голов) обеспечивала реализацию раскладов. Заводская администрация в крестьянские выборы рекрутов не вмешивалась. Однако она могла не принять назначенных рекрутов, если они оказывались нетрудоспособными, больными, старыми – такие рекруты отсылались обратно, а вместо них крестьянское общество обязано было предоставить здоровых и трудоспособных. Рекрутская повинность была способом

²⁷³ Ведерников В. В. Рудники Верхнего Прииртышья в системе горнозаводского производства Колывано-Воскресенских заводов (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) [Электронный ресурс] // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск, 2011. URL: <http://sibistorik.ru/project/conf2010/013-vedernikov.htm> ; Зобнин Н. М. Положение рабочих... С. 400.

²⁷⁴ Карпенко З. Г. Рабочие чугуноплавильных и железоделательных заводов Кузбасса в крепостную эпоху... С. 182–183 ; Ее же. Черная и цветная металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах... С. 85–86 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 278 ; Рогозин Е. Г. Экономическое развитие Западной Сибири и образование вотчины «кабинета»... С. 34 ; Тыжнов И. Из истории горнозаводского населения на Алтае... С. 16, 27, 36–37.

изъятия из крестьянского мира социально опасных элементов: в рекруты зачастую отдавались те, кто «отторгался» крестьянским миром, будучи возмутителями мирского спокойствия (были драчливыми, буйными и т.д.). На таких крестьян могли просить заменить рекрутов, назначенных в порядке очереди, если «очередные» рекруты оказывались рачительными хозяевами и состоятельными крестьянами. Однако следует отметить, что даже в таких случаях в рекруты в первую очередь попадали «неблагонадежные» крестьяне из малосостоятельных семей²⁷⁵.

Формулярные списки работников заводов и рудников дают некоторое представление о том, как крестьяне, отторгнутые общиной, попадали в рекруты. Так, в списках Змеиногорского рудника за 1806 г. значится Лазарь Иванов Сергеев 19 лет, житель д. Бобровской Усть-Каменогорской волости. В 1804 г. он оказался в рекрутах и был назначен запасным служителем, а затем переведен в бергайеры²⁷⁶. В рудник он попал за воровство – украл у крестьянина Степана Коробова 266 рублей, за что был наказан плетьюми, а после отдан в службу²⁷⁷. Другой горный работник, Тимофей Николаев Иванов 31 года, бывший житель Убинской волости, поступил на службу в 1802 г. за воровство лошадей. Перед тем, как отправиться в рудник, Тимофей Иванов был наказан плетьюми. В 1807 г. он бежал в Алтайские урочища, где обеспечивал себя воровством вещей, лошадей и коровы. Будучи пойманным, Тимофей Иванов был наказан шпицрутенами и 13 мая 1807 г. отправлен в Салаирский рудник в том же звании горного работника²⁷⁸.

Стоит отметить однако, что рекрутские наборы не были основным каналом устранения деструктивных элементов из деревни.

²⁷⁵ Булыгин Ю. С. Приписное крестьянство как источник формирования рабочих кадров Колывано-Воскресенских горных заводов (XVIII в.) // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1976. С. 96–99; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 220–221; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 275; Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири... С. 75; Сорокин М. Е. Волнения заводских крестьян Чаусской волости Томской губернии... С. 260–261.

²⁷⁶ Бергайер - м., горн., устар. (нем. Berghauer). Горнорабочий, занимающийся добычей руд или их первичной обработкой [Словарь золотого промысла Российской Империи [Электронный ресурс]. М., 1998. URL: http://gold_mining.academic.ru/47/Бергайер].

²⁷⁷ Формулярный список Змеиногорского рудника 9й статьи о бергайерах, рудокопах, горных и вечных работниках и о прочих служителях 1806 г. // ГААК. Ф. 60. Оп. 2. Д. 1. Л. 151 (об.)–152.

²⁷⁸ Там же. Л. 764 (об.)–765.

По мере того, как зажиточные семьи могли уклониться от необходимости расклада своих членов в рекруты, нагрузка на беднейшую часть деревни возрастала, что усугубляло имущественную дифференциацию. Надо заметить, что сила крестьянской общины Верхнего Прииртышья, проявлявшаяся в социальной попечительской функции, вряд ли делала универсальной подобную логику рекрутских раскладов.

Самыми тяжелыми из земских повинностей были почтовая, дорожная, а также обязанность предоставлять подводы для земских сообщений. Еще в конце 40-х – начале 50-х гг. XVIII в. ямские станцы были организованы по всему горному округу; крестьянам близлежащих деревень надлежало дежурить на них и держать лошадей на случай необходимости перевозок. За каждым станцем также закреплялся участок дороги, на котором крестьяне, прикрепленные к станцу, обязаны были осуществлять на своих подводах и лошадях перевозки казенных припасов, материалов, денежной казны. Особое внимание было уделено устройству станцев по дороге от Барнаульского до Колывано-Воскресенского завода и Змеиногорского рудника. Строительство и ремонт дорог и мостов (дорожная повинность) также требовали от крестьян значительных затрат и привлечения большого числа людей. Зачастую такое строительство приходилось на период летних сельскохозяйственных работ.

На крестьян также ложилась обязанность по сбору денег на содержание и починку слободских, крепостных, церковных, волостных изб, соляных и провиантских амбаров, доставка пакетов в станцы (подводная повинность и почтовая гоньба), опалка боров, тушение пожаров, сопровождение колодников и др. На деньги, собранные с крестьян, покупалось все, что было необходимо для мирских нужд: сургуч, бумагу, мебель и др.

Кроме того, крестьяне обязаны были содержать проходящие через селения воинские команды, обеспечивать отопление и освещение казарм.

В целом Н.М. Зобнин насчитывал от 36 до 48 различных видов натуральных земских повинностей, которые раскладывались на приписных крестьян²⁷⁹. К 1818 г. общая сумма земских и волостных повинностей приписных крестьян составляла 12 р. 82 к. с ревизской души. В 1825 г. она достигала суммы от 13 р. 62 к. до 17 р. 99 к. (в среднем 15 р. 72 к.) с ревизской души. С конца 40-х гг. с крестьян собирались дополнительные сборы: межевой – 3 к., продовольственный и хозяйственный – по 6 к. каждый, на случаи пожаров – 4 к. Расходы на волостное содержание за период с 1818 по 1860 г. возросли в три раза (с 30 к. ассигнациями до 21 к. серебром)²⁸⁰.

Тем не менее, для крестьян Верхнего Прииртышья большим новшеством стали обязанности по вспомогательному обслуживанию заводов и рудников. Именно отработки вносили изменения в организацию социально-хозяйственной жизни. На первых порах обременительным был не объем отработок, а тяжесть бюрократических дисциплинирующих механизмов при выполнении данной повинности.

Учет отработок осуществлялся по квитанциям, подтверждавшим выполнение работы. Квитанции крестьяне должны были предъявить по возвращении с заводов или рудников. В случае утраты крестьянином квитанции выполненная и сданная им работа не засчитывалась. Учет квитанций по завершению отработок возлагался опять же на мирскую администрацию²⁸¹.

Как уже отмечалось, важным следствием близости деревень Верхнего Прииртышья к заводам и рудникам было то, что выгодное положение позволяло крестьянам наниматься в заводские работы не только за своих односельчан, но и за крестьян удаленных волостей. Баланс выгод от такой практики для крестьян

²⁷⁹ Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае... С. 22–23 ; Лукичев С. С. Государственные повинности приписных крестьян Колывано-Воскресенского горного округа в первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. I. С. 168–173.

²⁸⁰ Жеравина А. Н. Повинности приписных крестьян Западной Сибири во второй половине XVIII в. С. 36 ; Жидков Г. П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы... С. 216–217 ; Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае... С. 22–23.

²⁸¹ Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII в в 2-х ч. Ч. 1... С. 38, 54 ; Кароннов В. А. Законодательство отработок приписных Колывано-Воскресенского горного ведомства в XVIII в... С. 76–77.

южных и северных волостей был достигнут не сразу, а по мере того, как подобная практика была отражена горнозаводским начальством в своей системе учета и контроля, а также по мере формирования института посредников в этом деле. Для крестьян северных волостей сложность представляли не только сами отработки, но и длительный путь к заводам, принуждавший их надолго отвлекаться от своих собственных хозяйств. В делопроизводственной документации констатировалось, что вопрос найма вместо себя отработчиков был равносителен обеспечению поддержания благосостояния, а иногда и решению вопроса выживаемости крестьянской семьи²⁸².

До 1828 г. горная администрация ограничивала подряды: на одного подрядчика не должно было приходиться более трех душ заводской работы, а оплата за них не должна была превышать двойного размера заводской платы. Положением 1828 г. это ограничение было отменено. С этого времени наемщики могли отрабатывать за десятки и даже за сотни душ²⁸³. Горный устав 1757 г. подтверждал законность подрядной системы отработок, указывая, что крестьянин освобождается от заводских работ в том случае, если предоставил вместо себя другого крестьянина на основе вольного найма²⁸⁴. Горной администрации было важно, чтобы заводские повинности осуществлялись в установленных размерах, а сколько при этом крестьян реально приехало на заводы и рудники – не имело значения. Однако возможность получения выгоды от посредничества при наймах привела к спекуляциям и злоупотреблениям. Сами заводы не всегда получали достаточное число работников для осуществления необходимых операций. Так, в 1834 г. на отработки на Змеевский завод явилось слишком мало крестьян. В неотработке оказалось 1039 $\frac{1}{4}$ душ. В связи с этим заводская администрация просила Правление Колывано-Воскресенских заводов допустить вольную перевозку²⁸⁵.

²⁸² Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.)... С. 107–108.

²⁸³ Зобнин Н. М. Положение рабочих... С. 409 ; Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 58.

²⁸⁴ Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 20.

²⁸⁵ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8089. Л. 417–417(об.).

В целом введение Учреждения 1828 г., а также введенные ранее, в 1820-х гг. Окладные книги, стали свидетельством попыток Кабинета не просто управлять приписной деревней, но организовать такие взаимоотношения, которые привели бы к осознанию крестьянами своих выгод. Снабжение горного ведомства провиантом и фуражом, приобретшее форму рыночных отношений, сделало заводы монопольным торговым партнером приписной деревни. В свою очередь, Окладные книги, четко регламентировавшие статьи налогообложения крестьян, определяли виды хозяйственной деятельности приписной деревни, которые не могли оставаться исключительно в рамках теневой экономики и требовали учета в связи с необходимостью обслуживания заводов и рудников²⁸⁶.

Принятие одного Учреждения 1828 г. оказалось недостаточно, чтобы упорядочить и сбалансировать отработки северных и южных, бедных и богатых крестьян. В 30-х гг. в горнозаводском производстве начался кризис, связанный с падением цен на серебро. В административном плане Колывано-Воскресенские заводы в 1830-1855 гг. были переданы под управление Министерства финансов. В этот период Кабинетские округа превратились «из передовых промышленных районов в специфические центры застоя» и Министерству финансов предписывалось вывести их из этого состояния. Признаки кризиса появились до того, как заводы перешли под руководство Министерства финансов, и были связаны с исчерпанием возможностей расширения производства²⁸⁷.

В это время происходит перераспределение рудников по значимости: на первое место с 1830 г. выходит Зырянский рудник, ставший рудной базой Колывано-Воскресенских заводов, а бывший таковым ранее Змеевский признан исчерпанным²⁸⁸. В данных условиях заводская администрация вынуждена была уделять больше внимания взаимоотношениям с крестьянами, считаться с их

²⁸⁶ Толстов С. И. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX века : дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 70-71.

²⁸⁷ Ведерников В. В. Вопросы истории аренды кабинетских округов Сибири Министерством финансов в 1830–1855 гг. // Известия алтайского государственного университета. 2012. № 4–1 (76). С. 47.

²⁸⁸ Ведерников В. В. Вопросы истории аренды кабинетских округов Сибири Министерством финансов в 1830–1855 гг. ... С. 46.

нуждами при организации отработок — что, по сути, было выгодно самой заводской администрации, обнаружившей, что использование близко проживавших крестьян в заводских отработках осуществляется неэффективно.

Стали обращать внимание на положение мастеровых. В 1835 г. начальник Штаба Корпуса горных инженеров Чевкин отмечал, что положение их настолько стеснено, что подрывает благосостояние самих заводов, которые они обслуживают. Чевкин констатировал, что за период между 7 и 8 переписями (1816-1834 гг.) число алтайских мастеровых увеличилось на 5%, тогда как число заводских крестьян и мастеровых казенных и частных горных заводов увеличилось на 25%. Дошло до того, что в 1835 г. число умерших мастеровых превышало число родившихся в семьях людей этого сословия. Для улучшения положения были приняты меры, сводившиеся не к увеличению окладов, а к установлению «справедливых» льгот²⁸⁹. По принятому в 1836 г. «Положению о заводских людях Алтайских горных заводов», для мастеровых была установлена «задельная» плата, когда «сверх провианта» они получали в год по 32 руб. (плавильщики – по 36 руб). По истечении 30 лет «беспорочной» службы они либо уходили в отставку, либо получали полуторное жалование. С 1852 г. мастеровые получали отпуск после 25 лет «беспорочной» службы²⁹⁰.

По тому же Положению, урочники, которые в течение 30 лет исправно выполняли «уроки», увольнялись от службы, правда, без получения пенсии²⁹¹. С 1839 г., по распоряжению Алтайского горного правления, из задельной платы урочных служителей удерживалась десятая часть – для обеспечения фонда компенсации недоимок. Кроме того, при назначении в урочники действовала система поручительства – для предотвращения недоимок²⁹².

Действовавшая система найма отработчиков из крестьян южных волостей со временем приобретала характер спекулятивной деятельности. Сами крестьяне

²⁸⁹ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 50. Л. 31-32.

²⁹⁰ Ведерников В. В. Вопросы истории аренды кабинетских округов Сибири Министерством финансов в 1830–1855 гг. ... С. 50.

²⁹¹ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 50. Л. 36–42.

²⁹² ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 665. Л. 1–7.

северных волостей не контактировали непосредственно с крестьянами фронта. Организация найма осуществлялась через посредников, с которыми были связаны волостные писари. Как явствует из записки генерал-адъютанта Анненкова, результатом махинаций с подрядами стало то, что крестьяне северных волостей, на которых лежала обязанность отработать за две-три души, вынуждены были платить 80-100 рублей ассигнациями, а вместе с податями – 122-142 руб.²⁹³ Сами крестьяне также жаловались на злоупотребления. В частности, в 1852 г. крестьяне жаловались проезжавшему по горному ведомству генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорду на притеснения горных приставов, которые взыскивали при поставках руды за недовес и перевес, «выводя неправильно за отсырение руды во время пути». При этом за недовес взыскивалось 10-12 коп. серебром за пуд. Крестьяне д. Кабановой жаловались, что змеиногорское заводское начальство заставляет их при возке руд вывозить также навоз и другие нечистоты с завода, рудника и заводских конюшен²⁹⁴.

Обобщая эмпирический материал о состоянии трудовых ресурсов на заводах и рудниках, неотъемлемой частью которых были и крестьяне, следует отметить, что последние явственно осознавали экономические выгоды или невыгоды от передачи отработок в подряд с одной стороны, и найма в подряд – с другой. Более того, подрываясь отрабатывать повинности за других крестьян, подрядчики рассматривали найм как вид хозяйственной деятельности семейно-трудового крестьянского хозяйства, который также был подвержен рыночной конъюнктуре и служил элементом диверсификации сугубо сельскохозяйственной занятости крестьян.

Таким образом, отработка на заводах и рудниках за себя и по найму позволяла крестьянам Верхнего Прииртышья использовать потенциал экстенсивного развития своего хозяйства посредством расширения видов хозяйственной деятельности. С другой стороны, привлечение крестьян к

²⁹³ Статистическое обозрение Сибири / Сост. Ю. Гагемейстер. Спб., 1854. Ч. II. С. 399–403.

²⁹⁴ Письмо генерал-губернатора Западной Сибири горному начальнику Алтайских заводов Генгроссу. 27 октября 1857 г. // ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 1–1(об.).

отработкам становилось безусловным фактором успешного функционирования и развития горнозаводского производства. Наряду с прочим, данная хозяйственная связка крестьян и заводов и рудников являла собой интеграционный механизм взаимодействия деревни и горнозаводского ведомства.

В случаях, когда крестьяне оказывались не способны успешно интегрироваться в новую систему, они прибегали к различным способам саботажа и открытого протеста: неявка на отработки, самовольные переселения, нарушение запретов горного начальства на продажу хлеба за пределы округа, нарушение установленных правил о «покормежных» паспортах и торговых свидетельствах, оттягивание выплаты денежных податей (с целью дожидаться, что недоимки будут сняты) и, наконец, выступления и побег²⁹⁵. З.Г. Карпенко, отмечая распространенность побегов среди приписных крестьян и мастеровых, называла эту форму крестьянского протеста «повседневной»²⁹⁶. А Т.С. Мамсик указывала, что побег был способом борьбы не для всей массы крестьян и мастеровых, а лишь для беднейших из них²⁹⁷. Причинами побегов становились такие факторы, как: потребность уклониться от налогов, переписи, взимания недоимок, опасение наказания за недопоставку провианта и др. Основными причинами, вынуждавшими именно приписных крестьян бежать, были тяжесть заводских отработок и угроза оказаться в числе рекрутов. Крестьяне бежали как из своих деревень, так и с мест отработок на заводах и рудниках²⁹⁸.

Значительное влияние на распространение побегов в Верхнем Прииртышье оказывала религиозность крестьян, дававшая им необходимую мотивацию для побега. Бегство оправдывалось идеологией пустынножительства XIV–XVI вв., а также мотивировалось поисками лучшей доли, легендарных земель, где царят справедливость и благоденствие. При этом попытки властей бороться с побегими,

²⁹⁵ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение... С. 117.

²⁹⁶ Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах... С. 186.

²⁹⁷ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 51.

²⁹⁸ Мамсик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках» // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С.245–246 ; Ее же. Побег как социальное явление... С. 46–49.

имевшими под собой религиозную почву (реальную или мнимую) вызывали сочувствие к беглецам в крестьянской среде (особенно сострадали крестьянам-«пустынникам»²⁹⁹).

Среди разных групп крестьянства бегство было распространено в разной степени. Так, П.К. Алефиренко указывает, что бежала лишь незначительная часть помещичьих крестьян. Еще реже, чем помещичьи, бежали государственные и дворцовые крестьяне, что объяснялось наличием у них относительно широких возможностей отхода на заработки и вариантов торгово-промышленной деятельности. Уход из своих жилищ приписных крестьян контролировался строго, и даже уход на заработки или к родственникам в другую деревню мог рассматриваться как побег³⁰⁰.

Среди приписных крестьян распространены были не только единичные побег, но и уходы целых семей, отправлявшихся на поиски Беловодья. Постепенно распространение государственной власти, изменившиеся порядки и нарастающее недовольство бухтарминцев привели к тому, что Бухтарма и Уймон перестали считаться Беловодьем, его местоположение отодвинулось в сознании крестьян еще дальше за границы русского государства. В 1827 г. бухтарминцев перевели в состав оседлых инородцев, теперь они должны были выплачивать денежный оброк в размере 8 руб. с души. Однако неустойчивость хозяйств бухтарминских жителей, запрет на отлучки из поселений и сокращение промысловых угодий приводили к ухудшению положения крестьян. В итоге, в 1820-40-х гг. численность беглецов возрастает³⁰¹.

Как выяснили историки, первые сведения о более или менее массовых поисках Беловодья появились в официальных документах в 1825–26 гг. Первый коллективный побег состоялся в 1826 г., второй – в 1827–28 гг.³⁰² В 1826 г. бежал

²⁹⁹ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление... С. 186–187.

³⁰⁰ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России... С. 96, 289.

³⁰¹ Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 44.

³⁰² Мамсик Т. С. Беловодцы и Беловодье (По материалам следственного дела о побеге 1827-1828 гг.) // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода... С. 135 ; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. ... С. 288 ; Его же. Легенда о Беловодье... С.

41 приписной крестьянин из д. Солоновки Усть-Каменогорского округа. Целью их было достижение необитаемого места, где они могли бы поселиться и оказаться вне досягаемости властей. Впоследствии – после укрепления на новом месте – крестьяне собирались просить о переводе их в другое, яшашное, состояние. Подобное право получили в 1791–92 гг. бухтарминские крестьяне-«каменщики» (их стали называть «русскими яшашными»), вместе с правом свободного вероисповедания, самоуправления, освобождения от рекрутского набора. Таким образом, для приписных крестьян идеальным вариантом представлялась замена подушной подати на ясак и освобождение от рекрутчины. Свобода вероисповедания, безусловно, была важна для крестьян-старообрядцев. Статус яшашных воспринимался ими как более выгодный по сравнению со статусом приписных. Получение данного статуса было настолько заманчивым, что крестьяне шли на нарушение закона, бегство, которое сулило наказание в случае неудачи. В качестве места для заселения беглецы-солоновцы выбрали территорию близ урочища или оз. Ханас. Однако укрепиться на выбранном месте им не удалось – они были разысканы раньше, чем обжили его³⁰³.

В июле 1840 г. на поиски Беловодья за пределы Сибири ушла большая группа «русских инородцев» Бухтарминской волости, что можно связать с усилением контроля над ними и желанием крестьян искать лучшей доли. Для бухтарминских крестьян это был уже проверенный сценарий поиска земель, на которые российская власть не распространялась. В составе беглецов, помимо бывших «каменщиков», были приписные крестьяне той же Бухтарминской волости, а также крестьяне д. Солоновки Усть-Каменогорской волости. В целом

152 ; Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1898. Книжка XXV. С. 17–22.

³⁰³ Агапова И. И. Положение народных масс и классовая борьба на Сибирских горных предприятиях... С. 100 ; Карпенко З. Г. Борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян Западной Сибири против феодальной эксплуатации... С. 14–15 ; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 38–40 ; Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири... С. 179 ; Ее же. Новые материалы об алтайских «каменщиках»... с. 257–258.

количество беглецов достигло 118 человек обоего пола. Этот побег также носил семейно-клановый характер.³⁰⁴

Поиски Беловодья продолжались и в последующие годы. На поиски уходили крестьяне в 50-х, 60-х гг. и даже в 80-х и 90-х гг. XIX в.³⁰⁵ Применительно к проблеме интеграции крестьян Верхнего Прииртышья в Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ, тема Беловодья как катализатора протестных действий должна быть принята во внимание в связи с тем, что создавала в крестьянской среде альтернативную норму реакции на то принуждение, которому они подвергались после приписки. В рамках крестьяноведческих подходов неприемлемой эксплуатацией крестьян считается конкретно-историческое представление самих крестьян о пределах возможного принуждения по отношению к себе. Формирование представлений об уровне допустимой в отношении себя эксплуатации детерминировано не только и даже не столько экономическими факторами, сколько культурологическими. В отношении крестьян Верхнего Прииртышья данный тезис представлялся вполне очевидным. Крестьяне изучаемого региона, будучи носителями специфических идеологических убеждений, располагая пусть и иллюзией выбора своего будущего, критически более строго относились к оценке своего труда на заводах и рудниках.

Побеги и поиск новых возможностей обеспечения собственных хозяйств приводили к переселениям, за счет которых расширялась сеть поселений фронта. Переселения происходили вопреки противодействию горнозаводской администрации, заинтересованной в жестком закреплении крестьян за местами их первоначального проживания. Самовольные переселения мешали сбору податей, наряда крестьян на заводские работы, учету отработок трудовой повинности на заводах и рудниках. Поэтому горнозаводская администрация строго

³⁰⁴ Карпенко З. Г. Борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян Западной Сибири против феодальной эксплуатации... С. 19–20 ; Мамсик Т. С. Крестьянские движения в Сибири... С. 182–187.

³⁰⁵ Курсков Ю. В. Положение, классовая борьба, идеология и культура предпролетариата Сибири.. С. 49 ; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 44–45 ; Мамсик Т. С. Крестьянские движения в Сибири... С. 199–200.

регламентировала переселения: не выпускала приписных за пределы горного округа и не допускала расселения на его землях государственных крестьян. Благодаря самовольным переселениям внутри горного округа все-таки появлялись новые деревни, существование которых власти вынуждены были узаконивать³⁰⁶.

В XIX в. контроль над самовольными передвижениями крестьян усиливался. Обязанность по недопущению самовольных переселений лежала на представителях сельской администрации. О намерениях крестьян учинить побег или самовольно переселиться на новое место жительства надлежало немедленно сообщать заводской администрации.

Для легализации переселения крестьяне должны были заручиться согласием администрации: подать прошение и получить соответствующее разрешение. Для переселения требовалось согласие именно горной администрации – одного согласия земского управителя было недостаточно. Управители должны были ставить администрацию в известность о желающих переселиться крестьянах. Если же управитель принимал решение самостоятельно, без одобрения начальства, он также нес наказание (например, в виде удержания жалованья). Кроме всего прочего, с переселением должны были быть согласны односельчане.

В случае, если крестьяне переселялись, не дождавшись позволения, они считались переселившимися самовольно, беглыми, и после обнаружения их наказывали и могли водворить на места прежнего проживания, а новопостроенные дома разрушить. Проблема здесь заключалась в том, что крестьяне числились на прежнем месте проживания, где становились должниками, и повинности за них обязаны были нести односельчане. В 1836 г. вышло постановление горнозаводской администрации, согласно которому земские управители и волостные правления должны были предотвращать возможные переселения и препятствовать поиску крестьянами мест для переселения и устройству хозяйств на этих новых местах. Земским управителям были разосланы формы увольнительных и приемных подписок для

³⁰⁶ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... С. 211–212 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 271.

регламентации процедуры переселения. В увольнительной подписке записывались сведения о мужском составе семьи по данным последней ревизии. Эта информация вносилась в окладные книги по новому месту жительства (при этом, если со времени последней ревизии в семье оказывались умершие, их имена также вносились в окладные книги, и за них необходимо было выплачивать подати; то же самое происходило с податями за рекрутов). Главным условием приемной подписки было требование о предварительном получении права на переселение. Такое право давалось обычно в том случае, если на семейство при двух последующих наборах не выпадала рекрутская очередь. Попадание в очередь на поставку рекрутов было прямым препятствием для получения разрешения на переселение³⁰⁷.

В начале XIX в. рассматривался вопрос о возможности переселения крестьян на другие места жительства с тем, чтобы образовать там новые поселения. Согласно выписке по Крутоберезовской описи, изъявили желание к переселению 259, по Убинской – 202 души (судя по всему, учитывалось только мужское население, учитываемое при налогообложении, поэтому настоящее число переселенцев с точностью назвать нельзя)³⁰⁸. В Крутоберезовской волости разрешения на переселение просили жители крупнейших деревень – Зевакиной, Секисовской, Верхнеубинской. Из Зевакиной деревни изъявили желание переселиться 60 душ. Новое место, которое было ими подыскано для поселения, располагалось между форпостами Пьяноярским и Шульбинским, напротив Удальских островов «над Иртышем» по линейной дороге. 259 жителей деревни Секисовской определили для себя сразу несколько мест для переселения. 10 душ просили разрешения на поселение вверх по Иртышу в устье речки Нарымки, впадающей в Большой Нарым, или же по Бухтарминской дороге на речку Березовку, впадающую в Бухтарму. 69 душ желали переселиться вверх по р.

³⁰⁷ Жеравина А. Н. Очерки истории приписных крестьян... С. 180 ; Интеграция приписной деревни... С. 90–91.

³⁰⁸ Выписка ведения приписным к Колывановоскресенским заводам крестьянам просящим из разных волостей и деревень, на новые места переселения, в каком жительства их ныне от заводов и рудников, также и новые к переселению места вразъстоянии // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 51.

Бухтарме на берегах ее притоков, Таволжанки и Осиновки, также по Бухтарминской дороге. Следует отметить, что к этим переселенцам желали присоединиться 22 души из Верхнеубинской деревни. Еще 98 душ нашли себе место у речки Быструхи, на расстоянии 12 верст от деревни Секисовской (по дороге на Риддерский рудник). В Убинской волости желание переселиться изъявили жители Убинской, Екатерининской и Выдринской деревень. Убинцы (22 души) желали переселиться на новое место между форпостами Пьяноярским и Шульбинским, вверх по реке Шульбинке, в 20 верстах от ее устья у окраины Шульбинского бора. Место, выбранное для поселения, располагалось в 10 верстах от дороги на Локтевский завод. 48 душ из Екатерининской деревни выбрали себе место примерно в 40 верстах от Екатерининской деревни на речке Шипунихе недалеко от Семеновского рудника, а также в 10 верстах от Линейной и Змеевской дорог. Из д. Выдринской к переселению на новое место оказались готовы 132 души, которые обозначали себе для переселения место вверх по течению Бухтармы (по левому ее берегу), несколько ниже устья р. Тургусун, впадающей в Бухтарму с правой стороны, в 13 верстах от дороги к Зыряновскому руднику³⁰⁹. Для Колывано-Воскресенской администрации в данной ситуации было важно, чтобы крестьяне поселились на территориях, приближенных к тем или иным заводам и рудникам (см. Приложения К и Л). Кабинетским указом от 16 сентября 1801 г. было постановлено, что крестьяне Усть-Каменогорской и Убинской волостей, общим числом 228 душ, могут переселиться на предназначенные места³¹⁰.

Еще одним примером легитимизации самовольно образованного поселения является история д. Солоновки. В 1803 г. командующий войсками в пограничной полосе генерал-майор Лавров сообщил начальнику Колывано-Воскресенских заводов об обнаружении на р. Солоновке деревни, именуемой жителями Усть-Солоновской. Переселения на речку Солоновку начались еще в 1791 г. из

³⁰⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 51.

³¹⁰ Рапорт в кабинет Его Императорского Величества Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 25 октября 1801 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 106.

деревень Шелегиной, Чесноковой, Калистратихи. Согласия земских управителей на переселения получено не было. В том же году, по указанию канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, Бийское волостное правление провело проверку и составило поименные списки жителей д. Солоновки. Поскольку крестьяне на новом месте уже обзавелись хозяйством, существование деревни было признано официально. В 1804 г. солоновцы дали подписку в том, что не будут более принимать новых жителей, а само дальнейшее переселение в д. Солоновку было запрещено. Однако, несмотря на данные крестьянами обязательства и установленный запрет, переселения не прекратились³¹¹.

Но не всегда вопрос о переселении крестьян (внутри заводского ведомства) разрешался также спокойно. Горнозаводская администрация запрещала крестьянские переселения и постоянно ужесточала политику по отношению к фактам переселения: земским управителям вменялось в обязанность следить за переселениями, десятники несли ответственность не только за то, что отпускали крестьян на новые места жительства, но и за то, что позволяли пришлым крестьянам селиться на подведомственной им территории. За самовольные переселения предполагалось назначение штрафа – не только для самих беглецов, но и для тех, кто их приютил. Равно как наказание за самовольный уход для осуществления наемных работ грозил наказанием не только самому крестьянину, но и его нанимателю. Однако все эти меры, как уже отмечалось, не остановили переселений.

В 1805 г. Кабинет потребовал от канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства прекращения самовольных крестьянских переселений. В 1817 г. был издан новый указ Кабинета, согласно которому крестьяне должны были оставаться на тех местах жительства, на которых они были записаны по сказкам VII ревизии и ни под каким видом без особого дозволения не переселяться. В противном случае их ожидало не только водворение на прежние места проживания, но и штрафы. С крестьян взяли подписку, согласно которой они

³¹¹ Бояршинова З. Я. К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX века... С. 93–95.

обязуются не покидать мест проживания. В 1819 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства издала новый указ, согласно которому всех самовольно переселившихся крестьян надлежит вернуть на прежние места жительства, а от земских управителей требовалось регулярно подавать рапорты об отсутствии самовольных переселений. С «лучших» людей взяли подписку о том, что они будут следить за тем, чтобы никто из их деревень не переселялся самовольно (и не поселялся в ней без наличия соответствующего разрешения)³¹².

Тем не менее, и эти меры не смогли остановить переселений, которые во многом объяснялись наличием большого количества свободных земель, пригодных для обзаведения хозяйством. Данная причина (стремление найти большой земельный участок для хозяйства) заставлял сибирских крестьян из неприписанных волостей переселяться на земли горнозаводского ведомства. Но становиться приписными крестьяне при этом не желали.

Конечно же, проблема крестьянских миграций и образование новых населенных пунктов была характерна для всего горного округа, но для изучаемого региона данный исторический сюжет имеет особое значение. Регион, будучи фронтирным как в XVIII в., так и в первой половине XIX в., по-прежнему нуждался в заселении и хозяйственном освоении, чтобы окончательно закрепить государственную границу и обеспечить безопасность промышленной и сельскохозяйственной деятельности на территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Свидетельством того, что наряду с политикой, формально запрещающей самовольные переселения и закрепление на новых местах, в Верхнем Прииртышье де факто переселения иногда разрешались, является следующий исторический факт. Численность населения изучаемого региона возросла с 7453 р.д. в 1821-23 гг. до 13513 к 1858-1860 гг. Данная цифра занижена, так как по Убинской волости самые поздние известные данные

³¹² Бояршинова З. Я. К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX в. (по материалам дер. Солоновки Бийской волости Томской губернии) // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1964. Вып. 1. С. 92 ; Жеравина А. Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. По истории Кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) // Вестник Томск. гос. ун-та. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2005. № 289. С. 42 ; Ее же. Кабинетское хозяйство в Сибири... С. 222–225.

приходятся на 1844 г. В Усть-Каменогорской волости численность населения увеличилась с 1569 р.д. в 1799 г. до 2458 р.д. в 1860 г. В Крутоберезовской: с 1322 р.д. в 1798 г. до 5064 р.д. в 1860 г., при этом количество населенных пунктов увеличилось более чем вдвое: с 6 до 14 селений. В Убинской волости в 1798 г. значилось 1788 р.д., а в 1844 г. их было 3091 р.д. Число селений за это время увеличилось с 10 до 13. Наконец, в Бухтарминской волости в 1823 г. было 884 р.д., а в 1860 г. – уже 1858 р.д. (см. Приложение М). Примечательно, что тенденции колонизации региона в первой половине XIX в., несмотря на ужесточение регламентации жизни крестьян, не прекращались. В этой части был найден баланс интересов власти и крестьян.

В качестве резюме для данного параграфа отметим, что приписка породила новую социальную действительность в деревнях Верхнего Прииртышья. Горнозаводская администрация, формализуя уже налаженные взаимоотношения, унифицировала обязанности всех крестьян перед заводами, до приписки же крестьяне действовали исходя из возможностей и специализации собственного хозяйства. По-разному реагировали на новые правовые вызовы бедные, средние и богатые хозяйства. Уровень и характер имущественной дифференциации, устойчиво сложившийся к концу XVIII в., в процессе интеграции в горнозаводское ведомство в первой половине XIX в. неизбежно подвергался коррекции в зависимости от того, как крестьянские хозяйства адаптировались к благоприятным или неблагоприятным факторам среды. К примеру, фронтирное положение открывало перед крестьянами возможность выгодно использовать необходимость осуществлять отработки не только за себя, но и в рамках вольного найма. Часть крестьян, оказавшись в числе рекрутов, отказывалась от хозяйствования, превращаясь в заводских мастеровых или рудничных рабочих. Если же крестьяне не могли приспособиться к произошедшим изменениям, они стремились воспротивиться давлению администрации. Протесты осуществлялись в разных формах, в зависимости от степени давления и истинных целей протестующих. Одним из радикальных следствий такой неспособности смириться с новыми условиями существования в статусе приписных крестьян были побег.

Обусловленные социально-утопическими легендами, они превращались в некий поиск более справедливого жизнеустройства.

Выдержавшие смену условий, более способные к адаптации крестьяне приспособлялись, выстраивая свою хозяйственную деятельность таким образом, чтобы включить необходимость отработок в состав уже имеющихся в рамках привычного хозяйственного уклада видов работ. Нужды заводов и рудников оказывали влияние на хозяйственное развитие фронта в условиях интеграции в горнопромышленный комплекс. Происходившая трансформация влияла на изменения типов хозяйственной специализации крестьян в условиях фронта.

2.3. Хозяйственное развитие Верхнего Прииртышья в XIX в.

С начала XIX в. Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ представлял собой замкнутое социально-экономическое пространство. Это был «сформировавшийся хозяйственный комплекс с громадной территорией в 450 000 кв. км, четко выраженным размежеванием промышленного и аграрного направлений экономики, традиционно сложившимися экономическими связями и средствами сообщения»³¹³.

Приписной деревне необходимо было справиться с обязанностью обслуживать горно-металлургическое производство. Необходимость отработки на заводах и рудниках, поставки провианта и фуража, а также специфика природно-климатических условий предопределили процессы хозяйственно-территориальной специализации, обусловили типологическое развитие приписной деревни Верхнего Прииртышья. В первые два десятилетия XIX в. деревня фронта приспособлялась к условиям приписки. К моменту, когда горнозаводское начальство ввело в оборот такой документ, как окладные книги,

³¹³ Агапова Т. И. Внутритранспортная проблема кабинетского хозяйства в первой трети XIX в. ... С. 336.

можно говорить о том, что деревня в целом была устойчиво управляемой в режиме согласования интересов горно-металлургического производства и экономики приписной деревни.

К 20-м гг. XIX в. экономика деревни Верхне-Иртышского фронта выделялась своей специфичностью. Прежде всего, деревня фронта вступала в полосу динамических изменений типа массового комплексного самообеспечивающегося семейно-трудового хозяйства. Типологизацию крестьянского хозяйства кабинетских земель осуществил современный исследователь С.И. Толстов, на основе методики группировки различных элементов крестьянского хозяйства при наличии общих механизмов его функционирования. Данная типологизация нашла отражение в диссертационном исследовании, а также в ряде публикаций автора. С.И. Толстов, вслед за организационно-производственной школой крестьянского хозяйства, дает следующее определение типа крестьянского хозяйства: «Под типом сельскохозяйственного производства надо понимать организационный строй массового хозяйства, среднее состояние некоторой реальной совокупности хозяйств, объединенных в понятие типа по ряду важнейших организационных признаков, к которым в первую очередь я отношу сочетание производственных элементов и сочетание производительных сельскохозяйственных отраслей»³¹⁴.

Он выделил два типа устойчивой специализации: земледельческо-скотоводческий и скотоводческо-земледельческий. Оба эти типа включают весь комплекс элементов крестьянского хозяйства, и определяются по превалированию одной из основных отраслей. Для выделения исследователем районов с преобладанием того или иного типа хозяйствования были отобраны следующие признаки, характеризующие базовое состояние крестьянского хозяйства: число ревизских душ, норма посева (в десятинах), количество лошадей, крупного рогатого скота, овец и ульев³¹⁵.

³¹⁴ Студенский Г. А. Проблемы экономики и географии сельского хозяйства. М., 1927. С. 25. Цит. по.: Толстов С. И. Крестьянское хозяйство Алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. ... С. 107.

³¹⁵ Толстов С. И. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Алтайской приписной деревни в 20-50-е гг. XIX в. (опыт классификации крестьянских хозяйств методами

При этом базовой отраслью в комплексном крестьянском хозяйстве оставалось хлебопашество, организованное с учетом природно-климатических особенностей региона. В случае фронта это было сочетание исключительно благоприятных условий (по сравнению с другими регионами Западной Сибири). При условии отсутствия нехватки земли хлебопашество развивалось экстенсивно.

К 1825 г. для Верхнего Прииртышья было характерно два типа хозяйственной деятельности: для Убинской и Бухтарминской волостей был свойственен устойчивый земледельческий тип, тогда как Крутоберезовская и Усть-Каменогорская тяготели к скотоводческому типу. При этом следует отметить, что обеспеченность жителей той или иной волости плодородными землями не стала решающим фактором указанной дифференциации. Так, в Убинской волости было сравнительно мало пригодных для пашни земель, а Усть-Каменогорская отличалась значительно меньшими сенокосными угодьями по сравнению с Убинской и Крутоберезовской волостями. То есть, к XIX в. в деревнях Верхнего Прииртышья крестьянское хозяйство отличалось многоаспектностью и включало в себя дополнительные элементы, помимо базовых хлебопашества и скотоводства. Изменения, происходившие в крестьянском хозяйстве в течение XIX в., когда преобладающим фактором стала приписка к заводам, привели к тому, что к 1851 г. все четыре волости Верхнего Прииртышья консолидировались в рамках земледельческого типа хозяйствования³¹⁶.

Следует отметить, что изучаемый регион располагался в стороне от основной зоны распространения земледельческого типа хозяйственной деятельности, выделенной С.И. Толстовым. В эту зону включались волости, располагавшиеся ближе к северной границе горного округа. Посредством кластерного анализа автор выявил, что Убинская и Усть-Каменогорская волости представляли собой самостоятельный центр в рамках данного типа хозяйства.

многомерной статистики) // Вопросы отечественной истории. Томск, 2006. С. 7; Его же. Крестьянское хозяйство Алтайской приписной деревни в 20-50-е гг. XIX в. ... С. 99.

³¹⁶ Толстов С. И. Крестьянское хозяйство Алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. ... С. 110.

Выделение их как центра основывается на достаточной близости волостей по хозяйственным показателям. Можно предположить, что и две оставшиеся волости фронта также тяготели к этому центру, хоть и отличались по совокупности хозяйственных условий вследствие неоднородности, которую предопределяло развитие традиционных промыслов и подрядных отношений, которые также составляли своеобразный комплекс крестьянского хозяйства фронта.

Таким образом, несмотря на то, что скотоводческий тип определяется как более сбалансированный и ориентированный на товарность, в условиях фронта в приписной деревне отмечается «обратное движение» двух из четырех волостей: Усть-Каменогорская и Крутоберезовская волости «вернулись» к земледельческому типу хозяйствования³¹⁷. Хлебопашество оставалось важной отраслью, поощряемой заводской администрацией (за счет нее заводы и рудники обеспечивались хлебом). У, казалось бы, парадоксальной с точки зрения теории экономического детерминизма, нивелирующей трансформации экономики деревни Верхнего Прииртышья есть простые объяснения, если внимательно рассмотреть условия развития деревни и сам его процесс.

До второй половины XIX в. способы землепользования оставались неизменными, крестьяне не применяли удобрения для улучшения плодородия почв. Повсеместное распространение имели переложная и залежно-паровая системы земледелия: при истощении почв (что происходило в течение 7–8 лет пользования земельным участком), в условиях сибирских просторов, крестьяне предпочитали выбрать новый участок земли под распашку, нежели заниматься искусственным поддержанием плодородности. На естественное же восстановление почвы, как отмечалось, уходили десятилетия³¹⁸.

Основным пахотным орудием была соха. В южной части горного округа применялась так называемая «колесуха» – соха с двумя (или одним) железными

³¹⁷ Толстов С. И. Крестьянское хозяйство Алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. ... С. 110–118.

³¹⁸ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья... С. 188 ; Об экономическом положении приписной деревни Колываново-Воскресенского (Алтайского) горного округа в конце XVIII – первой половине XIX вв. Кемерово, 1992. С. 65–66 ; Крестьянство Сибири в период феодализма... С. 268.

сошниками, деревянным отвалом, корпусом, гредилом и передком на двух колесах. В такую соху впрягали от двух до четырех лошадей. За день на ней можно было вспахать 5–10 загонов по 200 саженой. При помощи «колесухи» приподнимался и перевертывался лишь верхний слой земли. А поскольку в Прииртышье чернозем во многих местах лежал тонким слоем, мелкая вспашка способствовала быстрому истощению почв.³¹⁹

В конце XVIII в. преобладающей сельскохозяйственной культурой была рожь, распространены были также пшеница и овес. В XIX в. постепенно возобладало выращивание пшеницы: к середине XIX в. посевы яровой пшеницы и овса в 3–4 раза превышали посевы озимых. В 1828 г. в Усть-Каменогорском округе посевов озимых насчитывалось 1261 четв., а яровых – 5972 четв., то есть, в 4,7 раз больше. В 1834 г. эта разница сократилась почти вдвое: на 1810 четв. посевов озимых культур приходилось 4312 четв. посевов яровых; то есть в 2,3 больше. Посевы озимых давали больший урожай, нежели посевы яровых: так, в 1828 г. урожай озимых был сам-три, а яровых – сам-два; в 1834 г.: яровых – сам-четыре, озимых – сам-пять³²⁰.

В Сибири выращивали пшеницу трех разновидностей: русскую, калмыцкую и китайскую. Калмыцкая и китайская пшеницы были «испытаны» сначала под Семипалатинском, а с 1820 г. стали выращиваться повсеместно. В горном округе в целом и в верховьях Иртыша в частности сеяли рожь, ярицу, гречу, просо, выращивали полбу, овес, ячмень. Огородные культуры также отличались разнообразием; огороды были практически на каждом крестьянском дворе³²¹.

³¹⁹ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья... С. 188 ; Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни... С. 45, 61 ; Лукичев С. С. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963. С. 382 ; Обзор Томской губернии за 1881 год : Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск, 1882. С. 1.

³²⁰ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья... С. 186.

³²¹ Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни... С. 53, 61 ; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в... С. 147–148 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 268; Кулибин А. И. Описание Колывано-Воскресенских заводов... С. 108, 111 ; Описание Колывановоскресенских заводов до 1833 года... Ч. I, кн. 1. С. 170 ; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 187.

С 40-х гг. XIX в. горное начальство уделяло пристальное внимание выращиванию крестьянами картофеля. Земским управителям вменялось в обязанность (через сельскую администрацию) прививать крестьянам желание разводить картофель. В Горное Правление должны были поступать ведомости со сведениями о тех, кто занялся посадкой картофеля – с целью дальнейшего использования в пищу, в качестве корма для скота или для иных нужд. Таким образом, горная администрация желала отследить возможную пользу от разведения картофеля в комплексном крестьянском хозяйстве, а способы использования его отдавались на откуп самим крестьянам. При этом Горному Правлению было важно, чтобы распространялся опыт получения богатых урожаев или наиболее эффективного использования картофеля³²².

Разнообразие выращивавшихся к середине XIX в. крестьянами Верх-Иртышских волостей сельскохозяйственных культур представлено в Приложении Н. По данным 1847 г., набор земледельческих культур практически не изменился, но внутри региона имела место некоторая специализация: к примеру, полбу выращивали только крестьяне Убинской и Крутоберезовской волостей, гречиху – только жители Крутуберезовской волости.

Урожайность в Верх-Иртышских волостях в разные годы серьезно колебалась, что обуславливалось климатическими условиями. Неурожаи могли быть следствием летних засух или, напротив, ранних заморозков, инея, выдувания озимых посевов. Случалось, урожай выбивало градом. Непогода была частным явлением для изучаемой территории. Так, в 1843 г. по вине инея и града в июле и августе погибло 3628 дес. ярового хлеба. В 1844 г. в Бухтарминской волости длительно не сходивший снег и проливные дожди привели к тому, что летом «без возврата» погибло 53,5 дес. озимого хлеба, а осенью, также из-за проливных дождей и троекратного объема выпавших снегов, «изгибло в кладах» 330,5 дес. яровых хлебов³²³. В течение лета 1847 г. град, заморозки и сильный ветер

³²² ГААК. Ф.18. Оп.1. Д.46. Л. 43.

³²³ Жилина Т. Н. Западная Сибирь в Малый ледниковый период (1550–1850 гг.) : природа и русская колонизация. Томск, 2009. С. 125–126.

неоднократно приводили к потерям посевов. В 30-х числах мая градом выбило 125 дес. озимого и ярового хлеба в д. Зевакиной Усть-Каменогорской волости. Из указанного числа 59 дес. приходилось на посевы озимого хлеба, 13 – на посевы ячменя и 33 – на посевы овса. 3 июня того же года град повредил посевы на некоторых полях Бухтарминской волости, из которых: озимого хлеба 81 $\frac{1}{2}$ десятин, ярового: ярицы – 14 $\frac{1}{2}$, пшеницы – 45, кроме того пострадали посевы овса – 41, ячменя – 26, проса – 7 $\frac{1}{4}$, гороха – 6 $\frac{1}{4}$ дес. Всего в Бухтарминской волости было уничтожено 221 $\frac{1}{2}$ десятин посевов. В следующий раз градом посевы выбило на полях Убинской (210 дес.) и Усть-Каменогорской (57 дес.) волостей в период с 15 июня по 1 июля; в Бухтарминской волости в это время из-за сильного ветра полегли озимые хлеба, а яровые начали желтеть. До 15 июля по Убинской волости от града пострадало 265 $\frac{1}{2}$ дес. озимого и 519 дес. ярового хлеба, в период с 15 по 22 июля общее количество десятин поврежденного урожая достигло 882 дес. Из 3530 дес. посевов озимого хлеба неповрежденными остались 3224 $\frac{1}{2}$ дес. (итого пострадало около 8,65% хлеба). Ярового хлеба в волости было засеяно 8947 $\frac{1}{2}$ дес. В июле 1847 г. из этого числа повреждена оказалась 8371 дес. Таким образом, пострадало 6,44% ярового хлеба. В первую неделю августа в Бухтарминской волости погода оказалась благоприятной для жатвы озимого хлеба, а вот яровые хлеба из-за предшествующей непогоды и дождей вылегли. По донесению земского управителя, в начале августа в некоторых селениях Бухтарминской волости выбило градом 198 $\frac{1}{2}$ дес. Посевов. Еще через неделю у жителей деревни Александровской Бухтарминской волости градом выбило 13 $\frac{1}{2}$ озимого хлеба, ярицы – 10 $\frac{1}{2}$, пшеницы – 5 $\frac{3}{4}$, ячменя – 6 $\frac{1}{2}$, овса – 14 $\frac{1}{2}$, гороха – 3 $\frac{1}{2}$, проса – 1 $\frac{1}{4}$, то есть всего – 51 $\frac{1}{2}$ десятин. Наконец, в период с 15 по 22 августа у жителей деревни Кондратьевской Бухтарминской волости выбило градом: ржи – 30 дес., ярицы – 22 дес., а всего пострадали 52 дес. урожая³²⁴.

Принадлежность Верх-Иртышских деревень к фронтиру обогащала хозяйственную практику русских крестьян опытом борьбы казахов с засухами при

³²⁴ ГАТО Ф. 3. Оп. 4. Д. 125.Л. 22–132.

помощи искусственного орошения. Но существенных результатов этот опыт не приносил из-за того, что в изучаемый период еще не удалось наладить эффективную систему полива³²⁵.

Неурожаи влияли на цену хлеба. Так, в 1811-1814 гг. в Сибири из-за неурожая цены на хлеб выросли до 2, а в Змеиногорске – до 3 руб. за пуд по сравнению с прежней стоимостью в 10-12 коп. В этих условиях Канцелярия приняла решение об изъятии хлеба из всех сельских запасных магазинов, что лишило крестьян хлебных резервов³²⁶.

Изначальное тяготение Убинской и Бухтарминской волостей к земледельческому типу хозяйствования сказывалось на неравномерности развития хлебопашества в волостях Верхнего Прииртышья.

Самые ранние сведения, которыми располагает автор относительно хлебопашества в деревнях указанных волостей, относятся к 1798 г. (год приписки к заводам). Отрасль еще не испытывала на себе корректирующего воздействия приписки, то есть можно говорить о том, что это некий эталонный (базовый) уровень развития хлебопашества без угнетающего или стимулирующего действия приписки.

В Усть-Каменогорской волости в 1798 г. было засеяно 8348,25 дес. земли. Число жителей волости в 1798 г. составляло 1596 р.д. Соответственно, на одну р.д. приходилось 5,2 дес. К 1825 г. (эти данные приведены в работе К.Ф. Ледебура), уже после приписки к заводам, мы видим катастрофическое снижение показателей развития хлебопашества в волости: на 1351 р.д. приходилось 2272 дес. посевов, при сокращении числа жителей на 245 р.д. или на 15,4%, площадь засеянных земель уменьшилась на 72,8 %. За 27 лет, в течение которых крестьяне находились в новом статусе приписных, хлебопашество в Усть-Каменогорской волости сократилось почти в 4 раза. Доприписочных показателей не удалось достичь даже к 1860 г., когда на 2457 р.д. приходилось 7347 дес. посевов. И если в 1798 г. на одну р.д. приходилось в среднем по 5,2 дес.,

³²⁵ Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья... С. 187.

³²⁶ Малолетко А. М. Воинство Алтайского горного округа... С. 73.

то в 1860 г. – только по 3 дес. В Крутоберезовской волости в 1798 г. на одну р.д. приходилось в среднем по 4,7 дес. посевов. В 1825 г. этот показатель снизился до 1,7 дес., то есть почти в три раза. К 1860 г. в среднем на одну р.д. по волости приходилось 2,3 дес. посевов. Лучше показатели были только в Убинской волости. Здесь в 1798 г. на одну р.д. приходилось в среднем 4,1 дес. посевов. В 1825 г. этот показатель снизился до 3,2 дес., а к 1860 г. составлял 3,4 дес. на одну р.д. (см. Приложение П)

На рисунке 1 видно, каким образом менялись показатели развития хлебопашества на протяжении 1798-1860 гг. В Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостях с конца XVIII в. до 1825 г. заметен спад в развитии хлебопашества. С 1825 г. в обеих волостях намечается рост показателей, свидетельствующий о развитии отрасли в рамках изменившихся условий. Однако если данные по Крутоберезовской волости свидетельствуют, что с середины 40-х гг. произошел подъем в развитии хлебопашества, который остановился в 50-х гг. и с этого времени спадов уже не происходило, то для Усть-Каменогорской волости неравномерность характерна вплоть до реформы 1861 г. Для Убинской волости характерным отличием является то, что здесь не было такого заметного спада, как у двух рассмотренных выше волостей, неустойчивость развития отрасли была преодолена уже к 30-м гг., а с середины 40-х гг. показатели стали расти. Поскольку данные по волости за 50-60-е гг. отсутствуют, можно лишь предположить дальнейшее развитие волости. Если Убинская волость, изначально относившаяся к земледельческому типу хозяйствования, быстрее преодолела несбалансированность в развитии хлебопашества под воздействием изменившихся условий, то для Бухтарминской волости был характерен спад показателей. Однако неуклонность этого процесса также относительна, ввиду ограниченности данных, которыми располагает автор.

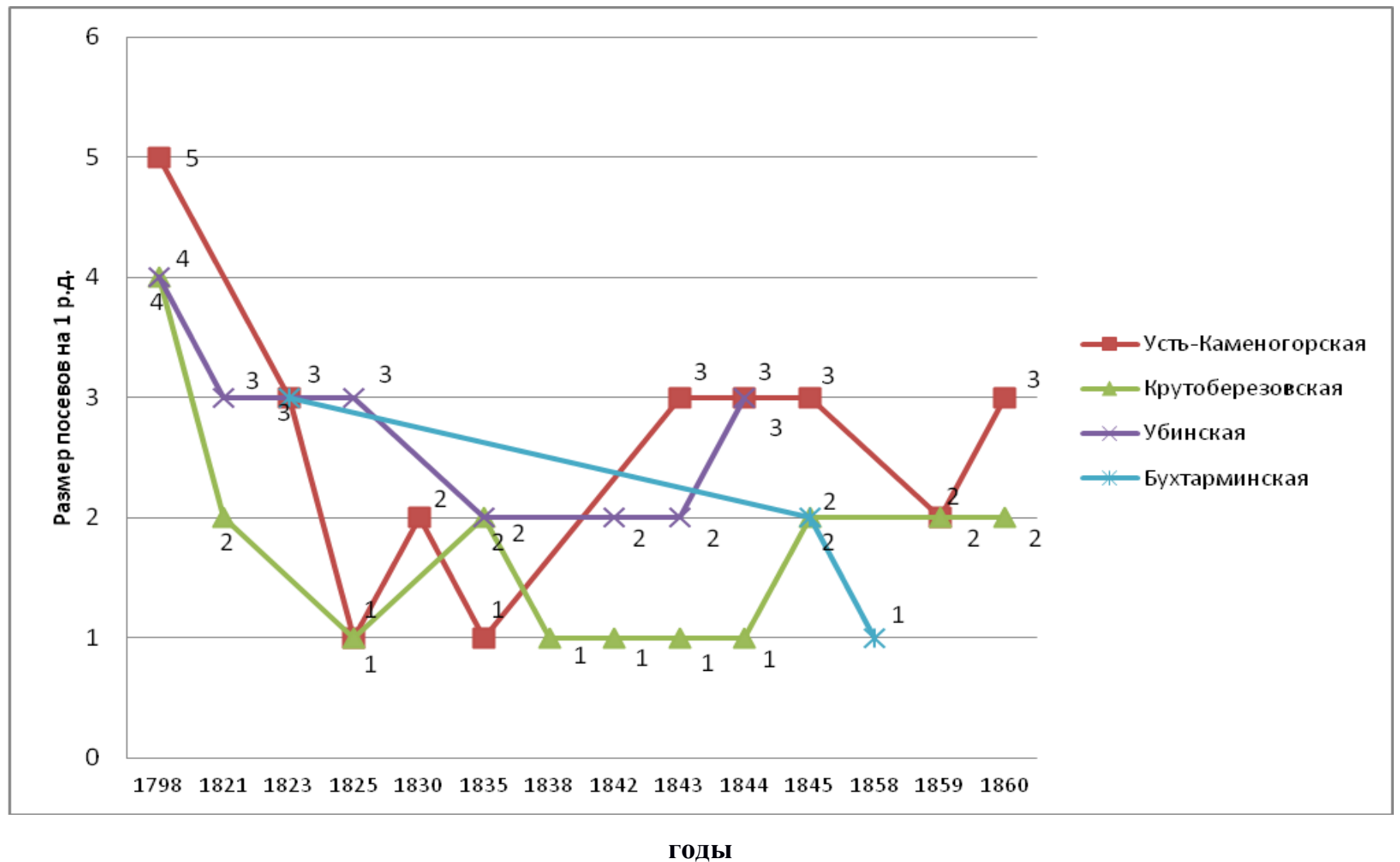

Рисунок 1 – Развитие хлебопашества в Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостях в 1798–1860 гг.

Одним из следствий включения Верхнего Прииртышья в горный округ стало то, что с этого момента хозяйственная деятельность крестьян жестко регламентировалась: горнозаводское начальство было крайне заинтересовано в успешном функционировании крестьянских хозяйств, т.к. от этого зависела обеспеченность продовольствием заводов и рудников. Развитие хлебопашества как отрасли становилось условием развития горно-металлургического производства как такового. Рынок хлеба также был жестко регулируемым. Крестьяне Верхнего Прииртышья столкнулись с практикой установления предельных цен на сельскохозяйственную продукцию и вынуждены были считаться с проводимой горнозаводской администрацией политикой монополии. Земским управителям вменялось в обязанность заведовать поставками хлеба на заводы и рудники. Отработки, нормы поставки соответствующим образом распределялись на всех крестьян. Как следствие – деревня входила в полосу перераспределения сложившихся практик хлебопашества в социальных и территориальных рамках.

Для крестьян северных волостей проблема поставок продовольствия (так же, как и в случаях с заводскими отработками) создавала значительные затруднения из-за необходимости преодолевать большие расстояния. Сложность заключалась не в том, что закупочные цены были ниже, чем рыночные, а в том, что сама доставка продовольствия обходилась крестьянам в несколько раз дороже, чем стоимость хлеба на рынке³²⁷. Однако для южных крестьян в целом и в первую очередь для крестьян Верхнего Прииртышья расстояние не являлось проблемой. Поэтому именно южные волости были основными поставщиками продуктов на заводы. Об этом приоритетном положении южных волостей писал в своем заключении горный начальник Соколовский в 1852 г.³²⁸ Заводское начальство запрещало приписным крестьянам продавать продовольствие и фураж за пределы округа и даже военному и губернскому ведомству без получения предварительного разрешения. Несмотря на это, как отмечал Соколовский,

³²⁷ Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае... С. 26–27.

³²⁸ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 54.

крестьяне южных волостей были также основными поставщиками хлеба и в военные магазины, расположенные по Иртышской линии ³²⁹. Безусловно, это была вынужденная мера, так как поставки хлеба обеспечивали пропитание всем заводским рабочим. В то же время, важность хлебных поставок понуждала заводскую администрацию стимулировать земледелие.

Конечно же, практика поставок хлеба на заводы и рудники была разнообразна и порой порождала коллизии во взаимоотношениях крестьян и заводского начальства. В 1827 г. контора Змеиногорский рудников обращалась к Чарышскому земскому управителю с требованием запретить крестьянам Убинской и Колыванской волостей, расположенных недалеко от Змеиногорского рудника, продавать хлеб и «прочие жизненные припасы» закупщикам, не связанным с заводами. Жалоба была основана на том, что крестьяне Боровлянской волости, подрядившиеся в Павловской конторе поставить в казну Змеиногорского магазина муку и овес, привезли не свои продукты, а закупленные в деревнях Екатерининской и Староалейской. В то время как крестьяне, жившие в окрестностях рудника, жаловались, что вынуждены продавать излишки по низким ценам, тогда как работы наемщиков остаются дорогими. Контора не получила удовлетворения своего требования, поскольку императорским указом от 1813 г. было запрещено препятствовать крестьянской промышленности и торговле ³³⁰.

Однако, в 1857 г., в иных политэкономических реалиях, вопрос спекулятивной закупки у крестьян хлеба по низким ценам получил другое решение. Земским управителям было поручено способствовать развитию хлебопашества у крестьян, а также ограждать их от деятельности спекулянтов. Проблема стояла остро, потому что спекулянты покупали не только излишки, но и договаривались о продаже хлеба еще до получения крестьянами урожая. В случаях, когда урожай оказывался не таким богатым, крестьянам приходилось отдавать покупателю его целиком, и для собственного пропитания самим

³²⁹ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 54; Вилков О. Н. Рабочие кадры Колывано-Воскресенских заводов в XVIII – первой четверти XIX вв. ...С. 29.

³³⁰ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3714. Л. 107–110(об.).

покупать хлеб или брать займы у зажиточных крестьян на невыгодных условиях³³¹.

Переориентация заводских отработок в 30-50-х гг., осознание заводской администрацией факта негативных последствий несбалансированности заводских отработок, когда крестьяне северных волостей, отвлекаясь на длительный срок, лишались возможности заниматься хлебопашеством в должной мере и пополнять хлебозапасные магазины, привели к поиску новых решений. Наиболее приемлемым виделся вариант выстраивания рыночных отношений с деревнями, близко расположенными к заводам и рудникам. Не случайно в этот период происходит возврат волостей фронта к старому земледельческому типу хозяйствования.

Не менее важной отраслью горного округа, гарантирующей продовольственную безопасность горнозаводского комплекса, было скотоводство. Оно, главным образом, включало разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

Наиболее распространенной породой лошадей была сибирская – невысокая, но сильная и выносливая; эта порода была известна не только в Сибири, но и на Урале. По свидетельству И. Завалишина, лошади, которых разводили в южной части Иртыша, мало чем отличались от киргизской породы и даже зимой питались подножным кормом³³². В целом в Сибири в конце XVIII – XIX в. удельный вес количества лошадей составлял до половины всех видов домашних животных в крестьянских хозяйствах³³³. По данным П.А. Голубева, в 1832 г. у русского населения по всему Алтайскому горному округу насчитывалось 220 тыс. лошадей. В среднем по округу на каждый двор приходилось по 5,5 лошадей, а на каждую наличную душу (обоего пола) – по 0,94 лошади³³⁴.

³³¹ Постановление Алтайского горного правления о принятии мер к усилению хлебопашества между приписными к Алтайским заводам крестьянами // ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1497. Л. 15–16.

³³² Алтай... С. 65 ; Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2... С. 64 ; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 269.

³³³ Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни... С. 74.

³³⁴ Алтай... С. 67.

В южных волостях в лошадях нуждались все социальные категории крестьян: они необходимы были и для отработки заводских повинностей, и для осуществления подрядной деятельности; кроме того, имела значение и относительная простота разведения лошадей в изучаемом регионе: лошади могли круглый год быть на подножном корму. Лошадь стала неременным атрибутом фронта в процессе колонизации региона в XVIII в.

Г.П. Жидков выделяет из общего числа крестьянских хозяйств Усть-Каменогорской, Бухтарминской и Убинской волостей в 1841-1843 гг. следующие группы: 687 хозяйств, в которых было от 1 до 5 лошадей, 752 хозяйства, имевших от 6 до 10 лошадей, 228 хозяйств – от 11 до 15 лошадей, 112 хозяйств – от 16 до 20 лошадей и 103 хозяйства, в которых имелось более 20 лошадей. При этом в целом на 687 беднейших хозяйств приходилось 2406 лошадей, а на самые богатые 103 хозяйства – 3126 лошадей³³⁵.

Численность лошадей колебалась в разные периоды времени. Так, в Крутоберезовской волости больше всего лошадей было в деревнях Верх-Убинской, Бобровской, Секисовской, Ульбинской. В Усть-Каменогорской волости в 40-х гг. XVIII в. значительное количество лошадей разводили в деревнях: Шемонаихе, Новошуйбинской, Старо-Алейской, Убинской. В большинстве этих деревень лошадей было больше 1000. При этом в д. Новошуйбинской, например, в 1841-1843 гг. насчитывалось 1093–1123 лошади на 154 жителя.

Восьмидесятилетний житель д. Верх-Убинской Тихон Иванов Шкодин, который был среди крестьян, подписавших в 1798 г. просьбу об отсрочке приписки, к 1838 г. имел 18 лошадей, его старший сын Сидор – 17. Другой верхубинский крестьянин, Александр Митрофанов, также выступивший в 1798 г. за отсрочку приписки, в 1838 г. владел 11 лошадьми. В среднем же в указанном году показатель обеспеченности лошадьми на двор в д. Верх-Убинской составлял 9,53. К началу 40-х гг. XVIII в. Александр Митрофанов умер, и дворохозяином

³³⁵ Жидков Г. П. О наемном труде на Алтайских заводах в XVIII – первой половине XIX вв. ... С. 224.

стал его старший сын Семен. В 1742 г. у него было 10 лошадей, в 1843 г. – 12. У Тихона Шкодина в 1742 г. количество лошадей снизилось до 15, у его сына Сидора – до 10; однако к этому времени старший сын Сидора Клим отделился от семьи и завел собственный двор, на котором было 7 лошадей³³⁶.

Следует отметить, что общее количество лошадей в рассматриваемых волостях уменьшилось в начале 1840-х гг. (так же, как и поголовье скота). Так, в Крутоберезовской волости в 1825 г. насчитывалось 6930 лошадей, в 1838 г. их число возросло до 7876, а в 1842-1844 гг. не превышало 5874. Следует учитывать, что в 1825 г. число жителей волости составляло 2243 чел., тогда как в 1838 г. количество жителей выросло до 3327 чел., поэтому, при увеличении поголовья лошадей в волости в эти годы, наблюдается уменьшение среднего показателя обеспеченности лошадьми на одну р.д.: с 3,09 в 1825 г. до 2,37 в 1838 г. (см. Приложение Р).

В Усть-Каменогорской волости большее количество лошадей содержалось в деревнях Прапорщиковой, Глубокой, Красноярской. Количество лошадей в д. Глубокой возросло с 759 лошадей в 1841 г. до 1615 лошадей в 1860 г. То же самое мы видим и в д. Красноярской: здесь в 1841 г. также насчитывалось 759 лошадей, а в 1860 г. их было уже 1826.

Однако не во всех деревнях дела шли так же успешно. В 1841 г. в д. Прапорщиковой насчитывалось 658 лошадей, в 1843–45 г. их количество возросло с 1065 до 1880 голов. Однако к 1860 г. их количество составило 896 голов, то есть, наметился существенный спад: поголовье лошадей в деревне сократилось вдвое.

Общее количество лошадей в рассматриваемых волостях уменьшилось в начале 1840-х гг. (так же, как и поголовье скота). Так, в Крутоберезовской волости в 1825 г. насчитывалось 6930 лошадей, в 1838 г. их число возросло до 7876, а в 1842-1844 гг. не превышало 5874 лошадей. Следует учитывать, что в 1825 г. число жителей волости составляло 2243 человека, тогда как в 1838 г. эта цифра увеличилась до 3327 человек, поэтому, при росте числа лошадей в волости

³³⁶ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122. С. 5(об.)–6, 16(об.)–17 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. С. 6(об.)–7 ; 19(об.)–20 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 179. С. 17(об.)–18.

в эти годы наблюдается снижение среднего показателя обеспеченности лошадьми на одну р.д.: с 3,09 в 1825 г. до 2,37 в 1838 г. (см. Приложение С).

Для Убинской волости характерен рост численности лошадей. Так, в 1825 г. их насчитывалось по волости 7936 голов, в 1830 – 7476, а в 1844 г. – 9136. Но и здесь происходило сокращение среднего показателя обеспеченности лошадьми на ревизскую душу и крестьянский двор. В 1842 г. число жителей возросло до 3091, и средний показатель обеспеченности сократился до 2,87 лошадей на одну р.д. (см. Таблицу 1, Приложения Р и С). То есть, можно говорить о том, что рост поголовья лошадей не был соразмерен увеличению численности крестьянских хозяйств.

Таблица 1 – Разведение лошадей в Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостях в 1825–1860 гг.³³⁷

Название волости	Количество лошадей											
	1825		1830		1842		1843		1844		1860	
	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.
Крутоберезовская	6930	3,09	н/д		5626	1,69	5874	1,76	5795	1,73	11905	2,35
Усть-Каменогорская	4393	3,25	4444	3,46	н/д		4493	2,59	5309	3,06	6097	2,48
Убинская	7936	3,61	7476	3,43	8883	2,87	9031	2,92	9136	2,96	н/д	

Делая предварительное обобщение, равно как и предваряя последующие материалы об опыте разведения лошадей в изучаемом регионе, вполне логичными и уместными представляется ряд умозаключений. Прежде всего, факт приписки предопределил серьезные структурные изменения в такой отрасли, как

³³⁷РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 21–90(об.).

коневодство. Значимость лошади в крестьянском хозяйстве возросла: лошадь использовалась как средство выполнения конных отработок (что более характерно для первых десятилетий адаптации к новым условиям) и как элемент специализации на отработочных подрядах (в предреформенные десятилетия). Специализация на отработочных подрядах происходила на уровне деревень. Деревня была не просто совокупностью крестьянских хозяйств, она была производственной единицей, способной поставлять лошадей для различных отраслей, а лошадь становилась значимым средством производства. Падение показателей средней обеспеченности лошадьми стало значимым для осуществления отработок для специализированных групп крестьян (в том числе, деревень).

Фронтирный характер волостей Верхнего Прииртышья продолжал отражаться на коневодстве: оказывало влияние соседство с кочевыми племенами, казаками и киргизами, которые проживали как на внешнем, так и на внутреннем фронтире. Казахи были конкурентами в обеспечении военных линий лошадьми, и это заставляло крестьян стараться преуспеть в этой области. По-видимому, конкуренция способствовала сосредоточению усилий крестьян на разведении лошадей для обслуживания горно-металлургического производства. Кочевники же представляли угрозу, поскольку занимались конокрадством, и это было серьезной проблемой для крестьян во время осуществления перевозок руд при отработке заводских повинностей: «...весьма значительное год от году увеличивающееся число киргиз перековывает на заводские земли в Убинское, Ординское, Малышевское и Бухтарминское отделения Колывановскресенского округа... Кочующие киргизы проживая близ деревень Убинского отделения и форпостов Сибирской линии, на землях заводских расположенных, чрез которые пролегают пути, по коим совершается перевозка руд и рудников в заводы, в особенности причисляют много вреда рудным возчикам, которые лишившись лошадей пожизненных киргизами, часто бывают не в состоянии доставить по

назначению отпущенную им руду»³³⁸. В частности, с данной опасностью крестьяне сталкивались при перевозке руд с Риддерского и Крюковского рудников на Змеевскую площадь. В 1842 г. Необходимо было перевезти с этих рудников 101418 пудов руды на расстояние в 160 верст при достаточно высокой плате по 9 коп. серебром за пуд. Однако к сентябрю вольные возчики перевезли только 26680 пудов руды. Горный начальник, будучи в Змеиногорском крае, провел «изследование» причин нежелания крестьян осуществлять, казалось бы, выгодную перевозку на сравнительно небольшое расстояние. Крестьяне назвали одной из главных причин «опасение хищничества киргиз весьма усилившагося в последние годы». Увеличение числа нападений, в свою очередь, связывалось с активным расселением кочевых киргизов в горном округе, хотя еще в 1809 г. Кабинет запретил даже временное переселение киргизов на заводские земли³³⁹.

Хорошее развитие коневодства в волостях Верхнего Прииртышья, к середине XIX в. уже полностью относящихся к земледельческому типу хозяйства, было связано с характером земледелия и наличием в составе работ, которые крестьяне обязаны были выполнять для заводов и рудников, как уже отмечалось, конных отработок. Для южных волостей это было особенно актуально, поскольку на крестьян, проживавших ближе к заводам, распространялись в основном конные отработки, тогда как северные крестьяне преимущественно должны были выполнять пешие работы.

В заводские повинности крестьян входила перевозка угля на Змеевский и Локтевский заводы, а также на многочисленные рудники: Семеновский, Змеиногорский, Петровский, Карамышевский, Черепановский (для убинских крестьян), Риддерский, Сокольный, Белоусовский и Березовский (для крутоберезовских крестьян), Николаевский, Таловский и Сугатовский (для усть-каменогорских крестьян). Бухтарминские крестьяне обязаны были возить уголь для Зыряновского рудника. Кроме того, крестьяне располагались в перевозку руд. С Зыряновского рудника на Верх-Иртышскую пристань возили руду крестьяне

³³⁸ ГАТО. Ф.3. Оп.18. Д.123. Л. 99.

³³⁹ ГАТО. Ф.3. Оп.18. Д.123. Л. 96–100.

Убинской, Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Бухтарминской волостей; с Усть-Каменогорской пристани на Змеевскую площадь (Змеевский завод) – усть-каменогорские, с Риддерского рудника в Локтевский завод – убинские крестьяне (см. Приложение Т).

В дополнение к описанию специфичности коневодства для Верхнего Прииртышья можно добавить следующее суждение: для деревни фронта лошаадь была обязательным атрибутом всякого крестьянского хозяйства, однако можно наблюдать существенный разрыв в количестве лошадей (между деревнями и внутри деревень), приходившихся на крестьян, ведших комплексное сельскохозяйственное производство и самостоятельно отрабатывавших заводские повинности и количестве лошадей у крестьян, которые специализировались на коневодстве. Разумеется, в хозяйствах последних количество лошадей было больше.

Чтобы определить не усредненные, а реальные показатели наличия лошадей в крестьянских хозяйствах, возьмем для примера д. Тарханскую Крутоберезовской волости. Крутоберезовская волость интересна тем, что по ней можно наиболее полно и в динамике проследить изменения до 1860 г., тогда как по Усть-Каменогорской и Убинской волостям полных данных не удалось обнаружить.

В д. Тарханской Крутоберезовской волости вообще не отмечается крупных табуновладельцев. В 1843 г. здесь можно выделить 4 группы дворов по количеству лошадей: в 34 дворах было до 5 лошадей, в 36 дворах – по 6–10 и в 4 дворах – по 11–15 лошадей. Самым богатым по количеству лошадей был двор Тимофея Васильева Кожевникова: у него имелось 18 лошадей. В 1860 г. в деревне насчитывалось 76 дворов с числом лошадей до 5 голов и 28 – от 6 до 10 голов. Таким образом, можно говорить о сокращении числа дворов, в которых содержалось бы большое количество лошадей, и значительном увеличении числа дворов, где содержалось сравнительно небольшое количество – до 5 лошадей (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Обеспеченность крестьянских дворов лошадьми в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.³⁴⁰

Год	до 5	6–10	11–15	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–50
группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9
д. Зевакина Усть-Каменогорской волости									
1843	25	19	2	5	1	-	1	-	-
1845	26	12	7	5	-	-	1	-	3
д. Выдринская Убинской волости									
1841	42	42	12	5	-	2	1	1	-
1843	51	38	9	2	2	2	-	-	-
д. Тарханская Крутоберезовской волости									
1843	34	36	4	1	-	-	-	-	-
1860	76	28	-	-	-	-	-	-	-

Данные таблицы свидетельствуют об увеличении общего количества лошадей в крестьянских хозяйствах при снижении показателей обеспеченности лошадьми на ревизскую душу, двор. Видится, что попечительский характер развития земледелия сыграл немаловажную роль в том, что лошадей в хозяйствах стало меньше, но использоваться они стали более эффективно.

Отражение динамики обеспеченности лошадьми на одну р.д. представлено на рисунке 2. «Доприписочные» данные (т.е., данные на 1798 г.) о численности лошадей в волостях отсутствуют, можно говорить лишь об изменении показателей в пределах периода с 1821 до 1860 гг. – то есть, в период изменения хозяйственных типов волостей в пределах Алтайского горного округа. Судя по рисунку, во всех волостях средняя обеспеченность лошадьми на ревизскую душу не опускалась ниже единицы. Наибольшие колебания показателя обеспеченности лошадьми на одну р.д. были характерны для Крутоберезовской и Усть-

³⁴⁰ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 160(об.)–173 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 160(об.)–173 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 171(об.)–188 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 15. Л. 1(об.)–16 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 125(об.)–138 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 18. Л. 1(об.)–12 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 21. Л. 122 (об.)–140.

Каменогорской волостей. В Крутоберезовской волости в 30-х гг. XIX в. показатель падал: если в 1825 г. он составлял 3 лошади на одну р.д., то к 1835 г. снизился до 2, а к 1838 г. – до 1. Последнее значение сохранялось на протяжении первой половины 40-х гг. XIX в. и только к 1845 г. наметился рост. Подобный характер изменений обеспеченности лошадьми присущ и Убинской волости, однако здесь снижение показателя было не столь ощутимым. В 1830 г. на одну р.д. здесь приходилось 3 лошади, а к 1835 г. этот показатель снизился до 2 и в таком положении сохранялся до 1844 г.; после указанного года сведения о численности лошадей в волости отсутствуют. Для Усть-Каменогорской волости были характерны периодические спады и рост показателя обеспеченности лошадьми: так, в 1823 г. он составлял 2 лошади на одну р.д., в 1825 г. возрос до 3, а к 1835 г. снова снизился до 2, в 1844-1845 гг. составлял 3 лошади на одну р.д., а в 1859-1860 гг. – 2 лошади на одну р.д. Для Бухтарминской волости колебания, вероятно, также не были велики и в три контрольных года – 1823, 1845 и 1858 гг. – составляли 2 лошади на одну р.д.

Таким образом, изменения в обеспеченности лошадьми на одну р.д. в течение 1820-х гг. – 1860 г. происходили в пределах значений от 3 до 1 и к концу 50-х – 1860 г. практически во всех волостях зафиксировались на едином среднем показателе – 2 лошади на одну р.д. Большие колебания среднего показателя были присущи волостям, в которых произошла смена хозяйственного типа – Крутоберезовской и Усть-Каменогорской, а для Убинской и Бухтарминской изменения в обеспеченности лошадьми на одну р.д. были отмечены в меньшей степени.

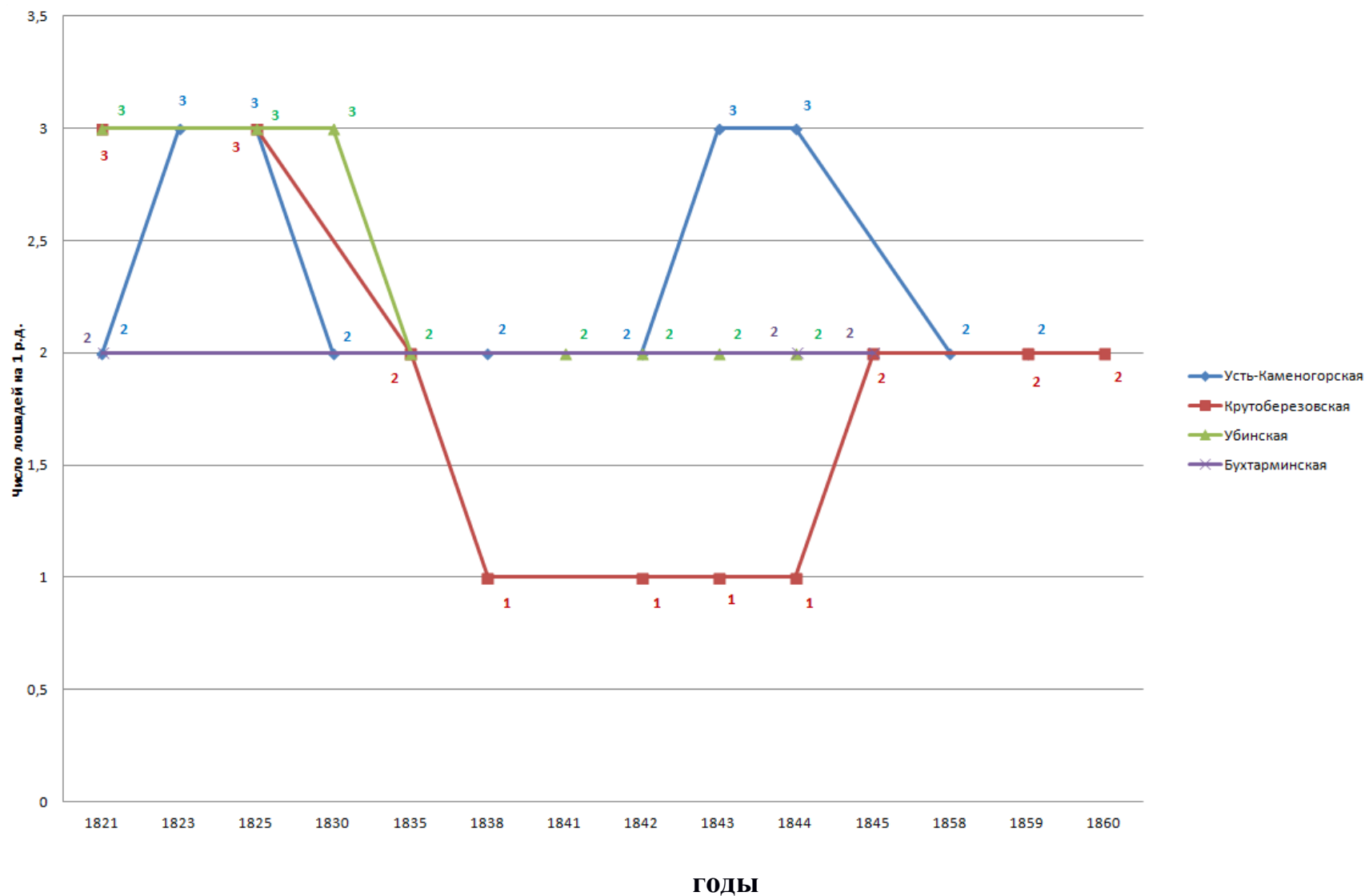

Рисунок 2 – Разведение лошадей в Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостях в 1821–1860 гг.

В комплексном самообеспечивающемся крестьянском хозяйстве, каковым по определению было хозяйство крестьян Верхнего Прииртышья на момент приписки, скотоводство было неотъемлемой массовой сельскохозяйственной отраслью. Природно-климатические условия для развития скотоводства в регионе, фронтальный его характер делали разведение крупного рогатого скота и иных домашних животных столь же значимым, что и разведение лошадей. Принудительная интеграция в горнозаводское производство в сочетании с малой трудоемкостью скотоводства мотивировали экономику деревни фронта на увеличение объема производства мяса и другой производной продукции скотоводства.

В течение первой половины XIX в. скотоводство все больше становилось дополнительным источником дохода: продажа скота не ограничивалась так строго, как продажа хлеба. Торговали не только скотом, но и продукцией животноводства: мясом, маслом и молоком. Основными потребителями этой продукции были жители городов, рудничные и заводские служащие. Крестьяне в основном поставляли в руднично-заводские поселения молочные продукты. Согласно установившемуся порядку, закупкой скота, мяса, сала и кож на Колывано-Воскресенские заводы занимались маркитанты. Люди, не имевшие права на торговлю, не могли закупать скот в количестве свыше 50 голов³⁴¹. Заводами закупались сало и кожи, которые нужны были для производства, а также для изготовления обуви.

Согласно данным за 1845 г., в руднично-заводских поселках торговля скотом шла в среднем по цене от 5 до 10 рублей за голову. При Локтевском заводе скот покупали по более низкой цене. Средние расценки здесь составляли 5-8 рублей, тогда как при Змеиногорском руднике – 7-10 руб. Вероятно, достаточно низкие закупочные цены при Локтевском заводе объяснялись тем, что в 1845 г. здесь было продано самое большое количество рогатого скота по сравнению с другими заводами. А вот мясо покупалось здесь по самой высокой цене: 70-80

³⁴¹ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8482. Л. 7-8.

коп. за пуд. При этом в 1845 г. было закуплено 6500 пудов мяса. Больше закупали только на Барнаульском заводе.

Данных о числе проданного рогатого скота на Змеиногорский рудник нет, также как нет сведений и о количестве проданного мяса. Однако известно, что средняя цена здесь составляла 80 коп. за пуд.³⁴² Часть скота, закупаемого на Змеиногорском руднике, поставлялось калмыками, кочевывшими по Алтайскому хребту. По данным за 1804-1815 г., ежегодно они пригоняли в рудник от 23 до 337 голов скота. До 1813 г. маркитанты закупали у них скот по 20-30 руб. за голову. В 1814 г. стоимость составляла уже 30-35 руб., а в 1815 г. – 35-40 руб. за голову. При этом отмечалось, что маркитанты предпочитали калмыцкий скот русскому, поскольку кожа калмыцкого скота была лучше, скот давал 10-17 пудов говядины и 2-5 пудов сала, тогда как русский редко давал 8 пудов мяса и до 2 пудов сала. Кроме того, маркитанты далеко не всегда закупали у кочевников скот за деньги – чаще происходил натуральный обмен³⁴³.

Расход кож за период с 1 марта 1834 г. по 1 марта 1835 г. на Локтевском заводе составил 277 $\frac{1}{2}$, на Змеевском руднике – 302 $\frac{1}{2}$, на Риддерском – 102 и на Бухтарминском – 175 $\frac{1}{2}$. Расходы сала и свеч в 1834 г. на Локтевском заводе составили 590 пуд. 32 фунта, на Змеевском – 1309 пуд. 39 фунтов, на Риддерском руднике – 652 пуд. 12 фунтов, на Бухтарминском – 1037 пуд. 33 фунта³⁴⁴.

В Алтайском горном округе также существовала торговля скотом между волостями, когда скупщики закупали скот и лошадей в волостях с развитым животноводством (Кулундинской, Нижнекулундинской, Касмалинской, Чарышской) и поставляли в волости с преимущественно земледельческой ориентацией крестьянского хозяйства.

Продажа продуктов скотоводства осуществлялась и за пределами горного округа, правда, горнозаводская администрация стремилась ее искоренить. Так, в 1815 г. канцелярия горного начальства запретила продажу скота за пределы

³⁴² ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5495. Л. 341.

³⁴³ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1760. Л. 57.

³⁴⁴ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8059. Л. 1–1(об.).

горнозаводского ведомства. Целью запрета, прежде всего, было снизить цены на скот, поскольку за пределы округа он шел по более высокой цене, чем при осуществлении поставок на заводы и рудники. С 1815 г. горное начальство позволяло закупать скот только для г. Томска, и то по специально заранее испрашенному дозволению. Было запрещено покупать скот перекупщикам, поскольку это повышало цену на покупку скота для маркитантов, поставлявших на заводы мясо.

В 20-х гг. XIX в. были введены правила, определявшие возможности свободной торговли скотом в Сибири. Согласно этим правилам, деятельность перекупщиков ликвидировалась. Однако в середине 30-х гг., когда потребность в продуктах животноводства выросла в связи с закупками продовольствия для рабочих, занятых на приисках расширяющейся золотопромышленной отрасли, ее вновь вынуждены были возобновить – с установлением ограничений. Всем лицам (кроме маркитантов), без торгового звания (мещанам и крестьянам), не имевшим торговых свидетельств, было запрещено покупать более 50 голов скота. И после разрешения в 1838 г. сенатским указом свободной продажи скота в России горнозаводское ведомство сохранило ограничения в округе. Окончательная отмена ограничений на скупку скота в горнозаводском ведомстве была осуществлена в 1850 г.

Скотоводство было экстенсивным, эффективность его развития сильно зависела от внешних факторов. Помимо неурожайных, засушливых условий, на сокращение поголовья крупного рогатого скота оказывали влияние эпизоотии. Сибирские крестьяне не отделяли больных животных от здоровых, что способствовало распространению заразы. Отсутствие надлежащего ухода за скотом приводило к распространению кожных болезней, сибирской язвы. Чума крупного рогатого скота была распространенным явлением во всем Алтайском горном округе, во многом по причине торговли скотом, поступавшим из Казахстана. Почти ежегодно в Алтайском горном округе от болезней гибли тысячи голов скота. Так, в 1828 г. на Алтае пало свыше 44 тыс. голов скота, а в 1861 г. – свыше 68 тыс. голов. В июне-августе 1842 г. в деревнях Березовке,

Зевакиной, Прапорщиковой, Убинской и Красный Яр Бийского округа пало 2216 голов рогатого скота³⁴⁵.

Скотоводство и в волостях, и в деревнях Верхнего Прииртышья развивалось неравномерно. В крестьянском хозяйстве Убинской волости скотоводство было развито в большей степени: здесь к 1825 г. на одну р.д. приходилось 2,32 головы рогатого скота. В отличие от Крутоберезовской и Усть-Каменогорской волостей, здесь обеспеченность крупным рогатым скотом в 30-х и 40-х гг. не сократилась, а возросла по сравнению с показателем 1825 г., хоть и характеризовалась неустойчивостью.

Таблица 3 – Скотоводство в Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостях в 1825–1860 гг.³⁴⁶

Название волости	Количество крупного рогатого скота									
	1825		1830		1843		1844		1860	
	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.
Крутоберезовская	4793	2,14	н/д		4224	1,27	5347	1,60	10741	3,72
Усть-Каменогорская	2994	2,22	3654	2,84	1365	0,79	1385	1	5997	2,44
Убинская	5099	2,32	6670	3,06	7463	2,41	7714	2,50	н/д	н/д

Следует отметить увеличение поголовья скота к 1860 г. во всех трех волостях. Так, если в 1825 г. в Крутоберезовской волости насчитывалось 4793 головы скота, то к 1860 г. эта цифра возросла до 10741. Но по сравнению с ростом

³⁴⁵ Алтай... С. 73 ; Крестьянство Сибири в период феодализма... С. 201-203 ; Лукичев С. С. Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период XIX в. ... С. 46-53 ; Очерки истории Алтайского края... С. 83 ; Пронин В. И. Скотоводство Сибири в XIX – начале XX вв.... С. 99.

³⁴⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 21–90(об.).

числа жителей (с 1825 по 1861 г. – на 44,29%), обеспеченность скотом на одну р.д. возросла незначительно: с 2,22 до 2,44. В Усть-Каменогорской волости с 1825 по 1860 г. рост числа жителей составил 54,99%, а обеспеченность скотом на одну р.д. возросла с 2,14 до 3,72 голов. По Убинской волости самые поздние данные приходятся на 1844 г., когда поголовье крупного рогатого скота в 1,5 раза превысило показатель 1825 г., но обеспеченность скотом на одну р.д. увеличилась только с 2,32 до 2,50.

В 40-е гг. XIX в. во всех трех волостях замечен спад в развитии скотоводства. Самый глубокий спад отмечен в Усть-Каменогорской волости, где процент поголовья крупного рогатого скота к 1845 г. упал более чем вдвое по сравнению с данными за 1825 г.

В развитии скотоводства в течение 1825–1860 гг. также наблюдается спад в обеспеченности скотом на 1 крестьянский двор. По волостям эти показатели были следующими. В Убинской волости на 1 двор в среднем приходилось в 1841 г. по 8,23 головы крупного рогатого скота, в 1842 г. – по 7,57 голов, в 1843 г. – по 7,09.

В Усть-Каменогорской волости в 1841 г. в среднем на двор приходилось 6,98 голов крупного рогатого скота, в 1843 г. – 2,74, в 1844 г. – 2,73 и в 1845 г. – 3,84.

В Крутоберезовской волости в среднем на 1 двор в 1838 г. приходилось по 5,41 голове скота, в 1842 г. – по 5,04, в 1843 г. – снова по 5,41, а 1844 г. – по 4,58 голов. В 1860 г. этот показатель составил 6,97 головы крупного рогатого скота. Следует отметить, что здесь ситуация также и по отдельным деревням неоднородна. В большинстве деревень показатели обеспеченности крупным рогатым скотом на 1 двор в 1838 г. превышают, иногда достаточно ощутимо, показатели 1860 г. Так, в д. Верх-Убинской в 1838 г. на 1 двор приходилось 10,16 голов крупного рогатого скота, а в 1860 г. – только 7,92 головы (см. Таблицу 3, Приложения У, Ф и Х).

Уже упоминавшийся верх-убинец Тихон Шкодин в 1838 г. имел 20 голов рогатого скота; таким образом, рогатого скота в хозяйстве было больше, чем лошадей. У старшего сына Шкодина Сидора также было 18 голов скота.

Примерно столько же было и у Александра Митрофанова – 16 голов. В 1842 г. уже трое Шкодиных имели свои хозяйства. У Тихона Шкодина остается 16 голов рогатого скота, у Сидора – 10. Еще 6 голов рогатого скота оказывается у отделившегося к тому времени Клима Шкодина – сына Сидора и внука Тихона. Что же касается семейства Митрофановых, то здесь старший сын умершего Александра, Семен Митрофанов, стал единственным держателем рогатого скота: в его хозяйстве насчитывалось 11 голов. К 1843 г. эта цифра увеличилась до 15 голов. Тихон Шкодин в 1843 г. по старости хозяйство не вел. У его сына Сидора по-прежнему было 10 голов рогатого скота, у Клима – 7 голов. Учитывая, что других Шкодиных в деревне не было, неизвестно, куда делись 16 голов рогатого скота, которые еще в прошлом году имелись у Тихона Шкодина³⁴⁷.

Среди учитывавшихся в Окладных книгах отраслей животноводства было также разведение овец. Разведение овец в крестьянских хозяйствах было развито в меньшей степени. А. И. Кулибин отмечал: «Овцеводство в заводской округе существует в малой степени и удовлетворяет только потребности самих крестьян»³⁴⁸.

Самыми богатыми по численности овец в Крутоберезовской волости были деревни Верх-Убинская, Ульбинская и Секисовская. В Верх-Убинской деревне в 1842 г. насчитывалось 750 овец, в 1844 г. – 1038 и в 1860 г. – 963. Показатели развития овцеводства были неоднородны. Так, в Ульбинской деревне с 1842 по 1844 гг. с 880 до 675 овец; в 1860 г. их число возросло до 1136. В д. Секисовской в 1842 г. насчитывалось 565 овец, в 1844 г. их число возросло до 817, а в 1860 г., напротив, снизилось до 490.

По Убинской волости показатели развития овцеводства оказались более стабильными; здесь не было деревень, где бы совсем не разводили овец. Передовыми в этом отношении были деревни Убинская, Шемонаиха и Выдринская. Наименьшее поголовье скота насчитывалось в деревне Бородулихе:

³⁴⁷ Ф. 10. Оп. 1. Д. 122. С. 5(об.)–6, 16(об.)–17 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. С. 6(об.)–7, 19(об.)–20 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 179. С. 6(об.)–7, 17(об.)–18.

³⁴⁸ Кулибин А. И. Описание Колывано-Воскресенских заводов... С. 111 ; Описание Колывановоскресенских заводов до 1833 года... Ч. I, кн. 1. С. 178.

здесь в 1841–43 гг. насчитывалось от 110 до 167 овец. Здесь также отмечаются неоднородные показатели развития отрасли в отдельных поселениях. К началу 40-х гг. XIX в. жители ряда деревень вообще перестали заниматься овцеводством, в других деревнях отмечается незначительный рост поголовья мелкого рогатого скота (см. Приложение Ц).

В целом по волостям можно отметить спад в развитии овцеводства в начале 40-х гг. по сравнению с 1825 г. Самым ощутимым этот спад стал в Усть-Каменогорской волости: здесь показатель обеспеченности овцами на одну р.д. снизился с 2,67 в 1825 г. до 0,52 в 1844 г. В свою очередь, Убинская волость была доминирующей по развитию овцеводства, но и здесь отмечался спад, как общего поголовья овец, так и показателей обеспеченности на одну р.д. Так, в 1825 г. на р.д. здесь в среднем приходилось 3,69 овцы, а к 1844 г. этот показатель снизился до 1,97, то есть, едва ли не вдвое. По Крутоберезовской волости известны данные об овцеводстве на начало 60-х гг. В 1825 г. на р.д. здесь приходилось в среднем по 1,65 овцы, к 1842 г. этот показатель снизился до 0,55, то есть, втрое, а к 1860 г. немного подрос – до 0,88, однако был все еще вдвое меньше показателя 1825 г. (см. Таблицу 4 и Приложение Ш).

Таблица 4 – Обеспеченность овцами на одну р.д. в Усть-Каменогорской, Крутоберезовской, Убинской волостях 1825–1860 гг.³⁴⁹

Название волости	Количество овец									
	1825		1830		1842		1844		1860	
	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.
Усть-Каменогорская	3616	2,67	2338	1,82	н/д		905	0,52	н/д	
Крутоберезовская	3702	1,65	н/д		1830	0,55	2051	0,61	4458	0,88
Убинская	8112	3,69	5283	2,43	6012	1,94	6079	1,97	н/д	

Поскольку овцеводство не было основным видом хозяйственной деятельности, им занимались не все крестьяне. В д. Зевакиной Усть-Каменогорской волости в 1843 г. насчитывалось лишь 17 из 57 дворов, занимавшихся овцеводством, это составляло 29,8% всех дворов. Овец насчитывалось от 1 до 25–29. Самым богатым по количеству овец было хозяйство Фадея Ильина Репина: здесь в 1843 г. было 29 овец. В 1845 г. у него осталось только 14 овец³⁵⁰. Наибольшее количество овец было в хозяйствах Федора Михайлова Лепунова (25 голов) и Мартына Герасимова Коновалова (17 голов³⁵¹). В д. Выдрихе Убинской волости в 1841 г. из 115 дворов овцеводством занимались 72 двора, то есть в 62,6 % всех крестьянских хозяйств имелся мелкий рогатый скот. Максимальное количество овец было больше, чем в д. Зевакиной Усть-Каменогорской волости. В д. Выдринской в самом богатом по количеству овец хозяйстве насчитывалось 35 овец. Владельцем их был Яков Дмитриев Фоминых второй (в деревне было двое братьев Яковов Дмитриевых Фоминых). У Семена

³⁴⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 21–90(об.).

³⁵⁰ ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 136(об.)–137; Ф. 15. Оп. 1 Д. 21. Л. 138(об.)–139.

³⁵¹ ГААК. Ф. 15. Оп. 1 Д. 21. Л. 125(об.)–126, 130(об.)–131.

Александрова Зуротова и Андреяна Федотова Сухорукова было по 25 овец³⁵². 4 крестьянских двора содержали от 16 до 20 овец, 14 – от 11 до 15 овец, 26 – от 6 до 10 овец, 20 – от 3 до 5 овец и еще 5 дворов имели по 2 овцы. В 1843 г. в 70 дворах из 101 занимались овцеводством. Самое большое количество овец по-прежнему было у Якова Дмитриева Фоминых второго – 30 голов. У Петра Дмитриева Чюпина насчитывалось 25 овец³⁵³. Еще 4 двора имели от 16 до 25 овец, 11 дворов – от 11 до 15 овец, 25 дворов – от 6 до 10 овец и еще столько же дворов – от 3 до 5 овец. Еще три двора держали по 1–2 овцы. В д. Тарханской Крутоберезовской волости в 1843 г. овцеводством практически не занимались. Овцы здесь имелись на 2 дворах из 75, что составляло всего 2,7%. У Осипа Григорьева Шепуникова было 4 овцы и у Федора Григорьева Иванова – 6 овец³⁵⁴. К 1860 г. число дворов, на которых содержались овцы, выросло до 16, что составило 14% всех дворов в д. Тарханской. При этом самое большое количество овец на одном дворе составляло 10 голов. Такое количество овец было у Самойло Калистратова Михайлова и Ивана Иванова Зубова³⁵⁵. Всего от 6 до 10 овец имелось в 7 дворах. Еще 6 дворов имели от 3 до 5 овец и 3 двора – от 1 до 2 овец (см. Таблицу 5).

³⁵² ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 5(об.)–6, 12(об.)–15.

³⁵³ ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 18. Л. 4(об.)–5, 10(об.)–11.

³⁵⁴ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 162(об.)–164.

³⁵⁵ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 182(об.)–184.

Таблица 5 – Овцеводство в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.³⁵⁶

Год	Число овец на 1 двор							
	1-2	3-5	6-10	11-15	16-20	21-25	26-30	31-35
д. Зевакина Усть-Каменогорской волости								
1843	10	2	4	5	-	1	1	-
1845	1	2	7	5	1	1	-	-
д. Выдринская Убинской волости								
1841	5	20	26	14	4	2	-	1
1843	3	25	25	11	4	1	1	-
д. Тарханская Крутоберезовской волости								
1843	-	1	1	-	-	-	-	-
1860	3	6	7	-	-	-	-	-

Крестьяне еще в XVIII в. занимались разведением и других домашних животных, в большей степени для собственных нужд. Такие животные, имевшиеся в крестьянских хозяйствах, не учитывались в Окладных книгах. В них, в частности, не отмечалось свиноводство³⁵⁷.

Органичной частью комплексного крестьянского хозяйства были промыслы. Особую роль в деревнях фронта играло пчеловодство. На эту отрасль крестьянского хозяйства обращали внимание путешественники. Так, проезжая по восточному Алтаю в 1842 г., П. Чихачев отмечал, что «главная или по крайней мере самая прибыльная отрасль хозяйства в этом районе – пчеловодство». Путешественник писал, что здесь на каждом шагу его угощали медом, слаще и ароматнее которого он не встречал со времен пребывания в

³⁵⁶ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 160(об.)–173; Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 160(об.)–173; Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 171(об.)–188; Ф. 15. Оп. 1. Д. 15. Л. 1(об.)–16; Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 125(об.)–138; Ф. 15. Оп. 1. Д. 18. Л. 1(об.)–12; Ф. 15. Оп. 1. Д. 21. Л. 122 (об.)–140.

³⁵⁷ Алтай... С. 67.

Афинах, где ему «довелось отвесть меда, собранного на знаменитой горе Химет»³⁵⁸.

В 1826 г. в Крутоберезовской волости насчитывалось 18739 ульев, с которых в год крестьяне получали по 3566 пудов меда. В целом же на Алтае к 1825 г. было уже около 90 тыс. колодок с медом, к 1833 г. их число возросло до 110 тыс., к 1851 г. – до 201 тыс. В 1820 г. на 86723 р.д. на Алтае приходилось 46922 ульев, то есть, по 0,5 улья на ревизскую душу. В 1850 г. обеспеченность ульями на ревизскую душу увеличилась втрое: на 136529 ревизских душ приходилось уже 204625 пчелиных ульев. Показатели обеспеченности ульями алтайских крестьян в 4 раза превышали показатели обеспеченности лошадьми и в 7 – рогатым скотом. Наиболее развито пчеловодство было в Барнаульском и Бийском округах. В 1851 г. на ревизскую душу приходилось в Барнаульском округе по 3 и в Бийском – по 3,8 улья. В Кузнецком округе на одну р.д. приходилось 1,48 улья, в Томском – 0,61, в Колыванском – 0,48 улья³⁵⁹.

Как отмечал И. Завалишин, мед, производимый в Томской губернии, особенно в южных его территориях, отличался по вкусу и белизне³⁶⁰. Другие сибирские территории были менее пригодны для разведения пчел. Так, в Тобольской губернии пчелам нечем было питаться; в Енисейской губернии хотя и был опыт разведения пчел, сам промысел так и не распространился; в Иркутской губернии ульи по весне обычно оказывались сгнившими из-за продолжительных и сильных морозов. Продукты пчеловодства (мед и воск) продавались на ярмарках Томской, Тобольской и Иркутской губерний, Ирбитской ярмарке, по южным пограничным линиям. Впоследствии пчеловодство распространилось по всей территории округа. Так, в 1812 г. крестьяне Ульбинского и Феклисского форпостов вывезли на Ирбитскую ярмарку около 2 тыс. пудов высококачественного меда.

³⁵⁸ Чихачев А. П. Путешествие в Восточный Алтай... С. 316.

³⁵⁹ Алтай... С. 79 ; Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни... С. 79–81.

³⁶⁰ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2. 1865. С. 33.

Пчеловодством, как правило, занимались старики, и в этом качестве они являли собой дополнительный трудовой ресурс крестьянского семейства. То есть, этот вид работ не обязательно становился дополнительной нагрузкой для работоспособных крестьян, которые, в дополнение ко всему, располагались в заводские работы. С другой стороны – об этом свидетельствует Г.Н. Потанин – занятие пчеловодством давало старикам возможность быть независимыми от сыновей, позволяло им самим добывать себе средства на пропитание. При этом нормально было, если у пасечника было всего четыре улья – вероятно, это был достаточный объем промысла, способный удовлетворить нужды пожилого крестьянина.

Пасеки располагались вдали от деревень (иногда на расстоянии 80 верст от поселений), как правило, в поперечных долинах или глубоких отлогах. С осени пасечники завозили на пасеки сухари и возвращались уже весной, чтобы провести на пасеке начало лета³⁶¹.

До конца XIX в. пчел на Алтае разводили в неразобранных ульях – колодках-лежаках. Колодки-лежаки располагались в горизонтальном наклонном положении и сверху прикрывались берестой или тесовой крышей³⁶². Лучшие условия для разведения пчел были на южных склонах Алтайских гор, в долинах, защищенных от ветров. Аромат этому меду придавала гречиха. «В роевое время пчелы разлетаются и снискивают себе убежище в дуплеватых лесинах и многия оттого встречаются на хребтах Алтайском и Нарымском где они зимуют произвольно. Вероятно, они размножились бы в лесах, если б не помешали тому медведи, которые съедают мед; в прочем и промышленники, отыскивающие ульи

³⁶¹ Финш О., Брем А. Э. Путешествие в Западную Сибирь... С. 248 ; Потанин Г. Н. Алтай... С. 324 ; Спасский Г. И. Письма из Сибири... С. 38 ; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири... С. 187 ; Статистическое обозрение Сибири... С. 305–306 ; Миненко Н. А. Ссылные крестьяне – «поляки» на Алтае... С. 205 ; Мукаева Л. Н. Из опыта хозяйственного освоения Южного Алтая в XVIII–XIX вв. ... С. 103 ; Малых А. А. Ремесленные и промысловые занятия крестьян государственной деревни Западной Сибири (40–е гг. XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 11 : Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1982. С. 62 ; Его же. Из истории пчеловодства государственных крестьян Томской губернии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 18. С. 100–101 ; Опекун О. С. Пчеловодство крестьян Смоленской волости Бийского округа в первой половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 78 ; Очерки истории Алтайского края... С. 83.

³⁶² Миньков С. Г. Из истории пчеловодства на Алтае // Пчеловодство. 1954. № 3. С. 62.

в лесах, пользуются только медом, а пчел, по невозможности перевести их через горы, истребляют»³⁶³. По данным Г.И. Спасского, до 1810 г. на Ирбитской ярмарке продавался казанский мед и воск. Впоследствии казанский мед был полностью заменен местным, алтайским. А.И. Кулибин называл Усть-Каменогорскую, Крутоберезовскую и Убинскую волости среди тех, где пчеловодство было развито наиболее интенсивно³⁶⁴. Крестьян и казаков, живших возле Усть-Каменогорска, даже называли «медовиками», что в очередной раз свидетельствует о важности пчеловодства в их хозяйстве³⁶⁵.

Сведения о количестве ульев с пчелами в деревнях Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей, полученные из Окладных книг, подтверждают интенсивное развитие пчеловодства. В Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостях пчеловодством занимались повсеместно, в Убинской волости ульи с пчелами имелись не везде. Так, не было их в Красноярской, Вавилонской, Кабановой, Новошуйбинской, Жерновской деревнях. В Усть-Каменогорской волости наиболее крупными держателями ульев были жители деревень Глубокая, Красноярская, Солоновская. Наибольшего развития пчеловодство достигло в Крутоберезовской волости. Здесь больше всего ульев насчитывалось в Секисовской, Малой Убинской, Бобровской и Верх-Убинской деревнях, меньше всего – в деревнях Ульбинской и Поперечной. Однако если в д. Поперечной Крутоберезовской волости на 48 ревизских душ приходилось в 1842-1844 гг. от 510 до 600 ульев, в среднем по 10,63-12,5 на ревизскую душу, то, например, в д. Глубокой Усть-Каменогорской волости на 539 р.д. в 1843–45 гг. приходилось от 954 до 1623 ульев, от 3 до 1,77 улья на р.д., причем показатель этот снижался. Это сравнение минимальных и максимальных показателей подтверждает, что пчеловодство было развито в большей степени в Крутоберезовской, нежели в Усть-Каменогорской волости (см. Приложение III).

³⁶³ Статистическое обозрение Сибири... С. 306.

³⁶⁴ Спасский Г. И. Письма из Сибири... С. 38 ; А. И. Кулибин. Описание Колывано-Воскресенских заводов... С. 112 ; Описание Колывановоскресенских заводов до 1833 года... Ч. I., кн. 1. С. 178.

³⁶⁵ Лебедев А. А. Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX – начало XX в.)... С. 227.

Показатели по всем трем волостям свидетельствуют о существенном спаде развития пчеловодства, который приходится на первую половину 40-х гг. Так, в Крутоберезовской волости количество ульев сократилось с 26319 в 1825 г. до 14589 в 1842 г. и до 11632 – в 1844 г. На двор в волости приходилось в среднем в 1842 г. по 13,27 ульев, в 1843 г. – по 16,99 ульев, но в 1845 г. этот показатель сократился вдвое – до 9,96 ульев. К 1860 г. на 1 двор в Крутоберезовской волости приходилось по 27,35 ульев. При этом стоит отметить, что средние показатели по отдельным деревням были значительно выше. Так, в д. Бутаковой на 1 крестьянский двор в среднем приходилось в 1845 г. по 24,45 улья, в 1860 г. – по 38,3 улья; в д. Черемшанке в 1845 г. на один двор приходилось по 20,72 улья, в 1860 г. – по 38,2 улья; в д. Малой Убинке в 1842 г. на двор в среднем приходилось по 22,32 улья (к 1845 г. этот показатель упал до 12,22), а в 1860 г. – по 33,6 улья. Наибольшее количество ульев было в д. Быструхе. В 1842 г. на один двор приходилось по 38,26 ульев, в 1843 г. – по 38,48 ульев, в 1844 г. – по 32,38 ульев, к 1860 г. на 1 крестьянский двор приходилось в среднем около 60 ульев.

В Усть-Каменогорской волости в 1825 г. насчитывалось 6728 ульев, в 1844 г. их количество снизилось до 2772 ульев, в 1845 г. увеличилось до 4540 ульев. Схожую картину можно отметить и по Убинской волости (см. Таблицу 6 и Приложение Э).

Таблица 6 – Развитие пчеловодства в Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостях в 1825–1860 гг.³⁶⁶

Название волости	Количество ульев							
	1825		1830		1844		1860	
	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.	всего	на р.д.
Крутоберезовская	26319	11,73	н/д		11632	3,48	42308	8,35
Усть-Каменогорская	6728	5,02	7012	5,46	2772	1,60	н/д	
Убинская	4875	2,22	6997	3,21	4279	1,38	н/д	

В.А. Волчек в своей монографии подтверждает спад в развитии пчеловодства в Крутоберезовской волости. Он сравнил количество ульев, приходившихся на 1 крестьянский двор в каждой из деревень волости в 1819 и 1844 гг. В 1819 г. в Крутоберезовской волости в среднем на двор приходилось 57 колодок. Самый малый показатель обеспеченности оказался в Черемшанской и Большереченской деревнях: по 22 улья на двор, тогда как самый большой показатель – в д. Секисовской – составлял 87 ульев на двор. В 1844 г. средний показатель по волости упал до 20 ульев на двор. Однако в некоторых деревнях волости показатель обеспеченности ульями снизился не так ощутимо: в Быструшинской деревне в 1819 г. на крестьянский двор приходилось 33 улья, в 1844 г. – 32. Примечательна ситуация в д. Черемшанской, где количество ульев, приходившихся на 1 двор, не снизилось, а, напротив, возросло: с 22 в 1819 г. до 28 в 1844 г.³⁶⁷

Таким образом, пчеловодство, появившееся в волости благодаря пришлому населению, переселенцам-«полякам», стало наиболее развитым промысловым занятием жителей Верхнего Прииртышья. Несмотря на неудачи первой попытки организовать пчеловодство в регионе, впоследствии оно стало важной частью

³⁶⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 21-90 (об.).

³⁶⁷ Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни... С. 82–83.

крестьянского хозяйства. Однако в волостях пчеловодство развивалось неодинаково. Самые благоприятные условия для развития промысла были в Крутоберезовской волости, в значительно меньшей степени пчеловодство было развито в Усть-Каменогорской и Убинской волостях.

Можно констатировать, что спектр промысловых занятий крестьян Верхнего Прииртышья был широк. Промыслы были дополнительной статьей дохода крестьянских хозяйств, что приобретало особое значение ввиду установленных администрацией горного округа ограничений на продажу продуктов сельского хозяйства для приписных крестьян.

Развитие новых промыслов, освоение новых культур, в частности, поддерживалось и администрацией горного округа – поскольку, как уже отмечалось, именно заводы и рудники были основными потребителями всего спектра разнообразной продукции, поставляемой крестьянами на рынок.

Промысловая рыба, дичь, кедровые орехи, продававшиеся без ограничения со стороны администрации, составляли еще одну статью дохода крестьян. В то же время, возможность заниматься промыслами была строго ограничена, поскольку горной администрации не было выгодно, чтобы крестьяне покидали селения на длительное время.

Все продукты питания, получаемые в рамках крестьянского хозяйства жителей Верхнего Прииртышья, были востребованы в заводском ведомстве, а также на военной линии. Прежде всего, Верх-Иртышские волости были основными поставщиками хлеба для работников змеиногорских рудников, а также близлежащих заводов, Локтевского и Змеевского.

Помимо хлеба пользовались спросом и другие продукты хлебопашества, скотоводства и крестьянских промыслов. Разнообразие покупавшихся горным ведомством продуктов отражено в ведомостях. Среди них указаны (помимо хлеба и говядины) свинина, баранина, рыба, масло. Так, в 1830 г. крестьяне Крутоберезовской волости продавали ржаную и пшеничную муку, ячневую крупу, просо, овес, ячмень, горох, солод, говядину и сало, масло коровье, мед, а также 6 голов рогатого скота (для сравнения: в тот же период крестьяне

Чарышской волости представили на продажу только муку, сало, коровье масло и мед). При этом цена на продукты в разных волостях различались. Так, если в Чарышской волости ржаная мука продавалась в 1830 г. по 1 руб. 50 коп. за пуд, то в Крутоберезовской волости цены на нее колебались от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 30 коп. А вот пшеничная мука в Крутоберезовской волости стоила дороже. Если в Чарышской волости пуд пшеничной муки продавался за 1 руб. 75 коп., в Крутоберезовской цены на нее колебались от 1 руб. 75 коп. до 2 руб. При этом в Крутоберезовской волости было продано 150 пудов пшеничной муки, тогда как в Чарышской – только 40. Крестьянами Крутоберезовской волости было продано 345 пудов меда, причем цена за пуд колебалась от 7 до 7,5 руб. (см. Приложение Ю).

Цены на продукты в рамках горнозаводского округа, таким образом, не были твердо установленными и колебались в зависимости от региона. Здесь в силу вступало не только и не столько расстояние поставки, сколько востребованность тех или иных продуктов. В Змеиногорском крае цены были, как правило, выше, чем при покупке на обские заводы³⁶⁸. Различались цены и в волостях Верхнего Прииртышья. Так, в 1849 г. пуд мяса продавался в Крутоберезовской волости по цене от 95 коп. до 1 руб. 15 коп., в Усть-Каменогорской – от 1 руб. до 1 руб. 10 коп., а в Убинской – от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 90 коп. (см. Приложение Я).

Крестьянское хозяйство фронта, будучи комплексным, складывалось с учетом тех условий, в которых оказались переселенцы в Верховьях Иртыша. Если первоначально главенствующее значение имели природно-климатические условия, то в XIX в. деревня фронта изменялась в процессе интеграции в состав горнопромышленного производства. Нужды горного округа и политика администрации, нацеленная на поддержку и даже принудительное развитие хлебопашества, привели, в конечном счете, к переориентации Крутоберезовской и

³⁶⁸ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 54; Усольцева О. В. К вопросу о взаимодействии алтайского приписного крестьянства и горнозаводской администрации в дореформенный период // Вестник Томск. гос. педагогич. ун-та. 2007. № 3. С. 20.

Усть-Каменогорской волостей со скотоводческого типа хозяйственной деятельности на земледельческий. При этом тип хозяйствования не означал отсутствие хлебопашества или скотоводства в составе крестьянских хозяйств, лишь свидетельствовал о превалировании одного из них.

В свою очередь, высокий уровень развития коневодства, несмотря на конкуренцию, которую крестьянам составляли проживавшие по левому берегу Иртыша кочевники, ведущие торговлю через пограничные крепости, объяснялся нуждами крестьян, вызванными как необходимостью обеспечивать экстенсивно развивающееся хлебопашество, так и необходимостью выполнять конные заводские отработки.

Наконец, приоритет заводов и рудников в качестве потребителей основных продуктов земледелия и скотоводства обуславливал необходимость искать дополнительные виды хозяйствования, которые позволяли бы производить продукты для торговли. Важным результатом развития хозяйства фронтальной деревни стало распространение пчеловодства, ставшего здесь существенным элементом хозяйственного комплекса.

Происходившие изменения не привели к упадку крестьянского хозяйства на фронтире, но вызвали его трансформацию и укрепление за счет новых элементов, связанных с зарабатыванием денег и обслуживанием заводов.

2.4. Экономика деревни Верхнего Прииртышья накануне реформы 1861 г.

К 1861 г. году регион Верхнего Прииртышья (под воздействием ряда факторов, главным среди которых была интеграция в систему горнопромышленного производства) претерпел существенные изменения, как в административно-территориальном, так и в хозяйственно-типологическом отношении.

После приписки территория южного Алтая несколько раз меняла свою административную принадлежность: с 1804 г. Семипалатинский уезд входил в

состав Томской губернии, в 1822 г. был образован Семипалатинский округ, вошедший в состав вновь созданной Омской области.

Увеличилось количество поселений в волостях. Если в конце XVIII в. в состав трех волостей, Убинской, Крутоберезовской и Усть-Каменогорской, входили 27 поселений, то к 1861 г. их было 32. В состав Бухтарминской волости к этому времени входили 13 деревень.

В 1823 г. в Усть-Каменогорской волости значилась деревня Тарханская, в Крутоберезовской к 1821 г. – Бутакова, Быструха, Большереченская и Черемшанка, в Убинской волости к 1821 г. появляется д. Жерновская. Таким образом, население волостей росло: с 4689 в 1798 г. до 5685 в 1821-23 гг. При этом в некоторых деревнях число жителей ощутимо сократилось, вероятно, в результате продолжающихся миграционных процессов и образования новых поселений. Так, в Усть-Каменогорской волости в д. Бобровской число жителей сократилось с 468 в 1798 г. до 396 в 1823 г. В Крутоберезовской волости число жителей д. Зевакиной сократилось с 245 в 1798 г. до 136 в 1821 г.; в Убинской волости: в д. Убинской – с 360 в 1798 г. до 299 в 1821 г., в д. Екатерининской – с 170 в 1798 г. до 140 в 1821 г. Существенного роста числа жителей практически нигде не замечено, только в д. Шульбинской к 1821 г. число жителей выросло более чем в 2 раза по сравнению с 1798 г. с 151 до 319 р.д. (см. Приложение Е и М).

В 1835 г. Омская область была упразднена, и Семипалатинский округ вновь оказался в составе Томской губернии.

Вероятно, к этому же времени относится и частичная переорганизация Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей, когда деревни Ульбинская, Бобровская и Тарханская отошли Крутоберезовской волости, а Зевакина и Березовка – Усть-Каменогорской. В Убинской волости была образована небольшая д. Бородулиха.

В 1854 г. была образована Семипалатинская область, включившая Усть-Каменогорские земли³⁶⁹.

³⁶⁹ Лебедева А. А. Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979. С. 223.

К 1860 г. в Крутоберезовской волости появились еще три деревни: Стрежная, Волчанская и Орловская. Они образованы до 1859 г., так как в 1845 г. в окладной книге еще не значатся, а в 1859 г. – уже есть. В свою очередь, д. Солоновская перестала числиться в окладных книгах Усть-Каменогорской волости к 1843 г. (хотя в 1841 г. еще значилась).

Таким образом, к 1860 г. в Усть-Каменогорской волости насчитывалось 5 деревень с общим числом жителей 2458 р.д., в Крутоберезовской – 14 деревень, в которых проживали 5064 р.д. Для Убинской волости последние полученные данные относятся к 1844 г., и в это время в волости было 13 деревень с общим числом жителей 3091 р.д. (см. Приложение М).

Административные изменения были связаны и с трансформацией системы управления. В 1822 г., с принятием Указа «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению» и утвержденного императорским указом «Учреждения для управления Сибирских губерний», была осуществлена частичная передача прав по управлению приписной деревней земской администрации: канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и земским управителям предписывалось поделиться полномочиями с губернскими и уездными чиновниками.

В 1824 г. количество земских управителей было сокращено с 9 до 7: в каждый округ или уезд назначался один земский управитель вместо троих (за исключением Чарышского округа, где продолжали действовать старые правила).

Горная администрация боролась с двойной зависимостью. В 1828 г. было принято «Учреждение о управлении Колывано-Воскресенских горных заводов», утвердившее сложившуюся в горном округе систему управления заводами и приписанными населенными пунктами. Ведущим структурным подразделением округа стала Горная канцелярия, переименованная в 1828 г. в Горное правление³⁷⁰.

³⁷⁰ Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае... С. 60.

Вехой в истории развития приписного округа в целом и фронта в частности стала передача его в аренду Министерству финансов в 1830-х гг. Кабинету заводы были возвращены только в 1855 г. Причины передачи в аренду усматриваются в накопившихся финансовых проблемах Кабинета, а также в осознании необходимости технических и технологических изменений работы заводов для преодоления наметившегося застоя³⁷¹.

В частности, в 1840-х гг. рассматривался вопрос об организации судоходных перевозок руд по рекам Оби, Чарышу и Чумышу. Однако в 1850 г. Ученый комитет Корпуса горных инженеров, изучив всю историю попыток заводов запустить судоходство по рекам Алтайского горного округа, сделал заключение, что на организацию такого судоходства понадобится слишком много усилий и затрат (при том, что судоходство по указанным рекам возможно только в короткие сроки, исчисляемые несколькими неделями). Однако основной причиной отказа от организации судоходства стало право на перевозку руд водным путем, закрепившееся за крестьянами: «...крестьяне, получая за перевозку руд деньги, улучшают тем свое состояние и имеют возможность уплачивать казенные подати, если же отнять у них этого рода промышленность, то они уже не в состоянии будут несть казенные повинности и тогда казна, получив выгоду с одной стороны, может понести убыток с другой»³⁷².

В период, когда фронт был передан в аренду Министерству финансов, произошли значительные перемены во взаимоотношениях крестьян и заводской администрации, искавшей выход из кризиса крепостного хозяйства (несмотря на то, что проявился он в Алтайской приписной деревне в меньшей степени). Обозначенный выше пример отказа от организации заводского судоходства для перевозки руд, которую осуществляли крестьяне, показывает, в частности, что заводская администрация должна была принимать во внимание интересы

³⁷¹ Ведерников В. В. Начало модернизации сереброплавильной промышленности кабинетских округов Сибири в период аренды (1830–1855) // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1. С. 95.

³⁷² Копии Журнала Ученого Комитета Корпуса Горных Инженеров касательно введения судоходства по рекам Алтайского округа для перевозки руд в заводы : 18 марта 1850 г. // ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 423. Л. 116.

крестьян и следить за тем, чтобы деятельность заводов не наносила ущерб их благосостоянию. То есть, администрация соблюдала равновесие интересов, что поддерживало сбалансированность крестьянского хозяйства.

Кризис обострился на фоне поражения России в Крымской войне. Однако основным поводом его обострения считают застой в производстве.

Исследователи отмечают бедственное положение урочников перед реформой, связанное с низкой оплатой их труда и большой занятостью, не оставлявшей им возможности получать дополнительный доход³⁷³.

Нехватка хлеба приводила к усилению «попечения» о занятии хлебопашеством крестьян. Так, в 1857 г. горное правление предписывало земским управителям строго следить, чтобы крестьяне занимались хлебопашеством и не уклонялись от посева хлеба. Тем, кто не будет заниматься в течение лета хлебопашеством без уважительных причин, должно было быть разъяснено, что с наступлением осени им грозит определение в рекруты. Правление грозило забрать по несколько человек от каждой волости.

Южные волости в целом и волости Верхнего Прииртышья в частности были основными поставщиками хлеба и других продуктов на заводы. Прежде всего, это объяснялось близостью расположения поселений к заводам и рудникам, что обеспечивало удобство доставки продуктов для продажи и их сохранности.

Так, в 1847 г. в десяти волостях Бийского округа было засеяно 16990 дес. хлеба, больше половины этого количества, 9358 дес., пришлось на четыре волости Верхнего Прииртышья. Наибольшее число крестьян, занимавшихся хлебопашеством, было в Крутоберезовской волости. Здесь 92,4 % всех годных работников выращивали хлеб, что составляло 64,8 % всех ревизских душ. В Убинской волости этот показатель был меньше – 81,1 % от числа годных работников и 50,2 % от общего числа ревизских душ. В Усть-Каменогорской и Бухтарминской волостях эти показатели были еще ниже и не превышали 35 % от общего числа ревизских душ (см. Таблицу 7).

³⁷³ Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае... С. 34–35.

Таблица 7 – Процентное соотношение числа крестьян-хлебопашцев к общему числу ревизских душ и числу годных работников в волостях Верхнего Прииртышья в 1847 г.³⁷⁴

Волости	Число ревизских душ в 1847 году				
	Всего	из них			
		годных работников	занимающихся хлебопашеством	% хлебопашцев от общего числа р.д.	% хлебопашцев от числа годных работников
Бухтарминская	1454	873	509	35	58,3
Крутоберезовская	3343	2342	2165	64,8	92,4
Убинская	3094	1914	1553	50,2	81,1
Усть-Каменогорская	1735	1172	532	30,7	45,4

Согласно данным, собранным в 1851 г. Л.А. Соколовским, на 7 южных волостей приходилось 6805 дес. посевов, из которых 37846 дес. было засеяно крестьянами четырех Верх-Иртышских волостей. В этих волостях были самые высокие показатели посевов на одну р.д. среди южных волостей. Так, если в Алтайской, Чарышской и Колыванской волостях этот показатель колебался в пределах $1 \frac{7}{8}$ – $2 \frac{5}{8}$ с долями, то в верхнеиртышских волостях десятин посевов на одну р.д. приходилось: в Крутоберезовской – $2 \frac{5}{8}$, в Бухтарминской – $2 \frac{1}{2}$, в Усть-Каменогорской – $3 \frac{3}{4}$, в Убинской – $3 \frac{1}{4}$ дес. с долями³⁷⁵.

В 1860 г. в Усть-Каменогорской волости на 2457 р.д. в 5 деревнях приходилось 7374 дес. посевов, в Крутоберезовской на 5064 р.д. жителей 14 деревень приходилось $11907 \frac{5}{8}$ дес. посевов, в Бухтарминской в 1858 г. 1450 р.д. (жители 13 деревень) имели 3651 дес. посевов. (см. Приложения Щ, Э). По

³⁷⁴ Ведомость, составленная в Алтайском Горном Правлении, о посеве яровых хлебов приписными к Колывановскресенским заводам крестьянами весною сего 1847 года // ГАТО Ф. 3. Оп. 4. Д. 125. Л. 64 (об.) – 65.

³⁷⁵ Ведомость о хозяйстве приписных к Алтайским заводам крестьян // ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 63–70.

Убинской волости последние данные о посевах приходятся на 40-е г. В 1847 г. на 3094 р.д. там приходилось 1040 дес. ярицы и 3990 $\frac{1}{2}$ дес. пшеницы³⁷⁶.

Однако при продаже хлеба в южных волостях распространялась и спекуляция, о которой писал советник хозяйственного отделения Алтайского горного правления Платонов. В 1859 г. он побывал в селениях Бухтарминской и Убинской волостей в связи с необходимостью закупки провианта и отметил масштабное распространение незаконной деятельности спекулянтов, у которых выработалась определенная система работы с крестьянами. Спекулянты разъезжали по округу и, находя нуждающихся в деньгах земледельцев, закупали у них хлеб по низкой цене «на корне». Это приводило к тому, что при плохом урожае крестьянин вынужден был отдавать весь собранный урожай. После доклада Платонова Горное правление вменило земским управителям в обязанность ограждать крестьян от незаконных скупщиков, а самих скупщиков выдворять из приписных селений. Данное постановление противоречило Торговому уставу, запрещавшему ограничение торговли хлебом, однако было необходимой вынужденной мерой³⁷⁷.

Крестьяне Верхнего Прииртышья, поскольку проживали вблизи заводов и рудников Змеиногорского края, имели возможность выгодно это использовать при осуществлении отработок: выполнив собственные повинности, они нанимались также в отработки за других крестьян, прежде всего, за крестьян удаленных северных волостей.

К середине XIX в. сложившаяся практика вольного найма осуществлялась двумя способами: путем подряда крестьянами взамен себя отработчиков из расположенных ближе к заводам и рудникам волостей, а также найм отработчиков самими заводами. Заводская администрация вынуждена была прибегать к найму рабочей силы в связи с ростом объемов недоимок. Вольный

³⁷⁶ Ведомость, составленная в Алтайском Горном Правлении, о посеве яровых хлебов приписными к Колывановскресенским заводам крестьянами весною сего 1847 года // ГАТО Ф. 3. Оп. 4. Д. 125. Л. 64 (об.) – 65.

³⁷⁷ Соболева Т. Н. Очерки истории кабинеского хозяйства на Алтае... С. 183.

найм осуществлялся также из числа приписных крестьян³⁷⁸. Однако их количество было слишком небольшим, чтобы утверждать, что к 1861 г. вольный найм в горном округе преобладал. По заключению А.П. Бородавкина, доля вольных наемщиков, принятых заводами для возки руд, составляла всего 5% от общего числа возчиков³⁷⁹.

При этом горная администрация не вмешивалась в деятельность по организации найма внутри общины. Как правило, по найму осуществлялись конные работы. Это было объяснимо, поскольку именно конные отработки представляли для крестьян удаленных волостей наибольшую сложность в связи с тем, что к месту отработок нужно было привести лошадей. Хотя конные отработки раскладывались в первую очередь на крестьян тех волостей, которые находились вблизи заводов, тем не менее, крестьян в южных волостях было недостаточно, чтобы на них могло быть возложено исполнение всех повинностей, связанных с перевозками. Однако, как уже отмечалось, именно этот вид повинностей прежде всего и осуществлялся посредством найма.

Автономность общины в делах по организации найма подтверждается тем фактом, что еще в 1852 г. на запрос Министерства финансов Горный совет отвечал, что не имеет информации о числе душ, за которые отработывали крестьяне путем вольного найма, также не были известны Горному совету и цены, по которым крестьяне нанимали вместо себя отработчиков³⁸⁰.

Отсутствие контроля со стороны горной администрации и удаленность северных волостей стали причиной того, что в системе найма процветали спекуляции. Особенно ощутимо это стало к середине XIX в. Подрядчики, пользуясь удаленностью северных волостей и неосведомленностью крестьян о реальных ценах, завышали стоимость найма. Кроме того, нанимая за себя отработчиков, крестьяне не могли быть уверенными в том, что отработки

³⁷⁸ Жидков Г. П. О Наемном труде на алтайских заводах в XVIII – первой половине XIX в. // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 220–235.

³⁷⁹ Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае... С. 56.

³⁸⁰ Усольцева О. В. Проблема найма в заводские отработки в системе управления кабинетским хозяйством на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Томск, 2007. С. 40.

действительно осуществляться в полной мере и порой, сами того не зная, становились нетчиками. Таким образом, число нетчиков росло.

В 1851 г. генерал-адъютант Н.Н. Анненков провел ревизию Западной Сибири, результатом которой стала записка, инициировавшая в Горном совете обсуждение необходимости изменения условий отработок, как для исправления состояния заводов, так и для улучшения положения крестьян³⁸¹.

В 1853 г. горный начальник Л.А. Соколовский, опираясь на записку Анненкова, определял основной причиной обеднения северных волостей их удаленность от мест осуществления заводских работ: «эта дальность заставляет крестьян Северных волостей нанимать крестьян волостей Южных, живущих внутри округов, на которых происходят перевозка заводских тяжестей, пополняемая крестьянами, а что таким образом Южные крестьяне обогащаются на счет Северных»³⁸². Таким образом признавалось, что крестьяне южных волостей находятся в более выгодном положении. Фактически, признавалась важная часть хозяйственной деятельности южных крестьян – найм в отработки.

В рапорте полковника Гернгросса от 1852 г. указывалось, в частности: «Крестьяне не берегут билетов, выданных им на производство работ, частью теряют их неумышленно, являются потом за имянками в Контору и по ним производят уже работы. Но этим пользуются во зло и подрядчики для своих оборотов, забрав много билетов без передаточных надписей с весны, они задают их крестьянам Убинского отделения в зиму по цене, в которой они сойдутся; зимою, когда настанет пора перевозки, подрядчики выжидают или в руднике, или же в окрестных селениях и если почему нибудь падает цена перевозки, они имея именныя росписи, подряжают новых возчиков по низким ценам и для получения руды являются или сами, или посылают возчиков в Контору за записками вольной за души руды, предъявляя что билеты утратили»³⁸³.

³⁸¹ Афанасьев П. А. Зависимое население Алтайского горного округа и ревизия Н. Н. Анненкова 1851 г. // IV Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2007. С. 71–72.

³⁸² ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 28.

³⁸³ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1831. Л. 39.

Говоря об обеднении крестьян северных волостей, Л.А. Соколовский, тем не менее, отмечал, что «хлебопашество заводских крестьян год от году не только не уменьшается, но значительно увеличивается по всем прочим отделам», число скота и лошадей растет. Причинами обеднения он считал нерационально распределенные повинности, а также спекуляции. В отношении крестьян южных волостей мнение горного начальника было таково, что они вовсе умышленно занижают хозяйственные показатели, чтобы избежать увеличения повинностей³⁸⁴.

Л.А. Соколовский же указывал на особое значение пчеловодства в хозяйстве южных волостей: «...также точно увеличивается у них число лошадей, рогатого и прочего скота, и если в этом отношении незаметно приращение богатства Южных крестьян, скуднее других наделенных лугами и вообще удобнее для сельского хозяйства землями, то в замен того, у них более развито пчеловодство»³⁸⁵.

В условиях, когда крестьяне располагали достаточным количеством угодий для хлебопашества и скотоводства, горнозаводская администрация, столкнувшись со спецификой семейно-трудового хозяйства, не настроенного на расширение производства и, как следствие, не обеспечивавшего достаточное количество продуктов для удовлетворения заводских нужд, видела необходимость в стимуляции крестьян к максимальному использованию имеющихся ресурсов для получения большего количества продуктов³⁸⁶.

Л.А. Соколовский предлагал переложить часть отработок с крестьян северных волостей на крестьян волостей южных. Однако Горный совет отверг этот проект на том основании, что крестьяне, выполняющие отработки согласно закону, принятому еще в 1779 году, не поймут нововведений, основанных только

³⁸⁴ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 28.

³⁸⁵ Там же. Л. 28 (об.).

³⁸⁶ Усольцева О. В. Кабинетская стратегия управления алтайской приписной деревней в первой половине XIX в. (на примере правовых актов о Колывано-Воскресенском горном округе 1828 г.) / О. В. Усольцева, В. К. Шкуркина // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Томск, 2007. С. 49 ; Ее же. Проблема уравнивания крестьян в горнозаводских работах сквозь призму обсуждения ее в Горном совете 1853 г. // IV Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2007. С. 65–66.

на том, что увеличение числа отработок для одних станет облегчением для других крестьян³⁸⁷.

Н.Н. Анненков же раньше выдвинул другое предложение: отказаться от заводской повинности в форме барщины и предоставить крестьянам право выбора формы исполнения повинности: выполнить лично, выплатить деньгами или нанять вместо себя отработчиков. Само же распределение заводских повинностей должно было осуществляться в зависимости от удаленности мест проживания крестьян до мест отработок. Вырученные с крестьян деньги должны были бы идти на оплату вольных наемщиков. Однако возникло опасение, что необходимое количество людей на основании вольного найма на заводы может и не найтись³⁸⁸.

В свою очередь, надворный советник Платонов, чья записка обсуждалась в Горном совете 5 мая 1858 г., предлагал облегчить положение крестьян за счет ликвидации наиболее тяжелых работ, самой трудной из которых, по его мнению, была перевозка угля. Проект Платонова предполагал закрытие Томского завода, замену обжига древесного угля перевозкой каменного угля в Салаирском крае, и закрытие Змеевского завода: вместо него для выплавки металлов предлагалось использовать Барнаульский, Павловский и Сузунский заводы³⁸⁹.

А.П. Бородавкин делает заключение о спорадичности мелкотоварного производства, осуществляемого приписными крестьянами Алтая до реформы 1861 г., и господстве феодально-крепостнических отношений³⁹⁰. Однако если не принимать во внимание безусловную необходимость развития товарного производства в крестьянском хозяйстве, следует отметить, что крестьяне фронта активно использовали все способы получения дохода, которые были им доступны в результате включения всех возможных способов добывания денег в сферу своей хозяйственной деятельности. Феноменального развития в рамках

³⁸⁷ Усольцева О. В. Проблема найма в заводские отработки в системе управления кабинетским хозяйством на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в. ... С. 42.

³⁸⁸ Афанасьев П. А. Зависимое население Алтайского горного округа и ревизия Н. Н. Анненкова 1851 г. ... С. 73.

³⁸⁹ Усольцева О. В. Проблема найма в заводские отработки в системе управления кабинетским хозяйством на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в. ... С. 44.

³⁹⁰ Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае... С. 74.

горного округа на фронтире достигло пчеловодство, вся продукция от которого шла на продажу. По сути своей это и была товарная отрасль в рамках комплексного крестьянского хозяйства.

Кроме того, вольный найм, о котором говорилось выше, видится отработанной системой на фронтире, учитывая близость расположения деревень к заводам и рудникам. Также стоит еще раз акцентировать внимание на проблеме развития спекуляции на основе этой сложившейся системы.

По сути, добывание денег стало одной из сфер крестьянского хозяйства наравне с хлебопашеством или земледелием. Оно помогало крестьянам взаимодействовать с администрацией там, где отработок было недостаточно или они вредили самому крестьянскому хозяйству.

По-видимому, сформировав крепкую крестьянскую базу для обслуживания заводов и рудников на Верх-Иртышском фронтире, горная администрация не смогла избежать роста издержек, связанных с увеличением объемов перевозки руд и угля, а также с увеличением расстояний перевозок. Таким образом, можно говорить о том, что сами крестьяне, в конечном счете, смогли закрепиться на фронтире и использовать все возможности обеспечения своего существования, - в том числе, полученные от включения крестьянского хозяйства в состав горнопромышленного производственного комплекса. Самостоятельная деятельность крестьян в этой связи представляется более успешной, чем деятельность горнозаводской администрации по привлечению их в интересах развития округа.

С другой стороны, горная администрация не желала избавляться и от сложившейся системы. Так, генерал Соколовский, которому было поручено разработать условия для освобождения приписных крестьян Алтайского горного округа, склонялся к тому, что такая отмена должна в наименьшей степени изменить уже сложившиеся отношения. Соколовский писал, что необходимо придумать механизм, который принудил бы освободившихся крестьян выполнять те заводские работы, которые они ранее вынуждены были исполнять.

Призыв Соколовского к сохранению крестьянской общины для поддержания сложившихся взаимоотношений крестьян с заводами также имеет большое значение для процесса развития фронта. Именно так община превратилась в связующее звено, социально-культурную автономию, которая сохранилась на протяжении всего XIX в. Прежде всего, здесь следует говорить о таких «замкнутых системах», нацеленных на самосохранение и самовоспроизводство, как общины старообрядцев, – в первую очередь, общины «поляков» и казаков. Взаимодействуя с остальной частью населения волостей, они находились в состоянии консервации, успешно сохраняя собственные традиции. Эта устойчивость системы, сложившаяся под влиянием транскультурного взаимодействия на фронтире, обеспечивала и сохранение ценности труда, характерной для старообрядческой среды.

Безусловно, заводские отработки тяжелым бременем ложились на крестьян. Тем не менее, к 1861 г. крестьяне Верхнего Прииртышья – по признанию горнозаводской администрации – не только не оказались в кризисном положении (как крестьяне северных волостей, для которых заводские отработки стали причиной разорения), но и смогли использовать свое близкое положение относительно заводов для того, чтобы получать от этого выгоду посредством включения их в состав комплекса хозяйственных работ, наряду с хлебопашеством, скотоводством и промыслами. Это стало важной особенностью развития региона, заключающейся в том, что крестьяне Верхнего Прииртышья вступали в отношения найма и с заводами и рудниками, и с крестьянами других, удаленных от мест отработок, волостей. Таким образом, можно говорить о том, что найм стал одним из видов крестьянского промысла. Об этом, в частности, свидетельствует отказ горной администрации от организации судоходства по рекам горного округа, связанный с тем, что крестьяне, еще в XVIII в., наладив перевозку руд путем сплавления их по рекам, монополизировали этот способ транспортировки и сделали его важной частью собственного дохода.

Близость к заводам, рудникам, а также к военной линии сохраняла за крестьянами верхне-иртышских волостей статус основного поставщика

продовольственных продуктов. При этом в связи с доминирующим влиянием на экономику деревни Верхнего Прииртышья в XIX в. такого фактора, как заводские отработки, следует отметить, что показатели обеспеченности на одну р.д. посевами, лошадьми, скотом, как правило, были ниже доприписочных. И это является прямым указанием на изменения в составе комплексного хозяйства верхне-иртышской деревни, важной частью которого стали промыслы – прежде всего, пчеловодство. Благоприятный климат обеспечивал развитие этого промысла и получение большого количества меда, который высоко ценился на рынке. Кроме того, пчеловодством могли заниматься старики, уже не входившие в состав «годных работников».

К 1861 г. горнозаводское производство, будучи вовлеченным в процесс развития мирового промышленного производства, явно испытывало потребность в модернизации. В этой связи все структурные компоненты, в том числе приписное крестьянство как вспомогательная рабочая сила, требовали преобразования. У горнозаводской администрации в рамках крепостнической системы не было других рычагов управления постоянной рабочей силой (мастеровыми, урочниками, другими горнозаводскими работниками), кроме как контроль и надзор. Применительно к приписным крестьянам, которых нельзя рассматривать как участников производства вне собственного хозяйства, у горной администрации рычагов для повышения эффективности их участия в функционировании горно-металлургического комплекса не было вообще.

На протяжении первой половины XIX в. крестьяне Верхнего Прииртышья использовали свой адаптационный ресурс: сначала приспособились к условиям приписки, а затем, накануне реформы 1861 г., стали адаптировать всю социально-экономическую действительность под себя. В этом качестве они стали очень неудобными в плане управления ими как вспомогательной рабочей силой. Настоятельно формировалась потребность в поиске способов перехода от внеэкономических форм принуждения рабочей силы к экономическим. Приписная деревня ближайшей по отношению к заводам и рудникам периферии, в том числе и деревня Верх-Иртышского фронта, по определению попадала в

поле зрения администрации как наиболее нуждающаяся в преобразованиях. Одним словом, деревня, консолидированная изначально социокультурно признаками фронта и окончательно – интеграцией в горнозаводское производство, сформировалась как мощнейший региональный фактор промышленного, сельскохозяйственного, а также и межгосударственного развития.

Заключение

Освоение территории Верхнего Прииртышья русскими людьми пришлось на XVIII в. Происходило оно посредством того, что в 40-50-х гг. XVIII в. граница государства была обозначена на правом берегу Иртыша: военные линии отделили территорию российского государства от традиционных мест кочевий казахских племен. При этом промышленное и сельскохозяйственное освоение Верхнего Прииртышья еще не было завершено. Решение военной и экономической задач на территории, разделенной Иртышом (учитывая необходимость интегрирования ее как в систему кабинетского землевладения, так и во взаимоотношения с кочевыми народами) происходило преимущественно мирно, посредством создания культурно-хозяйственной буферной зоны. Это позволяет считать регион Верхнего Прииртышья фронтальной зоной.

Военная угроза со стороны Джунгарии, а затем – Цинского Китая обеспечила длительное сохранение значимости военного фактора на фронтире. Строительство военных линий, обеспечившее безопасность региона, активизировало хозяйственную колонизацию, которая играла роль ментального закрепления территории за Россией в условиях длительного отсутствия формальных границ. При этом важной задачей стало придание территории «исконности использования», подтверждение ее хозяйственной принадлежности к России.

Будучи богатой рудными месторождениями, территория Верхнего Прииртышья представляла интерес для государства и, в частности, Кабинета. Таким образом, изначально колонизация Верхнего Прииртышья находилась в рамках логики развития Колывано-Воскресенского горнозаводского комплекса. Верхнее Прииртышье рассматривалось горнозаводской администрацией сначала как сырьевая, а затем – с укреплением позиций русских в регионе – и как промышленная база. Близость деревень приписанных волостей к заводам и рудникам обеспечивала наиболее эффективное взаимодействие, которое

установилось еще в XVIII в., а в новых условиях претерпело качественные изменения.

Периферийное положение и сложные межконфессиональные отношения во фронтирной зоне требовали от переселявшихся в верховья Иртыша поселенцев не только задействования ресурсов социально-экономической адаптации, но и усилий для социокультурного самосохранения, что в совокупности должно было защитить их от вероятной ассимиляции. В этой связи вполне исторически удачным можно считать то, что ключевую роль в колонизации сыграли беглые старообрядцы, возвращенные в 60-х гг. XVIII в. в Россию и направленные на поселение в Сибирь. Та их часть, которая оказалась в Верхнем Прииртышье, составила группу так называемых «поляков».

Таким образом, первичное демографически-хозяйственное заполнение фронтирного пространства в необходимом и достаточном объеме для обеспечения военной линии и растущего горно-металлургического производства пришлось на вторую половину 60-х гг. XVIII в. и осуществлялось преимущественно посредством создания «польских» поселений. Решение российских властей, только что возвративших беглецов из-за одного рубежа, водворить их на поселение на другом рубеже, намного более отдаленном, выглядит продуманно. Такие действия представлялись приемлемыми и самим старообрядцам, так как вполне корреспондировались с представлениями крестьян об относительной свободе. Важным для старообрядцев фактором была близость к легендарным местам, получившим в народном сознании название «Беловодье».

Будучи старообрядцами, «поляки» были нацелены на герметизацию собственной общины, сохранение культурной идентичности. Совокупность условий, обеспечивавших сложность хозяйственного освоения фронта, определила приоритет общинного взгляда на жизнь, ощущения человеком себя как части деревенского мира. Таким образом, определяющее значение в Верхнем Прииртышье приобретала община-деревня как средоточие семейно-крестьянского труда на основе традиций и новаций. Деревня выступала в качестве

социокультурной автономии, обладавшей свойством системной целостности – в национальном, экономическом, культурном, конфессиональном планах.

Оказавшись в орбите влияния горно-металлургического производства, русские деревни Верхнего Прииртышья не были сразу включены в состав Колывано-Воскресенского горного округа, поскольку велико было значение вопросов, решение которых входило исключительно в компетенцию губернских властей. Поэтому в период со второй половины 60-х гг. до 1797 г. деревня Верхнего Прииртышья развивалась в статусе государственной.

В 1797 г. крестьяне Верхнего Прииртышья были приписаны к Колывано-Воскресенским заводам, и, как следствие, Верхнее Прииртышье вошло в состав Колывано-Воскресенского горного округа административно, а крестьяне по своему социальному статусу стали приписными. Весь дореформенный период XIX в. приписная деревня Верхнего Прииртышья интегрировалась в систему горно-металлургического комплекса. Она прошла стадии от приспособления к условиям приписки к заводам и рудникам как к неблагоприятному фактору до использования их с максимальной выгодой в своих интересах. Ключевым фактором трансформации экономики деревни Верхнего Прииртышья в дореформенный период XIX в. стали заводские отработки, поставки провианта и фуража на заводы. В рамках происходивших изменений экономика деревни, являвшая собой совокупность деятельности традиционных семейно-трудовых крестьянских хозяйств, обрела все более многоотраслевой диверсифицированный характер.

Факт приписки, имевшей инцидентный характер, безусловно, сначала вызвал социальный стресс. Сложившийся в горнозаводском округе опыт открытого социального протеста породил у крестьян иллюзию, что с помощью активного противодействия приписке можно добиться положительного результата. Крестьяне, ранее наладившие взаимоотношения с горным округом на основе вольнонаемных поставок провианта и перевозки руд, теперь оказывались в ситуации жесткой регламентации складывавшихся выгодных отношений. Прежде добровольное взаимодействие превратилось в регламентированное обязательство.

Крестьянам, уже включенным в обслуживание горно-металлургического производства до приписки, пришлось согласовывать объем своей занятости с заводами и рудниками, с общиной, так как заводские повинности теперь распределялись на всех крестьян. Что касается хозяйственной деятельности крестьян, не вовлеченных ранее в заводские работы и продажу провианта и фуража на заводы, то она серьезно затруднялась, побуждая крестьян мобилизовываться в ближайшей перспективе с ущербом для себя. Горно-металлургическое производство с этого момента стало, безусловно, внешне-конъюнктурным фактором углубления имущественного неравенства даже для социально консолидированных «польских» деревень.

Между тем, сами отработки, посредством которых крестьянам компенсировался подушный оклад, становились определенным «моральным» выходом для старообрядцев, которым ранее для добывания «живых» денег только для того, чтобы выполнить налоговые обязательства перед государством, приходилось поступаться религиозными принципами. Важно констатировать, что именно старообрядческая деревня, согласно наблюдениям путешественников, в целом была зажиточной. Это объясняется тем, что в ней сложились устойчивые хозяйственные традиции и было глубокое уважение ко всякому труду, который служил источником пополнения совокупного дохода семьи.

Следствием интеграции в систему горнозаводского производства, по расчетам С.И. Толстова, стала смена типа (отраслевой структуры) территориально-хозяйственной специализации, произошедшая в двух из четырех рассматриваемых волостях в 20-50-е гг. XIX в. Причудливое сочетание противоречивых факторов, влиявших на трансформацию хозяйственной деятельности Верхнего Прииртышья, привело к реорганизации типов комплексного самообеспечиваемого крестьянского хозяйства: если в первой четверти столетия Крутоберезовская и Усть-Каменогорская волости относились к скотоводческому типу, а Убинская и Бухтарминская – к земледельческому, то к 1850 г. произошло «возвращение» первых двух волостей к земледельческому типу хозяйствования. Волости Верхнего Прииртышья составили центр

земледельческого типа хозяйствования, достаточно своеобразный хотя бы потому, что здесь существенным элементом комплексного хозяйства стало пчеловодство. За счет определившейся жесткой специализации части поселений изменилась хозяйственная деятельность всего региона. Переориентация Убинской и Усть-Каменогорской волостей с земледельческо-скотоводческого на скотоводческо-земледельческий тип хозяйствования была вызвана необходимостью отвлекаться на заводские отработки. В результате, в крестьянских хозяйствах наибольшее значение приобретали скотоводство и промыслы как неотъемлемая часть комплексной хозяйственной деятельности. В частности, пчеловодство благодаря крестьянским хозяйствам южных волостей стало учетным параметром хозяйственной деятельности при определении объема повинностей, что нашло свое отражение в Окладных книгах. Выгодность занятия пчеловодством подкреплялась тем, что эта сфера хозяйственной деятельности крестьян практически не подвергалась ограничениям со стороны горнозаводской администрации.

Наиболее регламентируемой отраслью было хлебопашество. Власть осуществляла «попечение» об этом крестьянском занятии в связи с необходимостью гарантировать устойчивое обеспечение всего горнозаводского производства хлебом. Поскольку доставка хлеба из северных волостей, в силу отдаленности их от заводов и рудников, была более долгой, нежели из южных волостей, то крестьяне верхне-иртышской приписной деревни становились одними из основных поставщиков хлеба. Такая ситуация, с одной стороны, приводила к тому, что администрация осуществляла строгий контроль над хозяйственной деятельностью Верхне-Иртышской деревни, с другой же стороны это становилось преимуществом, которое использовали крестьяне с целью гарантированного сбыта своей продукции. Цены, установленные заводским ведомством, как правило, были ниже рыночных, однако в южных волостях спрос на продукты был стабильным, излишки хлеба, которые появлялись у крестьян, всегда были востребованы. Потребность в хлебе со стороны заводов и рудников и существовавшая конкуренция с военным ведомством, также заинтересованным в

закупке продуктов на военные линии, приводили к тому, что в южных волостях цены на продукты питания все же были достаточно высоки по сравнению с ценами в других волостях горного округа. В результате, уже к 20-м гг. XIX в. преимущество в возможности обслуживать все возрастающую потребность заводов и рудников в хлебе привело к тому, что изначально обременительная феодальная повинность превратилась в благоприятный рыночный фактор развития экономики деревни фронта.

Между тем, обозначившийся к 30-м гг. XIX в. кризис промышленного производства лишь раскрыл потенциал деревни, обеспечив возможность для крестьян – а к середине XIX в. и необходимость для горнозаводской администрации – глубже подходить к вопросу поиска баланса интересов и выстраивать отношения на взаимовыгодной основе. Это выразилось, прежде всего, в пересмотре отношения к отработкам на основе вольного найма по зачетным квитанциям вместо крестьян северных волостей. Для крестьян, живущих вблизи заводов и рудников, такой найм становился выгодным источником дохода. Это признавалось Горным советом, перед которым стояла задача использовать сложившиеся подрядные отношения как элемент управления. В то же время, уровень развития спекулятивных практик, существовавших к 50-м гг. XIX в., когда Горный совет активно рассматривал проблему преобразования горнозаводского ведомства с учетом сохранения благосостояния крестьян, оказался настолько высок, что причинял неудобство горнозаводскому ведомству в связи со срывом практики универсального управления крестьянством северных и южных волостей. Первые оказывались в кабале по причине завышения цен на найм в отработки южными крестьянами, а для последних стали возрастать риски неоплаты дополнительных объемов работы. Отметим, что в горнозаводскую конъюнктуру крестьянство приписной деревни Верхнего Прииртышья интегрировались в массе своей не отдельными семейно-трудовыми крестьянскими хозяйствами, а посредством такого экономического элемента, как «деревня-община». К середине XIX в. коммерциализация деревенской экономики (несмотря на то, что ей удавалось оставаться в традиционном укладе) повлияла на

то, что положение «деревни-общины» вновь вошло в противоречие со старообрядческими представлениями о хозяйственной деятельности и образе жизни крестьян. Если раньше отношения найма признавались горной администрацией (на основе существующего законодательства) сугубо общинным делом, то теперь Горный совет стремился взять под свой контроль осуществление наемных сделок и отработок для пресечения злоупотреблений и увеличения числа нетчиков.

Итак, проявлением достигшего критического уровня кризиса кабинетского землевладения юга Западной Сибири к середине XIX в. стал крах феодального способа управления крестьянством как обслуживающим горно-металлургическое производство фактором. Линейное директивно-адресное управление крестьянами, унифицированное для всего округа, не просто утратило свою продуктивность, а стало контрпродуктивным. Приписные крестьяне, особенно крестьяне южных волостей (в частности – крестьяне Верхнего Прииртышья) стали крайне неудобными в управлении для решения задач по развитию горно-металлургического производства. Вольно или невольно, горная администрация вынуждена была учитывать интересы крестьян, которые все более затруднительно согласовывались с запросами горнозаводского ведомства как такового. Таким образом, приписная деревня Верхнего Прииртышья, не просто приспособилась к условиям приписки, а в процессе интеграции в горно-металлургический комплекс стала адаптировать его под себя. Кабинет не мог допустить исподволь формировавшуюся субъектность приписной деревни, что, наряду с прочим, и предопределило реформу 1861 г. на Алтае.

Во избежание идеализации сложившихся взаимоотношений между деревней Верхнего Прииртышья и горнозаводской администрацией следует помнить, что большей внутренней способностью к трансформации обладали богатые крестьянские хозяйства, средние и бедные хозяйства в большей степени страдали от происходивших изменений. Если внутреннего ресурса для адаптации не хватало, крестьяне использовали различные способы сопротивления: от игнорирования указаний горнозаводского начальства и торговли продуктами

скотоводства и земледелия в обход установленных запретов, до побегов – то есть, исключения себя из структуры складывающихся отношений. Побег на фронтире приобретали особое звучание, по определению получая идеологическое обоснование, связанное с близостью если не самого легендарного Беловодья, то пути к нему.

Итак, приписка стала очередным испытанием способностей к адаптации для «поляков», которые изначально переселялись в верховья Иртыша на правах государственных крестьян. Смена условий хозяйствования требовала существенных изменений, однако крестьяне смогли перестроиться и организовать свою жизнедеятельность с учетом новых факторов: не только природно-климатических и этнокультурных (как на момент поселения), но и факторов жесткой экономической конъюнктуры, представлявшей собой совокупность собственно экономических и внеэкономических методов принуждения.

Заселение, хозяйственное освоение, интеграция деревни Верхнего Прииртышья в кабинетское землевладение юга Западной Сибири происходило под серьезной защитой общины, страхующей всякие риски отдельного крестьянского хозяйства и под опекой власти – особенно после приписки к заводам и рудникам, которые вместе нивелировали социальную жизнь деревни в пределах ее традиционности. И то, и другое нельзя считать тормозящими развитие обстоятельствами, а даже наоборот – это было позитивное управляющее воздействие, поскольку, как и при феодальном способе производства, так и при капиталистическом, крестьянство участвует в нем традиционным деревенским укладом.

Оказавшись в условиях жесткого, по факту – феодального подчинения, крестьяне сохранили свою идентичность. Фронтирность локальной жизни и хозяйственной деятельности крестьян Верхнего Прииртышья своей яркой выраженностью подтвердила способность к выживанию традиционного крестьянского хозяйства в таких экстремальных условиях, как приписка, и обеспечила преуспевание его благодаря старообрядческой идентичности, помогающей избегать опасностей капитализации.

Диссертационное исследование подтверждает положение об экономической и социокультурной неоднородности приписной деревни юга Западной Сибири на примере Верхнего Прииртышья в дореформенный период. Типологическая локализация приписной деревни открывает новые перспективы для ее дальнейшего изучения посредством создания возможности для введения репрезентативного уровня эмпирической источниковой базы, выводящей на новые теоретические обобщения и, как следствие, на адекватное понимание особенностей кабинетского землевладения в России.

Список использованных источников и литературы

Источники

Законодательные источники

1. Высочайше утвержденное Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов от 8 марта 1861 г. // ПСЗ. Собр. второе. – СПб., 1863. – Т. 36. – № 36719. – С. 438-450.
2. Высочайше утвержденное Учреждение о управлении Колывано-Воскресенских горных заводов от 16 апреля 1828 г. // ПСЗ. Собр. второе. – СПб., 1830. – Т. 3. – № 1960. – С. 405–440.
3. Высочайше утвержденные Правила о передаче в ведомство Кабинета Его Императорского Величества принадлежащих оному Алтайских и Нерчинских заводов от 27 мая 1855 г. // ПСЗ. – Собр. второе. – СПб., 1856. – Том 30. – № 29365. – С. 384–387.
4. Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии о сформировании в Сибири для защищения сего края пяти пехотных и двух конных полков, из выводимых из Польши беглых Российских подданных, и о поселении тех из них, кои в военную службу не годны в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества от 29 ноября 1763 г. // ПСЗ. Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.979 – С. 436.
5. Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии о сформировании в Сибири для защищения сего края пяти пехотных и двух конных полков, из выводимых из Польши беглых Российских подданных, и о поселении тех из них, кои в военную службу не годны в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества от 29 ноября 1763 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830 – СПб., 1830. – Т. XLIII, Ч. I : Книга штатов : Отделение I. – С. 35–39.
6. Высочайше утвержденный доклад Кабинет-министров «Об учреждении в Смоленской Губернии крестьян от побегов и о забрании в Польше

Российских беглецов находящимися там Российским войсками» от 31 июля 1734 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. IX. – № 6609. – С. 380–383.

7. Высочайше утвержденный доклад управляющего Кабинетом генерал-майора Донаурова «О восстановлении существовавшей по 1779 год Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства» от 3 марта 1797 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17862. – С. 507.

8. Высочайшие резолюции на докладные пункты Синода «О предметах, подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дела, о решении оных, о розыске, наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о не укрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшаго Синода» от 12 апреля 1722 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830 – Т. VI. – № 3963. – С. 652.

9. Горный устав // Свод законов Российской империи. – СПб, 1857. – Т. 7 : Уставы монетный, горный и о соли. – С. 43–496.

10. Именной императорский указ, состоявшийся в Сенате «О взыскании особой подати с бородачей и о ношении ими особаго платья» от 6 апреля 1722 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3944. – С. 641–642.

11. Именной указ, данный Действительному Тайному советнику Фитингофу «О разведении ревеня в местах к тому способных и назначении награждения тем людям, кои тому способствовать будут» от 2 октября 1789 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XXIII. – № 16.808. – С. 84.

12. Именной указ, данный из Кабинета Ея Величества Военной Коллегии «Об отправлении Смоленского гарнизоннаго полка на Великие Луки для распределения по форпостам до самой Лифляндской границы и об удержании крестьян от побегов в Польшу» от 19 мая 1739 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. X. – № 7807. – С. 778.

13. Именной указ, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым «О сочинении особаго положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в отечество с тем, чтобы им в отправлении

закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было» от 29 января 1762 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XV. – № 11.422. – С.895.

14. Императорский указ «О взятии в казну Колывано-Воскресенских и прочих заводов умершего действительного Статского Советника Акинфия Демидова ; о поселении близ оных заводов пришлых в Сибирь людей и о зарабатывании им там государственных податей» от 12 мая 1747 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XII. – № 9403. – С. 700-701.

15. Императорский указ «О переводе в ведение Министра финансов Колывано-Воскресенских и Нерчинских сереброплавильных заводов» от 14 апреля 1830 г. // ПСЗ. – Собр. второе. – СПб., 1831. – Т. 5 : Отделение первое. – № 3604. – С. 335–336.

16. Манифест «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякого звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 лет» от 15 мая 1763 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.815. – С. 247–248.

17. Манифест «О дозволении находящимся в Польше, Литве и Курляндии, беглым Российским солдатам и другаго звания людям, выходить безпрепятсвенно в Ригу, и тамъ поступать в фортификационные работы и в Дворцовые крестьяне» от 5 ноября 1759 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XV. – № 11.007. – С. 388.

18. Манифест «О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое Отечество русских людей, бежавших за границу» 4 декабря 1762 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.720. – С. 126–127.

19. Манифест «О свободном возвращении в Россию беглых солдат, крестьян и всякого звания людей, ушедших за границу, и о явке их к пограничному начальству в полтора месяца от объявления сего указа» от 11 июня 1734 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. IX. – № 6586. – С. 330–331.

20. Манифест «О учинении вновь переписи незаписавшимся потаенным раскольникам и о положении их в оклад» от 3 марта 1764 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб. 1830. – Т. XVI. – № 12.067. – С. 596–597.

21. Манифест «Об отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецов в Россию, ушедших в разные времена в Литву и Польшу» от 2 января 1761 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Том XV. – № 11.179. – С. 595-596.

22. Манифест по случаю коронования императрицы Екатерины II «О прощении вин впадшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» от 22 сентября 1762 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.667. – С. 69–70.

23. Регламент или Устав Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VI. – СПб., 1830. – № 3718. – С. 342–343.

24. Сенатский указ «О ведомостях штрафными деньгами за небытие у исповеди и за распространение раскола» от 7 декабря 1726 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VII. – № 4984. – С. 712–713.

25. Сенатский указ «О воздержании духовных лиц от неприличных сану их поступков, при следствиях по делам раскола, и об употреблении им, для обращения заблудшихся, меча духовнаго, а не гражданского» от 19 июня 1761 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XV. – № 11.277. – С. 733-736.

26. Сенатский указ «О выборе Комиссаров для возвращения беглых Русских людей из Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830 – Т. VII. – № 4273. – С. 94–95.

27. Сенатский указ «О выдаче Польских беглых, живущих в Киеве» от 5 апреля 1784 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 12.125. – С. 703.

28. Сенатский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеуцкаго озера о построении там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам : Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в Иртыш реку, Русскими

людьми до 2000 человек» от 17 октября 1760 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XV. – № 11.124. – С. 535.

29. Сенатский указ «О записке и отсылке в Сибирь не добровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов и о зачете крепостных людей владельцам их за рекрут» от 11 мая 1795 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830 – Т. XVII. – № 12.396. – С. 132-133.

30. Сенатский указ «О мерах для возвращения в Россию укрывающихся в Польше и Литве российских подданных, воров и разбойников» от 12 августа 1763 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.894. – С. 331–334.

31. Сенатский указ «О мерах к принуждению приписных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян исполнять возложенные на них работы» от 25 июля 1782 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XXI. – № 15.476. – С. 636-644.

32. Сенатский указ «О мерах ко взысканию с раскольников и бородачей положенного с них двойного оклада; об увещании тех, которые захотят вступить в раскол и о положении с них оклада против раскольников вдвое и о подтверждении указа 1825 Июля 7 касательно выбора раскольников в счетчики» от 12 декабря 1826 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Том VII. – № 4985. – С. 713–715.

33. Сенатский указ «О нарядах приписых к Колывано-Воскресенским Томских крестьян в заводские работы и взыскания с них подушных денег» от 26 февраля 1782 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830 – Т. XXI. – № 15.355. – С. 408-417.

34. Сенатский указ «О непропуске беглых за Польский рубеж и о наблюдении стоящим на заставах драгунам осторожности от нападения разбойнических партий выходящих из Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VII. – № 4273. – С. 336–338.

35. Сенатский указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах означенных в прилагаемом у сего реестре» от 14 декабря 1763 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.725. – С. 130.

36. Сенатский указ «О поступании с раскольниками, касательно подстрижения ими бород, по-прежнему и о ношении указанного платья тем, которые плотно бород не подстригают» от 12 июня 1922 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 4034. – С. 720.

37. Сенатский указ «О приеме на поселение в учреждающиеся в Сибири полки из выведенных из Польши беглых Российских подданных» от 30 апреля 1764 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 12.149. – С. 737–739.

38. Сенатский указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян в зачет их за рекрут, и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян по назначенной в сем указе цене» от 13 декабря 1760 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XV. – № 11.166. – С. 582–584.

39. Сенатский указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает» от 20 декабря 1863 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.738. – С. 140–141.

40. Сенатский указ «О свободном возвращении беглецам в Россию с публикации сего указа в два месяца» от 17 января 1734 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. IX. – № 6534. – С. 254–256.

41. Сенатский указ «О сборе денег с раскольников и бородачей по окладам в городах и слободах Камерирам, а в уездах Комиссарам» от 11 марта 1726 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Том VII. – № 4851. – С. 585.

42. Сенатский указ «О сборе оброка с Сибирских крестьян, вместо хлеба и пеньки, деньгами; о поселении ссылочных; о выдаче им хлеба для посева безвозвратно и о покупке им лошадей для пашни; об употреблении ссылочных для препровождения судов с провиантом и о поселении ямщиков для подводной гоньбы» от 6 августа 1762 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 11.633. – С. 39–42.

43. Сенатский указ «О сборе со всех явившихся по поданным сказкам раскольников положенного на них оклада» от 29 декабря 1764 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 12.301. – С. 1017–1018.

44. Сенатский указ «О хождении на исповедь повсегодно, о штрафе за неисполнение сего правила, и о положении на раскольников двойного оклада» от 8 февраля 1816 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. V. – № 2991. – С. 166.

45. Сенатский указ в подтверждение указа 3 марта 1764 г. «О взыскании двойного оклада с явившихся потаенных раскольников» от 16 ноября 1764 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. XVI. – № 12.281. – С. 963–964.

46. Указ «О неопределении раскольников ни к каким делам и о выборе их только в счетчики» от 7 июля 1723 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VII. – № 4750. – С. 321–322.

47. Указ Синода «О объявлении раскольниковых рукописных книг Духовным правителям» от 15 октября 1724 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VII. – № 4578. – С. 355–356.

48. Указ Синода «О присылке ведомостей о небывших на исповеди и о раскольниках, а равно и штрафных денег в Святейший Синод» от 7 марта 1722 г. // ПСЗ. – Собр. перв. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3914. – С. 513–514.

Делопроизводственные документы

49. Выписка из журнала Колывановоскресенской Горной экспедиции о порядке заготовления провианта на 1786 г. // ГААК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 273. – Л. 116–117(об.).

50. Ведомость о количестве озимового хлеба, засеянного по осени 1847 года приписными к Колывановоскресенским заводам крестьянами по каждой волости порознь, с замечаниями о выходах сих хлебов // ГАТО – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 286–287.

51. Ведомость, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей с 15 Июня по 1 число Июля [1847 г.], о повреждении разного рода хлеба, от выбития градом и кобылкою, а так же от

вымочки вешней водой, так называемой подпарки // ГАТО – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 51–52.

52. Ведомость, составленная в Алтайском Горном Правлении, о посеве яровых хлебов приписными к Колывановсокресенским заводам крестьянами весною сего 1847 года // ГАТО – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 61–73.

53. Ведомость, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о поврежденном хлебе с 15 по 22 Июля 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 93–94.

54. Ведомость, составленная Убинским Земским Управителем о продаже крестьянами Убинского Отделения Жизненных припасов за январь месяц 1849 года // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 8782. – Л. 16–17.

55. Владетельная выпись, выданная Тобольской губернской канцелярией капитану Семипалатинского полевого батальона Антону Францевичу Дегарига 28 июля 1776 г. // РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 65 (об.)–66.

56. Выписка ведения приписным к Колывановсокресенским заводам крестьянам просящим из разных волостей и деревень, на новые места переселения, в каком жительства их ныне от заводов и рудников, также и новые к переселению места в разстоянии // РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 51.

57. Выписки о всходах всех озимых хлебов и сенокосных трав : В Алтайское Горное правление, 1847 г. // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 4–6, 21–23, 25, 30–32.

58. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о произрастании озимова и яровах хлебов и сенокосных трав с 15 июня по 1 июля 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 49–50.

59. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о произрастании озимых и яровых хлебов и сенокосных трав с 15 по 22 июля 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 95–96.

60. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о произрастании озимых и яровых хлебов 22 июля по 1 августа 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 102–103.

61. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о произрастании озимых и яровых хлебов и поставке сена с 1 по 8 августа 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 114–115.

62. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о произрастании хлебов и уборке их также и поставке сена с 8 по 15 Августа 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 121–122.

63. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о жатве и уборке с полей хлебов, также и о поставке сена с 15 по 22 Августа 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 131–132.

64. Выписка, составленная в Алтайском Горном Правлении из донесений Земских Управителей о о произрастании озимовых и яровых хлебов и сенокосных трав с 1 по 15 мая 1847 года // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 125. – Л. 203–204.

65. Доношение земского управителя Ахвердова Его Превосходительству Г-ну Действительному советнику Колывано-Воскресенских заводов начальнику и кавалеру Гаврилу Семеновичу Качке за № 758 от 6 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 104–104 (об.).

66. Его благородию г-ну титулярному советнику Ахвердову от бергауптмана Василия Чулкова от 4 августа 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 133 (об.).

67. Журнал Горного Совета Алтайского горного правления : о горном совете на 1853 год // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1831. – Л. 16-59.

68. Именные списки Усть-Каменогорской слободы Колыванского наместничества за 1795 г. // ГААК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 831. – 409 л.

69. Имянной список, учиненный из поданной к пятой ревизии сказок, написанным по оной ревизии к платежу государственных податей Семипалатинской округи Усть-Каменогорской слободы в селениях и с приписанным к заводам економическим крестьянам (1795 г.) // ГААК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 831. – Л. 1–8 (отдельная нумерация).

70. Копии Журнала Ученого Комитета Корпуса Горных Инженеров касательно введения судоходства по рекам Алтайского округа для перевозки руд в заводы от 18 марта 1850 г. // ГААК. – Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 423. – Л. 6–116.

71. На предписание № 1 по предмету неисполнения крестьянами заводских работ с проч. [Составил Горный начальник полковник Соколовский, при этом он опирается на заключение Анненкова генерал-адъютанта Анненкова] : 5 Мая 1852 года // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1282. – Л. 17-70.

72. О доставке сведений по предмету урожая картофеля : 21 Ноября 1847 года // ГААК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 46. – 43–48(об.).

73. О Киргизах просящихся к приписке в заводские крестьяне // ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 18. – Д. 123. – Л. 97–107.

74. Окладная книга Крутоберезовского волостного правления всех одиннадцати деревень о скотоводстве, хлебопашестве и заводских работах, подушном зборе и прочих повинностях за 1838 г. // ГААК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 122.

75. Окладная книга Крутоберезовского волостного правления ведения онаго всех одиннадцати деревень числу ревизских душ мужеского пола о скотоводстве, пчеловдстве, хлебопашестве, о заводских работах, о зборе подушных податей и повинностей на 1844 г. // ГААК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 158.

76. Окладная книга Крутоберезовского волостного правления по сбору с крестьян подушной подати и прочих повинностей и по расположению в заводские работы на 1860 г. // ГААК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 161.

77. Окладная книга Убинской волости по сбору с крестьян податей и прочих повинностей и исправлению заводских работ на 1841 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 15.

78. Окладная книга, содержащаяся в Убинском волостном правлении, по сбору с кретьян податей и прочих повинностей, исправлению заводских работ на 1841 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 15.

79. Окладная книга Убинской волости по сбору с крестьян подушной и других податей и исправлению заводских работ на 1842 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 16.

80. Окладная книга Крутоберезовской волости по сбору подушной подати и расположению крестьян на заводские работы на 1839 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 2.

81. Окладная книга, содержащая Усть-Каменогорским волостным правлением по сбору с крестьян податей и по исправлению заводских работ на 1841 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 14.

82. Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору подушной подати и исполнению крестьянами заводских работ на 1843 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 17.

83. Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору подушной подати и исполнению крестьянами заводских работ на 1844 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 20.

84. Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору подушной подати и исполнению крестьянами заводских работ на 1846 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 21.

85. Окладная книга Усть-Каменогорским волостного правления по сбору с крестьян податей и по исправлению заводских работ на 1860 г. // ГААК. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 27.

86. Описание деревни Прапорщиковой за 1798 г. / РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 60 (об.).

87. От землемера Харламова форпоста Красноярского к линейным делам // РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 67 (об.).

88. Письмо генерал-губернатора Западной Сибири горному начальнику Алтайских заводов Генгроссу. 27 октября 1857 г. // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1431. – Л. 1–1(об.).

89. Постановление Канцелярии по предложению конторы Змеиногорских рудников о запрещении крестьянам окрестных деревень продавать хлеб «в

вольные руки, кроме Змеиногорского рынка» от 20 декабря 1827 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 3714. – Л. 107–110(об.).

90. Постановление Алтайского горного правления о принятии мер к усилению хлебопашества между приписными к Алтайским заводам крестьянами // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1497. – Л. 15–16.

91. Протокол заседания горного совета от 18 марта 1853 г. // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 11. – Д. 64. – 184 л.

92. Рапорт берг-гауптмана Чулкова в Канцелярию Колывано-Воскресенского Горного начальства от 7 сентября 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 139–140 (об.).

93. Рапорт в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от земского управителя титулярного советника Ахвердова от 28 июня 1798 г. № 5053 // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 90–90 (об.).

94. Рапорт в кабинет Его Императорского Величества Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 25 октября 1801 г. // РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 106–106 (об.).

95. Рапорт Василия Чулкова Гавриле Симоновичу Качке от 7 августа 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 129–130.

96. Рапорт Его превосходительству Действительному советнику Колывано-Воскресенских заводов начальнику и кавалеру Гаврилу Симоновичу Качке от земского управителя титулярного советника Ахвердова от 28 июня 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 91–91 (об.).

97. Рапорт земского управителя титулярного советника Ахвердова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства от 15 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 108.

98. Рапорт Крутоберезовской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василью Исаевичу Ахвердову № 663 от 7 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 111–112.

99. Рапорт от Крутоберезовской земской избы земскому управителю Ахвердову за № 6303 от 4 августа 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 122–125 (об.).

100. Рапорт о получении указа в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства Земского управителя Ахвердова от 18 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 96.

101. Рапорт от командующего войсками Сибирской дивизии и линиями генерал-майора и кавалера князя Горчакова в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства. № 6302 от 6 августа 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 121–121(об.).

102. Рапорт Убинской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василью Исаевичу Ахвердову № 598 от 26 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 110–110 (об.).

103. Рапорт уездного землемера прапорщика Медынцова высокородному и превосходительному господину Генерал Майору Колыванской Губернии Губернатору, и ордена Святого равноапостольного Князя Владимира большого креста второй степени кавалеру Борису Ивановичу Меллеру // РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 66 (об.)–67.

104. Рапорт из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Кабинет Его Императорского Величества от 17 сентября 1798 г. с приложением копии рапорта В.С. Чулкова от 7 сентября 1798 г. // РГИА. – Ф. 1374. – Оп. 1. – Д. 221. – Л. 54–65 (об.).

105. Рапорт унтер-штейгера Тарасова Высокоблагородию и высокопочтенному г-ну берг-гауптману Василию Сергеевичу Чулкову от 19 августа 1789 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 138 (об.).

106. Рапорт Усть-Каменогорской земской избы благородному и почетному земскому управителю титулярному советнику Василью Исаевичу Ахвердову № 614 от 8 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 109–109 (об.).

107. Расписание, составленное в Алтайском Горном Правлении о том, сколько в каких волостях приписных к Алтайским заводам крестьян, состоит в

1853 году, сколько на них работ расположено по назначению Совета сего года и где они исправлять их должны // ГАТО. – Ф. 2. – Оп. 1831. – Д. 1. – Л. 29–30.

108. Ревизские скаски переписи населения Колыванской губернии по пятой ревизии за 1795 г. // ГААК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 813.

109. Ревизские скаски переписи населения по пятой ревизии Колыванской губернии за 1795 г. // ГААК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 819.

110. Резолюция Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 28 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 115–117(об.).

111. Рекомендация управителю Ахвердову за № 5724 от 17 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 106.

112. Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Большереченская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 36.

113. Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Верх-Убинская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 33(об.)–34(об.).

114. Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Зевакиной // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 28(об.)–29.

115. Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Крутоберезовская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 26.

116. Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Секисовская и Малая Убинская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 31–32.

117. Свидетельство о спорной грани хутора князя Еристова и деревни Бобровской // РГИА. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 456. – Л. 66 (об.).

118. Список с представлением ведомости о продаже жизненных припасов : 10 сентября 1830 года // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 8055. – Л. 294–295.

119. Список с росписаний о расположении на 1845 год крестьян в заводские работы // ГААК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 671. – Л. 1–15(об.).

120. Указ Его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывановоскресенского Горного Начальства Г-ну Земскому управителю Ахвердову от 10 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 95–95 (об.).

121. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за № 5728 от 17 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 99.

122. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за № 5729 от 17 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 98–98 (об.).

123. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства за № 5730 от 17 июля 1798 г. // ГААК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 101–101 (об.).

124. Формулярный список Змеиногорского рудника 9-й статьи бергайерах, рудокопах, горных и вечных работниках и о прочих служителях за 1806 г. // ГААК. – Ф. 60. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 1–851.

125. Доношение руководителя Воскресенского (Колывано-Воскресенского) завода Никифора Клеопина в Сибирский обергбергamt о неповиновении и вооруженном выступлении крестьян, посланных для возведения предприятия. 23 октября 1729 г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998 / Редкол. : В. Б. Бородаев, О. Н. Дударева, и др. – Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1998. – С. 41–44.

126. Протокол допроса Ивана Бобина и его товарищей А. Е. Беляева, М. Ф. Гусельникова, А. В. Исаковых, Ф. М. Махонина, М. О. Розмахина, С. И. Тархова – участников вооруженного выступления на строящемся Воскресенском (Колывано-Воскресенском заводе), высланных для дальнейшего следствия в г. Кузнецк. 5 августа 1729 г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998 / Редкол. : В. Б. Бородаев, О. Н. Дударева и др. – Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1998. – С. 46–49.

127. Протокол допроса Ивана Порсева, одного из руководителей вооруженного выступления строителей Воскресенского (Колывано-Воскресенского) завода, раненного и схваченного во время побега. 5 августа 1729

г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998 / Редкол. : В. Б. Бородаев, О. Н. Дударева и др. – Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1998. – С. 50–52.

128. Список участников вооруженного выступления государственных крестьян, посланных на строительство Воскресенского (Колывано-Воскресенского) завода : 5 августа 1729 г. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998 / Редкол. : В. Б. Бородаев, О. Н. Дударева, и др. – Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1998. – С. 44–46.

Статистические материалы

129. Обзор Томской губернии за 1881 год : приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск : Губернская типография, 1882. – 77 с.

130. Обзор Томской губернии за 1882 год : приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск : Губернская типография, 1883. – 68 с.

131. Обзор Томской губернии за 1883 год : приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск : Губернская типография, 1884. – 108 с.

132. Обзор Томской губернии за 1884 год [Электронный ресурс] : приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. – Томск : Губернская типография, 1885. – 124 с.

133. Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / отв. ред. П. А. Голубев. – Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. – 436 с.

134. Западная Сибирь : губернии Тобольская и Томская / Сост. М. Петров ; Геогр. комиссия при учебн. отд. О-ва распр. техн. знаний. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 205 с.

135. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. – СПб. : Типография II отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1854. – Ч. 1. – 359 с.

136. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. – СПб., 1854. – Ч. 2. – 697 с.

Публицистика

137. Ваганов Н. А. Казачий вопрос на Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. – Барнаул : Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2009. – Ч. 3. – С. 103–156.

138. Верещагин В. И. Очерки Алтая / В. И. Верещагин. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1927. – 84 с.

139. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта : (общий очерк за XVII и XVIII столетия) : с приложением списка населенных мест Колыванской области за 1782 г. – Томск, 1898. – 138 с.

140. Вольский З. Вся Сибирь : справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири / З. Вольский. – СПб. : Изд-во при первом С.-Петербург. адресном деле, 1908. – 582 с.

141. Голубев П. А. Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтайский сборник. – Барнаул, 2004. – Выпуск XXI. – С. 143–179.

142. Голубев П. Очерки сибирской жизни // Северный вестник. – №2. – СПб. : Типография В. Демакова, 1890. – С. 64–76.

143. Голубев П. Очерки сибирской жизни и положение переселенцев на Алтае // Юридический вестник. – Т. XI. – Кн. 1–2. – М. : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1892. – С. 125–169.

144. Гребенщиков Г. Д. Река Уба и убинские люди (Литературно-этнографический очерк) // Алтайский сборник : Издание Алтайского подотдела Императорского Русского географического общества. – Барнаул, 1912. – Т. XI. – С. 1–80.

145. Завалишин И. Описание Западной Сибири / И. Завалишин. – М. : Типография Грачева и комп, 1865. – Т. 2 : Томская губерния. – 414 с.

146. Зобнин Н. М. Положение рабочих // Алтай : Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития алтайского горного округа. – Томск, 1890. – С. 391–415.

147. Зобнин Н. М. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник / Издание Общества любителей исследования Алтая. – Томск : Паровая Типо-Литография П. И. Макушина, 1894. – Т. 1, вып. 1 – С. 1–75.

148. Зобнин Н. М. Приписные крестьяне на Алтае / Н. Зобнин // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. – Барнаул : Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2009. – Ч. 3. – С. 159–228.

149. Иосса Н. Причины упадка горнозаводского производства Алтая // Горный журнал. – Спб : Типография и Хромолитография А. Траншеля, 1885. – Т. 3, № 8. – С. 450–482.

150. Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В. В. Кирьяков. – М. : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко, 1902. – 370 с.

151. Кулибин А. И. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1838 г. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX веков. / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 103–160.

152. Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс] / М. И. Лилеев. Вып. 1. – Киев, 1895. – Электрон. версия печат. публикации – URL: <https://books.google.ru/books?id=zP75AgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Лилеев+М.+И.+Из+истории+раскола+на+Ветке+и+в+Стародубье+XVII–XVIII+вв.&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwi->

28eS8KjSAhUzSJoKNWaTABEQ6AEIGjAA#v=onpage&q=Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.&f=false (Дата обращения: 24.02.2017)

153. Меньшенин Д. Об успехах Горного Промысла в России // Горный журнал. – СПб. : Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1829. – Ч. 1, Кн. 2. – С. 147–228.

154. Мушкетов И. В. Минеральные богатства Алтая // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 335–368.

155. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год : (соч. Майора Кулибина) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. I, кн. I. – С. 158–180.

156. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год (Продолжение) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. I, кн. II. – С. 326–361.

157. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год (Продолжение) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. I, кн. III. – С. 568–599.

158. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год (Продолжение) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. II, кн. IV. – С. 144–164.

159. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год (Продолжение) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. II, кн. V. – С. 314–342.

160. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год (Продолжение) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. II, кн. VI. – С. 546–571.

161. Описание Колывановоскресенских заводов по 1833 год (Продолжение) // Горный журнал. – СПб., 1836. – Ч. II, кн. VII. – С. 158–182.

162. Потанин Г. Н. Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 299–332.

163. Рожков В. Акинфий Никитич Демидов на своих Колывановоскресенских заводах. Исторический очерк 1744–1747 годов // Горный журнал. – СПб. : Хромофотография А. Траншель, 1891. – Т. 3, № 8. – С. 372–355.

164. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Ред. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. – СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1907. – Т. 16 : Западная Сибирь. – 591 с.
165. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II : Т. I // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. – Т. 8. – СПб. : Типография Ф. С. Сущинского, 1881. – 506 с.
166. Семевский В. И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII века / В. И. Семевский. – [Б. м. ; б. и.], 18..?. – 29 с.
167. Семевский В. И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII века // Русская мысль. – № 1. – 1900. – С. 1–29.
168. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886. – Кн. 2 : С 1742 по 1823 год. – 364 с.
169. Спасский Г. И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников и из других сведений / Г. И. Спасский. – СПб. : Типография и Литография А. И. Мюнстера, 1877. – 106 с.
170. Тыжнов И. И. Из истории горнозаводского населения на Алтае (Материалы для истории крепостного права в Сибири) // Алтайский сборник. – Т. VI. – Барнаул, 1907. – 159 с.
171. Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий / И. И. Тыжнов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – 254 с.
172. Тыжнов И. И. Из истории горнозаводского населения на Алтае (материалы для истории крепостного права в Сибири) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. – Барнаул : Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2009. – Ч. 3. – С. 331–442.
173. Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае (Выдержки из дневника) // Северный вестник : журнал литературно-научный и политический. – СПб. : Типография В. Демакова, 1890. – № 9. – С. 39–74.

174. Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Омск, 1898. – Книжка XXV. – С. 1–16.

175. Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Омск, 1899. – Книжка XXVI. – С. 1–92.

176. Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. – Барнаул : Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2007. – Ч. 2. – С. 425–494.

177. Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1898. – Книжка XXV. – С. 1–64.

178. Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири : Доклад Н.М. Ядринцева (по случаю торжества 300-летия Сибири) / Н. М. Ядринцев. – СПб. : Типография Суворина, 1884. – 36 с.

Источники личного характера

179. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / отв. ред. О. Н. Вилков, А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1993. – 415 с.

180. Небольсин П. А. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 209–226.

181. Небольсин П. А. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул / А. П. Небольсин. – СПб. : типография И. Глазунова и Ко, 1850. – 253 с.

182. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санктпетербургской императорской Академии наук / П. С. Паллас. – СПб., 1770. – Ч. 2, кн. 2. – 571 с.

183. Паллас П. С. Путешествие по разным местностям Российского государства // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 10–22.

184. Паллас П. С. Путешествие по разным местностям Российского государства // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : Алт. краев. универс. науч. библиотека им. В. Я. Шишкова, 2009. – Ч. 3. – С. 16–44.

185. По восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 году В. И. Верещагина // Алтайский сборник. – Барнаул : Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1907. – Т. VI. – 101 с.

186. Путешествие д-ра Радлова чрез Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану. – Томск : Типография губернского правления, 1881. – 95 с.

187. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – М. : Дрофа, 2007. – 381 с.

188. Фальк И. П. Записки путешествия // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 23–54.

189. Финш О. Путешествие в Западную Сибирь / О. Финш, А. Брэм // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1 – С. 229–264.

190. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай / П. Чихачев. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. – 360 с.

191. Щуровский Г. Е. Геологическое путешествие по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 164–206.

192. Ядринцев Н. М. Алтай и его инородческое царство (очерки путешествия по Алтаю) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 267–296.

193. Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. – Омск, 1880. – Кн. 2. – С. 19–148.

Литература

194. Агапова Т. И. Внутритранспортная проблема кабинетского хозяйства в первой трети XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода : (Бахрушинские чтения, 1969) / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1973. – С. 336–352.

195. Агапова Т. И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения АН СССР, 1962. – Вып. 1 : Сибирь XVII–XVIII вв. – С. 207–228.

196. Агапова Т. И. Из истории классовой борьбы на Алтайских горных предприятиях в XVIII веке // Краеведческие записки Алтайского краевого музея. – Барнаул, 1956. – Вып. 1 : Из дореволюционного прошлого. – С. 69–91.

197. Агапова Т. И. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII века – 60-е годы XIX века) // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. – 1955. – Вып. 7. – С. 89–105.

198. Агеева А. Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американские исследования Сибири : материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4–6 октября 1996 г. – Томск, 1997. – Вып. 2. – С. 23–41.

199. Алексеенко Н. В. Алтайские каменщики. В поисках Беловодья / Н. В. Алексеенко. – Усть-Каменогорск : Либрус, 2009. – 100 с.

200. Алексеенко Н. В. Бухтарминские были / Н. В. Алексеенко. – Алма-Ата : Казахстан, 1981. – 128 с.

201. Алексеенко Н. В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – Новосибирск, 1965. – Вып. 2. – С. 141–153.
202. Алексеенко Н. В. Усть-Каменогорск / Н. В. Алексеенко. – Алма-Ата : Казахстан, 1970. – 103 с.
203. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII в. / П. К. Алефиренко. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 422 с.
204. Анисимова И. В. О юридическом статусе Иртышского десятиверстного пространства в дореволюционной историографии / И. В. Анисимова [и др.] // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 4 (88). – С. 25–31.
205. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. / Н. Г. Аполлова. – М. : Наука, 1976. – 366 с.
206. Ассонова А. Ф. Политика царского правительства по отношению к государственным крестьянам Западной Сибири в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ф. Ассонова. – Томск, 1968. – 18 с.
207. Афанасьев П. А. Зависимое население Алтайского горного округа и ревизия Н. Н. Анненкова 1851 г. // IV Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 71–76.
208. Байдин В. И. Новые источники по организации и идеологии Урало-Сибирского старообрядчества в конце XVIII – первой половине XIX в. // Сибирское источниковедение и историография / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 90–96.
209. Басалаева И. П. Критерии фронта : к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46–49.
210. Белаш Н. Ю. Образ фронта в США и России // Американские исследования Сибири : материалы междунар. науч. конф. «Американский и

сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4–6 октября 1996 г. – Томск, 1997. – Вып. 2. – С. 37–45.

211. Белослюдов А. Н. К истории «Беловодья», с картой // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества. – Омск, 1916. – Т. 38. – С. 32–35.

212. Белявский М. Т. Наказы черносошных, экономических и приписных крестьян Тобольской провинции в Уложенную комиссию 1767 г. / М. Т. Белявский, О. А. Омельченко // Рукописная традиция XVI-XIX вв. на востоке России. (Археография и источниковедение Сибири) / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 189-234.

213. Белявский Ф. Н. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Русский Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А. Р. Т., 2005. – Ч. 1. – С. 372–434.

214. Бернадский В. Н. Движение приписных крестьян в 50-70-х годах XVIII века // Вопросы истории. – 1953. – № 8. – С. 41–56.

215. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья : опыт сравнительной характеристики / Ф. Ф. Болонев. – Барнаул : Изд-во БЮИ, 2001. – 51 с.

216. Бобров Д. С. Алтайский военный фронт в первой половине XVIII в. // Ломоносовские чтения на Алтае : междунар. молодежная школа-семинар : в 6 ч. / Под ред. Е. Д. Родионова. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – Ч. IV. – С. 176–183.

217. Бобров Д. С. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине в. / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 2., № 3 (87). – С. 34–41.

218. Бобров Д. С. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине в. / Д. С. Бобров,

Т. Н. Соболева // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2015. – № 31. – С. 201–206.

219. Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронта / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4–1. – С. 189–193.

220. Борблик Е. М. Территориально-административное устройство Колывано-Воскресенского горного округа в XVIII в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири : сб. ст. / отв. ред. З. Я. Бояршинова. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1983. – С. 25–35.

221. Бородаев В. Б. Исторический атлас Алтайского края. Картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века) / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. – Барнаул : Азбука, 2006. – 136 с.

222. Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае / А. П. Бородавкин. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1972. – 284 с.

223. Бояршинова З. Я. К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX в. (по материалам д. Солоновки Бийской волости Томской губернии) // Известия Сибирского отделения АН СССР. – 1964. – Вып. 1. – С. 92–99.

224. Бояршинова З. Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири : материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. / отв. ред. А. С. Московский. – Новосибирск, 1970. – Вып. II : История крестьянства Сибири досоветского периода. – С. 74–84.

225. Бояршинова З. Я. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода : (Бахрушинские чтения, 1969) / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1973. – С. 353–364.

226. Бояршинова З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории Сибири. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1964. – Вып. 1 – С. 44-55.

227. Бояршинова З. Я. Окладные книги как массовый источник по истории приписного крестьянства Алтайского горного округа // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 159–163.

228. Булыгин Ю. С. Освоение русскими крестьянами бассейна и окрестностей Большой речки в XVIII–XIX столетиях // Историко-демографические проблемы Сибири : сб. ст. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 1995. – С. 28–58.

229. Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке : в 2-х ч. / Ю. С. Булыгин. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1. – 143 с.

230. Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке : в 2-х ч. / Ю. С. Булыгин. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 2. – 155 с.

231. Булыгин Ю. С. Приписное крестьянство как источник формирования рабочих кадров Колывано-Воскресенских горных заводов (XVIII век) // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.) : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Н. Вилков. – Новосибирск, 1976. – С. 88–105.

232. Булыгин Ю. С. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой линии в XVIII в. // Вопросы истории : тр. Томс. ун-та. – Томск, 1967. – Т. 190, вып. 3. – С. 20–33.

233. Булыгин Ю. С. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материалах о миграции населения Колывано-Воскресенского горного округа // Из истории Алтая : сб. ст. / Под. ред. А. П. Бородавкина, А. А. Храмкова. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1978. – С. 193–203.

234. Бурковская М. В. Старообрядцы Рудного Алтая в описании П. П. Семенова-Тянь-Шанского (1827–1914) [Электронный ресурс] / Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографической и природно-ландшафтный музей-заповедник. – Электрон. дан. – URL :

http://www.vkoem.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1207:burkovskaya-mv-starobryadchy-rudnogo-altaya-v-opisanii-pp-semenova-tyan-shanskogo-1827-1914&catid=85:2010-03-09-10-07-22&Itemid=93&lang=ru (Дата обращения: 24.02.2017)

235. Ведерников В. В. Вопросы аренды кабинетских округов Сибири Министерством финансов в 1830–1855 гг. // Известия алтайского государственного университета. – 2012. – № 4 – 1 (76). – С. 44–51.

236. Ведерников В. В. К вопросу о сверхэксплуатации мастеровых на Алтае в период феодализма // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века) : сб. материалов всеросс. науч. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 43–51.

237. Ведерников В. В. Рудники Верхнего Прииртышья в системе горнозаводского производства Колывано-Воскресенских заводов (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) [Электронный ресурс] // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках : сб. материалов междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2011. – Электрон. дан. – URL: <http://sibistorik.ru/project/conf2010/013-vedernikov.htm> (Дата обращения: 24.02.2017).

238. Вилков О. Н. Народные движения в Сибири XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 г. – Новосибирск, 1968. – Вып. II. – С. 17–34.

239. Вилков О. Н. Рабочие кадры Колывано-Воскресенских заводов в XVIII – первой половине XIX вв. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Окладников, А. Н. Вилков. – Новосибирск, 1978. – С. 20–34.

240. Волчек В. А. Об экономическом положении приписной деревни Колываново-Воскресенского (Алтайского) горного округа в конце XVIII – первой половине XIX вв. / В. А. Волчек. – Кемерово : Изд-во Кемеровского государственного университета, 1992. – 160 с.

241. Гайдашова В. А. К вопросу о соляном промысле приписных крестьян Алтая (на материале предреформенного периода) // Актуальные вопросы истории

Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Аз Бука, 2005. – С. 76–78.

242. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей // Вопросы географии. – М., 1953. – № 31. – С. 206–227.

243. Горбань Н. В. Крестьянство Западной Сибири в Крестьянской войне 1773–1774 гг. // Вопросы истории. – М., 1952. – № 11. – С. 124–133.

244. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке : Русское население и земледельческое освоение / М. М. Громыко. – Новосибирск, 1965. – 267 с.

245. Громыко М. М. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири : Материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. – Новосибирск : [б. и.], 1970. – Вып. II : История крестьянства Сибири досоветского периода. – С. 4–37.

246. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) / М. М. Громыко ; отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. – 351 с.

247. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. / Б. П. Гуревич. – М. : Наука, 1983. – 308 с.

248. Емченко Д. Г. Маргинальный тип личности как феномен культуры трансграничного региона // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 4. – С. 82–84.

249. Жеравина А. Н. Влияние заводских работ на хозяйство приписных крестьян Алтая (по материалам второй половины XVIII в.) // Из истории Сибири / отв. ред. Л. И. Боженко. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1972. – Вып. 4. – С. 305–319.

250. Жеравина А. Н. Еще раз к вопросу о поставках провианта для заводов и рудников приписными крестьянами Алтая // Из истории Сибири / отв. ред. Л. И. Боженко. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1975. – Вып. 18 : Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. – С. 113–136.

251. Жеравина А. Н. Из истории становления и развития хозяйства приписных крестьян Алтая во второй половине XVIII в. // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири / отв. ред. Л. И. Боженко. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1976. – С. 107–123.

252. Жеравина А. Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. Краеведение. Этнология. Археология. – Томск, 2005. – № 289. – С. 39–50.

253. Жеравина А. Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / А. Н. Жеравина ; под ред. В. П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 2005. – 324 с.

254. Жеравина А. Н. Крестьянское хозяйство приписной деревни на Алтае (вторая половина XVIII в.) / А. Н. Жеравина // Вопросы истории Сибири. – Вып. 5. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1970. – С. 138–151.

255. Жеравина А. Н. О реакции жителей Алтая на приписку к заводам (к вопросу об одном из источников для определения социальной сущности приписного крестьянства в Сибири) // Актуальные вопросы истории Сибири : седьмые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 9–10 октября 2009 г. / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2009. – С. 94–97.

256. Жеравина А. Н. Освоение русскими крестьянами кабинетских земель на Алтае (вторая половина XVIII века) // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1965. – Вып. 2. – С. 235–243.

257. Жеравина А. Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / А. Н. Жеравина ; под ред. З. Я. Бояршиновой. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1985. – 200 с.

258. Жеравина А. Н. Повинности приписных крестьян Западной Сибири во второй половине XVIII в. // Вопросы Истории Сибири : сб. ст. / ред. Л. И. Боженко, Г. Х. Рабинович. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1982. – Вып. 11 : Из истории крестьянства Сибири. – С. 28–38.

259. Жеравина А. Н. Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в. // Вопросы Истории Сибири. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1964. – Вып. 1. – С. 3–15.

260. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.) / Г. П. Жидков ; отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение. – 264 с.

261. Жидков Г. П. О наемном труде на Алтайских заводах в XVIII – первой половине XIX вв. // Сибирь периода феодализма / отв. ред. В. И. Шунков. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1965. – Вып. 2 : Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – С. 218–235.

262. Жидков Г. П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1861 г.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) : сб. ст. – М. : Наука, 1973. – С. 321–335.

263. Жидков Г. П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы (К вопросу о соотношении динамики феодальной эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства) // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1968. – Вып. 3 : Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – С. 210–224.

264. Жилина Т. Н. Западная Сибирь в Малый ледниковый период (1550-1850 гг.) : природа и русская колонизация. – Томск, 2009. – 162 с.

265. Зберовская Е. Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 12. – С. 280–285.

266. Змеиногорский (Змеевский) сереброплавильный завод (1804–1893) [Электронный ресурс] / Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. – Электрон. дан. – URL: <http://www.library.altspu.ru/redbook/monument/zmeinogorsky> (Дата обращения: 24.02.2017)

267. Зюзь В. Г. Из истории Сибирского казачьего линейного войска (на основе материалов отдела редких книг и рукописей Восточно-Казахстанского этнографического музея) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998. – С. 18–22.

268. Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII – начале XX в. : сб. науч. тр. / под ред. М. М. Громыко, Н. А. Миненко. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1975. – 159 с.

269. Ильиных В. А. Крестьянские челобитные XVIII в первой половины XIX в. (на материалах Западной Сибири) // Сибирское источниковедение и археография / отв. ред. Н. Н. Покровский, Н. К. Ромолановская. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 83–92.

270. Интеграция приписной деревни и горнозаводского производства на кабентских землях в Сибири / Под ред. В. П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 200 с.

271. История крестьянства Сибири : в 5 т. / отв. ред. академик А. П. Окладников. – Новосибирск, 1982. – Т. 1 : Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – 504 с.

272. История Сибири : в 5-ти т. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. – Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. – 540 с.

273. Кабузан В. М. Движение населения в Сибири в XVIII в. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // Материалы по истории Сибири. – Новосибирск, 1962. – Вып. 1 : Сибирь периода феодализма. – С. 139–157.

274. Каженова Г. Т. Степной край Казахстана в геополитической стратегии Российской империи // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 2 (56). – С. 26–27.

275. Казанцева Т. Г. Старообрядцы Алтая / Т. Г. Казанцева, Н. С. Мурашова и др. [Электронный ресурс] // Традиции духовного пения в культуре старообрядцев Алтая. – Электрон. версия печат. публикации. – Новосибирск : Наука, 2002. – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301> (Дата обращения: 24.02.2017).

276. Калущков В. Н. Феномен засек и укрепленных линий с позиции культурной географии // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества») : материалы V междунар. конф. по исторической географии, Санкт-Петербург, 18-21 мая 2015 г. – Спб., 2015. – Т. 2, ч. II. – С. 251–255.

277. Кароннов В. А. Вольнонаемная транспортировка плавильного сырья приписным населением Алтая в XVIII в. / В. А. Кароннов, А. Л. Старовойтова // История криведения Западной Сибири : проблемы и перспективы изучения : сб. материалов V регион. науч.-практ. конф., Ишим, 7-8 ноября 2013 года / Под ред. И. В. Курышева, А. А. Любимова. Ишим, 2014. – С. 182–187.

278. Кароннов В. А. Законодательство отработок приписных Колывано-Воскресенского горного ведомства в XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сб. материалов II Всерос. молодежной науч. конф., Новосибирск, 22–24 августа 2012 г. / отв. ред. Р. Е. Романов. – Новосибирск : Нонпарель, 2012. – С. 71–77.

279. Карпенко З. Г. Борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян Западной Сибири против феодальной эксплуатации (1800–1860 гг.). Историография // Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института / Кемеровский государственный педагогический институт : кафедра истории. – Кемерово, 1963. – Вып. 5. – С. 3–43.

280. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860-х гг. / З. Г. Карпенко. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1963. – 213 с.

281. Карпенко З. Г. Горняки и металлурги Сибири при феодализме // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Окладников, А. Н. Вилков. – Новосибирск, 1978. – С. 3-19.

282. Карпенко З. Г. Рабочие чугуноплавильных и железоделательных заводов Кузбасса в крепостную эпоху // Труды научной конференции по истории

Черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). – Кемерово, 1957. – С. 181–215.

283. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. / Б. Б. Кафенгауз. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – Т. 1 : Опыт исследования по истории уральской металлургии. – 523 с.

284. Кислицын В. Н. Ис истории алтайского казачества // 300 лет горно-геологической службе России : история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая : материалы региональной науч.-практ. конф. (14–15 апреля 2000 г.) / отв. ред. Г. Я. Барышников. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 33–40.

285. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма / А. И. Клибанов. – М. : Наука, 1977. – 334 с.

286. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. / А. Д. Колесников. – Омск : Западно-Сибирское книжное изд-во. Омское отделение, 1973. – 438 с.

287. Колесников А. Д. Состав переселенцев в Сибирь // Вопросы формирования русского населения Сиюири в XVII – начале XIX вв. / ред. А. Д. Колесников. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1978. – С. 3–16.

288. Колесников А. Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства // Проблемы истории советского общества Сибири : Материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири / отв. ред. А. С. Московский. – Новосибирск, 1970. – Вып. II : История крестьянства Сибири досоветского периода. – С. 106–23.

289. Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке / А. А. Кондрашенков ; ред. Н. А. Лапин. – Курган: Советское зауралье, 1962. – 176 с.

290. Контева О. Е. История алтайского края в XVIII–XIX вв. : научные и документальные материалы / О. Е. Контева, А. В. Контев ; отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул, 2004. – 430 с.

291. Корель Л. В. Социология адаптаций : вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск, 2005. – 424 с.
292. Кричевцев М. В. Колыванское золото и серебро в Кабинетской казне Елизаветы Петровны и Петра III // Роль Сибири в истории России : Бахрушинские чтения, 1992 г. ; межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. М. Горюшкина. – Новосибирск, 1993. – С. 30–37.
293. Кузьмина Ф. С. Переселения крестьян в Сибири в первой трети XIX века // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма (Республиканский сб. науч. тр.) / отв. ред. Е. И. Соловьева. – Новосибирск, 1978. – С. 17–33.
294. Курилов В. М. «Поляки» Рудного Алтая : историографический миф и демографическая реальность / В. М. Курилов, Т. С. Мамсик // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы III науч.-практич. конф., Барнаул. – Барнаул, 1998. – С. 23–28.
295. Курсков Ю. В. Социальные условия формирования рабочих кадров мануфактур в Сибири (XVIII – первая половина XIX в. // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.) : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Н. Вилков. – Новосибирск, 1976. – С. 22–37.
296. Кухаренко А. Е. Владельческая принадлежность Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа (к историографии проблемы) / А. Е. Кухаренко // Исторические исследования в Сибири : проблемы и перспективы : сб. материалов II региональной молодежной науч. конф., Новосибирск, 21—22 августа 2008 г. / отв. ред. А. К. Кириллов. – Новосибирск, 2008. – С. 144–153.
297. Кушнарева М. Д. Последние годы жизни «старообрядческого епископа» Мефодия [Электронный ресурс] // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв. : Развитие и взаимодействие : материалы всерос. науч. конф. (3-4 февраля 2005 г.) – Иркутск : Оттиск, 2005. – Электрон. дан. – URL : http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/3_3.html (Дата обращения: 24.02.2017).

298. Ларионов М. М. Из истории Согринской православной общины г. Усть-Каменогорска // Макарьевские чтения : материалы девятой междунар. конф. (21–23 ноября 2010 года). – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2011. – С. 127–135.

299. Ларионов М. М. Православные приходы Убинского края – Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области : прошлое и настоящее // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–27 мая 2011 года). – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2011. – С. 88–94.

300. Ларионов М. М. Православный приход Покрова Пресвятой Богородицы села Верх-Уба Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–27 мая 2011 года). – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2011. – С. 94–98.

301. Лебедева А. А. Этнографические материалы о русском населении южного Алтая (XIX – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. / отв. ред. В. А. Александров. – М. : Наука, 1979. – С. 223–247.

302. Леонтьев Е. В. К изучению структуры семей русских крестьян Сибири в 17 – первой половине 19 в. [Электронный ресурс] // Исторические исследования в Сибири : проблемы и перспективы : сб. материалов регион. молодежной науч. конф. / отв. ред. А. К. Кириллов ; Институт истории СО РАН. – Новосибирск : Параллель, 2007. – Электрон. версия печат. публикации. – URL : <http://hum.sbras.ru/snm/leontiev.htm> (Дата обращения: 24.02.2017)

303. Липинская В. А. Поселение, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии / отв. ред. Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова. – М. : Наука, 1969. – С. 9–77.

304. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века / отв. ред. В. А. Александров. – М. : Наука, 1996. – 269 с.

305. Лукичев С. С. Государственные повинности крестьян Колывано-Воскресенского горного округа в первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Выпуск первый / Отв. редактор Л. И. Боженко. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1970. – С. 162–185.

306. Лукичев С. С. К истории бухтарминских «каменщиков» // Из истории Алтая : сборник статей / Под. ред. А. П. Бородавкина, А. А. Храмкова. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1978. – С. 220–238.

307. Лукичев С. С. О поставках приписными крестьянами Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири : тр. Томс. гос. ун-та : серия историческая. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1953. – Т. 190 (Вып. 3). – С. 34–46.

308. Лукичев С. С. Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Вопросы истории Сибири : сб. ст. – Томск, 1982. – Вып. 11 : Из истории крестьянства Сибири. – С. 46–53.

309. Лукичев С. С. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. – Рига : Изд-во АН Латвийской ССР, 1963. – С. 379–389.

310. Лысенко Ю. А. Проблемы определения юридического статуса Иртышского десятиверстного пространства в современной историографии / Ю. А. Лысенко, Н. С. Юферова // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 2, № 3 (87). – С. 25–31.

311. Лысенко Ю. А. Особенности русско-казахского межэтнического взаимодействия в районе десятиверстного пространства (XIX – начало XX в.) / Ю. А. Лысенко, М. Ф. Лысенко // Дневники Алтайской школы политических исследований. – 2015. – № 31. – С. 255–260.

312. Лысенко Ю. А. Проблемы определения юридического статуса Иртышского десятиверстного пространства в современной историографии / Ю. А. Лысенко, Н. С. Юферова // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 2, № 3 (87). – С. 25–31.

313. Малеев Л. Алтайский горный округ // Русская старина. – СПб. : Электро-типогр. Н. Я. Стойковой, 1909. – Т. 139. – С. 301–326.
314. Малолетко А. А. Алтайский горный округ в XVIII в. (транспортная система) / А. А. Малолетко. – Томск, 2015. – 140 с.
315. Малых А. А. Из истории пчеловодства государственных крестьян Томской губернии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Из истории Сибири / отв. ред. Л. И. Боженко. – Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1975. – Вып. 18 : Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. – С. 100–112.
316. Малых А. А. Ремесленные и промысловые занятия крестьян государственной деревни Западной Сибири (40-е гг. XIX в.) // Вопросы истории Сибири : сб. ст. – Томск, 1982. – Вып. 11 : Из истории крестьянства Сибири. – С. 54–64.
317. Мамсик Т. С. Беловодцы и Беловодье (По материалам следственного дела о побеге 1827–1828 гг.) // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 135–164.
318. Мамсик Т. С. Бухтарминские каменщики – первопоселенцы Верхнего Прииртышья : этнокультурный, сословный, конфессиональный состав // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв. : сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Шкловский. – Новосибирск : Параллель, 2009. – С. 28–41.
319. Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века / Т. С. Мамсик. – Новосибирск : Наука, 1987. – 270 с.
320. Мамсик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках» // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 242–268.
321. Мамсик Т. С. О борьбе с побегами мастеровых и приписных крестьян на Колывано-Воскресенских заводах во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Бахрушинские чтения 1973 г. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск :

Новосиб. гос. ун-т, 1973. – Вып. II : Вопросы истории Сибири досоветского периода. – С. 13–21.

322. Мамсик Т. С. Побег как социальное явление : Приписная деревня Западной Сибири в 40-90-е годы XVIII в. / Т. С. Мамсик. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1978. – 208 с.

323. Мамсик Т. С. Самовольные крестьянские переселения (По материалам Сибири первой половины XIX в.) // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.) : Бахрушинские чтения 1979 г. : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Окладников ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1979. – С. 116–126.

324. Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры / Т. С. Мамсик. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1989. – 240 с.

325. Мамсик Т. С. Чаусское Приобье : население и хозяйство : опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. / Т. С. Мамсик. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 228 с.

326. Маслениковский С. И. Формы протеста против феодальной эксплуатации в Сузуне в 1765–1861 гг. // Из истории Алтая : сб. ст. / под ред. А. П. Бородавкин, А. А. Храмков. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1978. – С. 239–251.

327. Миненко Н. А. Влияние русского крестьянства на хозяйство аборигенов Западной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.) : Бахрушинские чтения 1979 г. : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск, 1979. – С. 92–107.

328. Миненко Н. А. Община и классовая борьба крестьян Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. : Бахрушинские чтения : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1980. – С. 86–105.

329. Миненко Н. А. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1985. – С. 40–58.

330. Миненко Н. А. Сибирский вариант территориальной крестьянской общины (XVIII – первая половина XIX века) // Проблемы истории Сибири : общее и особенное : Бахрушинские чтения 1990 г. : межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1990. – С. 3–18.

331. Миненко Н. А. Ссылные крестьяне-«поляки» на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1983. – С. 198–214.

332. Миньков С. Г. Из истории пчеловодства на Алтае // Пчеловодство. – М., 1954. – № 3. – С. 62–64.

333. Модоров Н. С. Еще раз о проблемах присоединения Алтая к России // Актуальные вопросы истории Сибири : Научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : Материалы конф. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 48–53.

334. Модоров Н. С. Из истории присоединения Южного Алтая к России в середине 50-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4-2. – С. 159–166.

335. Моисеев В. А. К истории русско-китайского размежевания на Алтае в XVIII в. // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России : 1728–1998. – Барнаул, 1998. – С. 121–126.

336. Моисеев К. В. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. / К. В. Моисеев ; отв. ред. Б. П. Гуревич. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. – 149 с.

337. Мукаева Л. Н. Из опыта хозяйственного освоения Южного Алтая в XVIII–XIX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири : Вторые научные чтения

памяти профессора А. П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 года : материалы конф. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 98–105.

338. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири [Электронный ресурс] // Национальные культуры региона : научно-методический и репертуарно-информационный альманах. – Тюмень, 2007. – Вып. XVI. – Электрон. дан. – URL: <http://a-pesni.org/kazaki/sibir/a-nastraze.htm> (Дата обращения: 25.02.2017).

339. Муратова С. Р. Торговля в крепостях сибирских укрепленных линий во второй половине XVIII века // Наука и современность. – Новосибирск, 2011. – № 12–1. – С. 124–128.

340. Муратова С. Р. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII в. // Сибирский сборник : сб. ст. - Курган, 2015. - С. 71–87

341. Никифоров И. Д. Моя Убинка. Мои убинские люди : история в лицах / И. Д. Никифоров. – Усть-Каменогорск : Шығыс Ақпарат, 2012. – 240 с.

342. Олейник В. С. Колывань. Библиографический указатель литературы (1751-1997) // Колывань : История, культура и искусство сибирской провинции России : 1728-1998. – Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1998. – С. 288–303.

343. Опекун О. С. Пчеловодство крестьян Смоленской волости Бийского округа в первой половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири : Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. – Барнаул : Аз Бука, 2005. – С. 78–80.

344. Осерчева О. Н. Хронограф важнейших дат Убинского старообрядчества XVIII – начала XXI вв. // Макарьевские чтения : материалы девятой междунар. конф. (21–23 ноября 2010 года). – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2011. – С. 140–155.

345. Островский А. Б. Беловодье староверов Алтая / А. Б. Островский, А. А. Чувьюра // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – СПб., 2011. – Т. 12, вып. 3. – С. 8–14.

346. Очерки истории Алтайского края / отв. ред. А. П. Бородавкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 448 с.

347. Павленко Н. И. К вопросу о причинах волнений приписных крестьян в 50–60-х гг. XVIII века // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири (доклады и сообщения научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири 10–12 июня 1965 г.) : ученые записки. – Свердловск, 1969. – Сб. 38. – С. 116–125.

348. Памятник истории и культуры регионального значения «Алейский свинцово-сереброплавильный завод», вторая половина XVIII века (Постановление Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.12.94 г. № 169) : Алтайский край, Третьяковский район, 3,125 км. к ЮЮЗ от кладбища с. Верхнее Алейское [Электронный ресурс] // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. – Электрон. дан. – URL: <http://library.altspu.ru/redbook/monument/aleisky> (Дата обращения: 25.02.2017).

349. Пелипась М. Я. Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири : материалы всерос. конф. – Томск, 2005. – С. 15–24.

350. Пензин Э. А. Из истории классовой борьбы в первой половине XVIII в. (вооруженное выступление строителей Колывано-Воскресенского завода А. Демидова) / Э. А. Пензин, А. В. Черноухов // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 179–188.

351. Пережогин А. А. Ведомственный батальон кабинетских заводов Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. История. – 2009. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 208–212.

352. Побережников И. В. Азиатская Россия : фронт, модернизация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 96, № 4. – С. 191–203.

353. Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке / И. В. Побережников. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. – 176 с.

354. Побережников И. В. Сословно-групповые особенности крестьянских выступлений в Западной Сибири XVIII в. // Проблемы истории Сибири : общее и особенное : Бахрушинские чтения 1990 г. : межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1990. – С. 19–31.

355. Побережников И. В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. – 2013. – № 2 (21). – С. 18–23.

356. Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – 2013. – № 12. – С. 246–274.

357. Побережников И. В. Фронтирная модернизация в российской цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии : проблемы индустриализации и урбанизации : материалы межрегиональной науч. конф. 6–7 июня 2013 года. – Новосибирск : Параллель, 2013. – С. 3–10.

358. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVII в. / Н. Н. Покровский ; отв. ред. С. О. Шмидт. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1974. – 391 с.

359. Покровский Н. Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. – . – Вып. 2 (№6) – С. 109–112.

360. Покровский Н. Н. Массовое антицерковное движение Урало-Сибирских крестьян и секретный указ от 9 марта 1783 г. // Вопросы истории Сибири досоветского периода : Бахрушинские чтения, 1969 / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1973. – С. 182-204.

361. Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-судственных источников о политических взглядах крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 48–79.

362. Преображенский А. А. О кунгурском восстании 1703 г. // Исторический архив. – М., 1955. – № 4. – С. 153–178.

363. Пронин В. И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX вв. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая : сб. ст. / Под. ред. А. П. Бородавкина, А. А. Храмкова. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1978. – С. 95–129.

364. Разгон В. Н. Торговля скотом в Алтайском округе в первой половине XIX в. // Алтай в прошлом и настоящем : 50 лет Алтайского края : тезисы докладов к науч.-практ. конф. – Барнаул, 1987. – С. 73–76.

365. Рафиенко Л. С. Сельское управление Сибири в XVIII в. // Проблемы истории советского общества Сибири : Материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. – Вып. II. История крестьянства Сибири досоветского периода / отв. ред. А. С. Московский. – Новосибирск, 1970. – С. 95–105.

366. Рахимов Р. Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2013. – № 10 (126). – С. 103–109.

367. Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное. – Новосибирск, 2001. – Вып. 1. – С. 135–145.

368. Рогозин Е. Г. Экономическое развитие Западной Сибири и образование вотчины «Кабинета» // Ученые записки Новосибирского государственного педагогического института. – Новосибирск, 1946. – Вып. 3. – С. 3–40.

369. Романов В. В. Горная промышленность Рудного Алтая в период разложения и кризиса феодализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Романов. – Новосибирск, 1968. – 12 с.

370. Романов В. В. Наемный труд в Алтайской кабинетской промышленности в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Вилков. – Новосибирск, 1978. – С. 35–43.

371. Романова А. П. Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России / А. П. Романова, С. Н. Якушенков // Инноватика и экспертиза. – 2012. – Вып. 2 (9). – С. 74–80.

372. Романова Н. И. Верхнеубинское старообрядчество Рудного Алтая : историко-культурологический аспект : дис. ... канд. культурологи / Н. И. Романова. – Кемерово, 2000. – 298 с.

373. Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1795–1861 гг. : дис. ... канд. ист. наук / К. В. Русаков. – Барнаул, 1987. – 244 с. + Прил. (475 с.: ил.).

374. Русаков К. В. Хозяйственное освоение Алтая приписным крестьянством в 1795–1861 гг. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX вв.) : Межвузовский сборник науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1990. – С. 13–21.

375. Русские старожилы Сибири : историко-антропологический очерк / отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. – М. : Наука, 1973. – 190 с.

376. Савельев Н. Я. К вопросу о роли крестьян в развитии горного производства Колывано-Воскресенских заводов второй половины XVIII в. // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отд. АН ССР, 1962. – Вып. 1 : Сибирь XVII–XVIII вв. – С. 229–246.

377. Сафьянова А. В. Хозяйственная жизнь русского населения верхнего Прииртышья во второй половине XIX – начале XX в. // Хозяйство и быт

западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. / отв. ред. В. А. Александров. – М. : Наука, 1979. – С. 109–142.

378. Сергеев А. Д. Тайны Алтайских крепостей. – Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1975. – 80 с.

379. «Славянский мир» Сибири : новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии : кол. монография / Под. Ред. О. Н. Бахтиной, В. Н. Сырова, Е. Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 218 с.

380. Смирнов С. С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в. / С. С. Смирнов. – Челябинск, 1993. – 206 с.

381. Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) Управление и обслуживание / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 258 с.

382. Сорокин М. Е. Борьба крестьян Прииртышья против приписки к заводам в 1798 г. // Краевед Кузбасса. – Кемерово, 1972. – С. 21.

383. Сорокин М. Е. Борьба крестьян Томского уезда против приписки к заводам (конец XVIII в.) / М. Е. Сорокин // Вопросы истории Сибири : сб. ст. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1982. – Вып. 11 : Из истории крестьянства Сибири. – С. 39–45.

384. Сорокин М. Е. Борьба мастеровых и приписного крестьянства против феодального гнета на предприятиях Кабинета в Западной Сибири в 70–80-х гг. XVIII в. // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1964. – Вып. 1. – С. 33–43.

385. Сорокин М. Е. Волнения заводских крестьян Чаусской волости Томской губернии в 1813 г. // Труды научной конференции по истории Черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). – Кемерово, 1957. – С. 256–271.

386. Тихонов А. А. Сибирский фронт XVI – нач. XX вв. в контексте колонизации восточных окраин России // Государство и общество в условиях модернизации / отв. ред. Т. Ю. Березина. – Омск, 2015. – С. 26–49.

387. Толстов С. И. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Алтайской приписной деревни в 20-50-е гг. XIX в. (опыт

классификации крестьянских хозяйств методами многомерной статистики) // Вопросы отечественной истории. – Томск, 2006. – С. 6–14.

388. Усольцева О. В. Кабинетская стратегия управления алтайской приписной деревней в первой половине XIX в. (на примере правовых актов о Колывано-Воскресенском горном округе 1828 г.) / О. В. Усольцева, В. К. Шкуркина // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. : материалы Всерос. науч. конф. (Томск, 22 мая 2007 г.) / отв. ред. В. В. Шевцов. – Томск, 2007. – С. 46–50.

389. Усольцева О. В. К вопросу о системе учета хозяйственной деятельности алтайских приписных крестьян в первой половине XIX в. // Жизнь в истории : к 100-летию со дня рождения И. М. Разгона / отв. ред. Э. И. Черняк. – Томск, 2006. – С. 73–78.

390. Усольцева О. В. Проблема найма в заводские отработки в системе управления кабинетским хозяйством на юге Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. : материалы Всерос. науч. конф. (Томск, 22 мая 2007 г.) / отв. ред. В. В. Шевцов. – Томск, 2007. – С. 39–45.

391. Усольцева О. В. Проблема уравнивания крестьян в горнозаводских работах сквозь призму обсуждения ее в Горном совете 1853 г. // IV научные чтения памяти Ю. С. Булыгина, 15 декабря 2006 г. : сб. науч. тр. – Барнаул, 2007. – С. 65–67.

392. Усольцева О. В. Проект введения общественной запашки в Алтайском горном округе в предреформенный период XIX в. // Неверовские чтения : материалы Второй региональной конф., посвященной памяти профессора В. И. Неверова (Барнаул, 29 марта 2007 г.). – Барнаул, 2007. – С. 132–139.

393. Усольцева О. В. Протоколы Горного совета как источник по истории взаимодействия приписных крестьян и власти в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в первой половине XIX века // Материалы междунар. конф. «Вторые исторические чтения Том. гос. пед. ун-та», посвященной 105-

летию ТГПУ, 75-летию образования исторического факультета ТГПУ (20–21 ноября 2007 года) / отв. ред. Н. В. Лукина. – Томск, 2008. – Ч. 1. – С. 240–248.

394. Усольцева О. В. Эволюция взаимодействия алтайского приписного крестьянства и горнозаводской администрации во второй четверти XIX в. / О. В. Усольцева, С. И. Толстов // Актуальные вопросы истории Сибири : Шестые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина, 5–6 октября 2007 г. : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. – Барнаул, 2007. – Ч. 1. – С. 183–186.

395. Филов В. Г. Отклики Пугачевского движения на Алтае (По документам Алтайского краевого государственного архива) / В. Г. Филов // Краеведческие записки Алтайского краевого музея. – Барнаул, 1956. – Вып. 1 : Из дореволюционного прошлого. – С. 92–143.

396. Хахалкина Е. В. Концепция фронта Ф. Дж. Тернера : к вопросу о терминологии и направлениях исследований // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч. конф. «50 лет изучения истории США в Сибири : итоги и перспективы развития сибирской американистики», Томск, 24–25 октября 2011 г. – Вып. 11. – С. 256–263.

397. Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 106–112.

398. Целищева М. А. Локтевский сереброплавильный завод (1783–1893) [Электронный ресурс] / Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. – Электрон. дан. – URL: <http://www.library.altspu.ru/redbook/monument/loktevsky> (Дата обращения: 24.02.2017).

399. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Чаянов А. В. Избранные труды. – М. : Московский рабочий. 1989. – 368 с.

400. Черкасова А. С. Горнозаводское население Урала в XVIII столетии (предварительные наблюдения) // Вопросы формирования русского населения

Сиюири в XVII – начале XIX вв. / Редактор А. Д. Колесников. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1978. – С. 113–120.

401. Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вопросы литературы и народного творчества. – Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1962. – Вып. 35 – С. 116–181.

402. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. : Автореф. дис. ... д. ист. наук / К. В. Чистов. – Ленинград, 1966. – 26 с.

403. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. / К. В. Чистов. – М. : Наука, 1967. – 341 с.

404. Шкуркина В. К. Хозяйство американских фермеров Среднего Запада и приписных крестьян Алтая в первой половине XIX в. : возможности сравнительно-исторического подхода // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Вып. 3 (66). Серия : Гуманитарные науки. – С. 59–66.

405. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. – Сургут: Северный дом, 1993. – 463 с.

406. Юркин И. Н. «От города до города на прежние жилища» [Электронный ресурс] // Старообрядчество : история, культура, современность // Книжица Алтайского староверия. - М. : 2000. – Вып. 2. – Электрон. дан. – URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/57-1-0-315> (Дата обращения: 20.03.2017).

407. Якушенков С. Н. Фронтير как культурная парадигма // Каспийский регион : политика, экономика, культура. – 2015. – № 1 (42). – С. 291–296.

408. Толстов С. И. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20 – 50-е гг. XIX века : дисс. ... канд. ист. наук / С. И. Толстов. – Томск, 2005. – 253 с.

409. Шкуркина В. К. Хозяйство приписных крестьян Алтая и фермеров Среднего Запада США в первой половине XIX века: историко-сравнительное исследование : дисс. ... канд. ист. наук / В. К. Шкуркина. – Томск, 2007. – 179 с.

Список иллюстраций и таблиц

№	Наименование	Раздел	Страницы
1.	Рисунок 1 – Развитие хлебопашества в Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостях в 1798–1860 гг.	2.3	167
2.	Рисунок 2 – Разведение лошадей в Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостях в 1825–1860 гг.	2.3	179
3.	Рисунок А.1 – Типологическая карта-схема крестьянского хозяйства Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1825–1851 гг.	Приложение А	274
4.	Таблица 1 – Разведение лошадей в Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостях в 1825–1860 гг.	2.3	172
5.	Таблица 2 – Обеспеченность крестьянских дворов лошадьми в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.	2.3	177
6.	Таблица 3 – Скотоводство в Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостях в 1825–1860 гг.	2.3	183
7.	Таблица 4 – Обеспеченность овцами на 1 р.д. в Усть-Каменогорской, Крутоберезовской, Убинской волостях 1825-1860 гг.	2.3	187
8.	Таблица 5 – Овцеводство в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.	2.3	189

9. Таблица 6 – Развитие пчеловодства в Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостях в 1825-1860 гг.	2.3	194
10. Таблица 7 – Процентное соотношение числа крестьян-хлебопашцев к общему числу ревизских душ и числу годных работников в волостях Верхнего Прииртышья в 1847 г.	2.4	202
11. Таблица Б.1 – Жители Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской слобод по данным четвертой ревизии (1782 г.)	Приложение Б	275
12. Таблица В.1 – Численность населения Усть-Каменогорской слободы Семипалатинского уезда Колываноского наместничества на 1795 г.	Приложение В	277
13. Таблица Г.1 – Обеспеченность селений Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей сенокосными угодьями (по состоянию на 1798 г.)	Приложение Г	278
14. Таблица Д.1 – Обеспеченность селений Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Убинской волостей строевым и дровяным лесом (по состоянию на 1798 г.)	Приложение Д	280
15. Таблица Е.1 – Показатели уровня развития крестьянских хозяйств волостей Верхнего Прииртышья	Приложение Е	284
16. Таблица Ж.1 – Подписи на расписках жителей деревень Крутоберезовской волости с просьбой об отсрочке приписки крестьян к Колывано-Воскресенским горным заводам, приложенные к рапорту старосты Федора Зуева от 4 августа 1798 г	Приложение Ж	286

17. Таблица И.1 – Размеры пашен крестьян, подписавших расписок от земских изб Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостей о согласии осуществить расклады в заводские работы	Приложение И	290
18. Таблица К.1 – Сведения о крестьянах Крутоберезовской волости, желающих переселиться на новые места (с указанием расстояния от новых мест жительства до заводов и рудников)	Приложение К	292
19. Таблица Л.1 – Сведения о крестьянах Убинской волости, желающих переселиться на новые места (с указанием расстояния от новых мест жительства до заводов и рудников)	Приложение Л	293
20. Таблица М.1 – Численность населения в волостях Верхнего Прииртышья	Приложение М	294
21. Таблица Н.1 – Посевы сельскохозяйственных культур в волостях Верхнего Прииртышья за 1847 г.	Приложение Н	298
22. Таблица П.1 – Посевы крестьян Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей в 1798–1860 гг.	Приложение П	301
23. Таблица Р.1 – Разведение лошадей в деревнях Верхнего Прииртышья	Приложение Р	303
24. Таблица С.1 – Обеспеченность крестьян лошадьми на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838-1860 гг.	Приложение С	305
25. Таблица Т.1 – Расположение крестьян волостей Верхнего Прииртышья в работы на заводы и	Приложение Т	307

рудники в 1853 г.

26. Таблица У.1 – Скотоводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей	Приложение
У	309
27. Таблица Ф.1 – Обеспеченность крестьян крупным рогатым скотом на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.	Приложение
Ф	311
28. Таблица Х.1 – Скотоводство в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.	Приложение
Х	313
29. Таблица Ц.1 – Овцеводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей	Приложение
Ц	315
30. Таблица Ш.1 – Количество мелкого рогатого скота из расчета на ревизскую душу и двор в крестьянских хозяйствах Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1838–1860 гг.	Приложение
Ш	317
31. Таблица Щ.1 – Обеспеченность крестьян ульями на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.	Приложение
Щ	319
32. Таблица Э.1 – Развитие пчеловодства в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей	Приложение
Э	321
33. Таблица Ю.1 – Продажа продуктов крестьянами Крутоберезовской и Чарышской волостей за август 1830 года	Приложение
Ю	323
34. Таблица Я.1 – Продажа крестьянами волостей Верхнего Прииртышья продуктов в 1849 г.	Приложение
Я	325

Приложение А

Типологическая карта-схема крестьянского хозяйства Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1825–1851 гг.

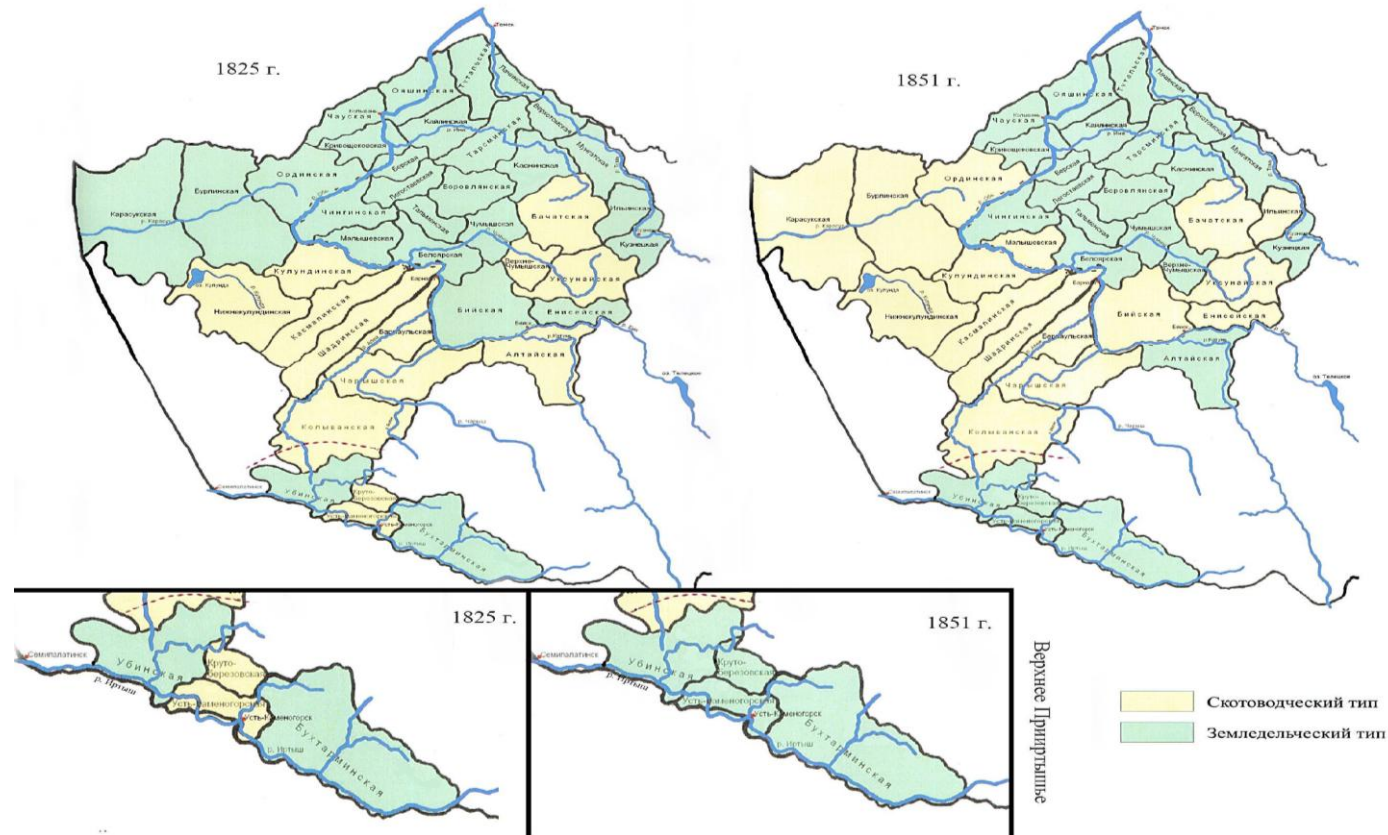

Рисунок А.1 – Типологическая карта-схема крестьянского хозяйства Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1825–1851 гг.³⁹¹

³⁹¹ Составлено по типологическим картам-схемам // Толстов С. И. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX века... С. 251–253.

Приложение Б

Жители Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской слобод по данным четвертой ревизии (1782 г.)

Таблица Б.1 – Жители Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской слобод по данным четвертой ревизии (1782 г.)

Название поселения	Категория жителей	Число жителей (м.п.) ³⁹²
Крутоберезовская слобода		
Крутоберезовская	великороссийские посельщики	188
	экономические крестьяне	1
Большереченская	-	211
Верх-Убинская	посельщики	235
Зевакина	-	189
	экономический	1
	великороссийские посельщики	189
Секисовская	государственные крестьяне	4
	польские посельщики	451
ИТОГО	неуточненные категории	1317
	экономические	2
Усть-Каменогорская слобода		
Глубокова (Глубокая)	государственные крестьяне	218
	великороссийские посельщики	222
Бобровская	Государственные (сибирские) крестьяне	73
	польские посельщики	310
	ясашный	1
Красноярская на Иртыше	великороссийские посельщики	255
	государственный крестьянин	1

³⁹² ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 155 (об.)–156.

Продолжение таблицы Б.1

Название поселения	Категория жителей	Число жителей (м.п.)
Крутоберезовская слобода		
Прапорщикова	государственные крестьяне	74
	великороссийские посельщики	76
Ульбинская	великороссийские посельщики	299
Усть-Каменогорская крепость	-	2
ИТОГО	крестьяне всех категорий	1550
	ясашный	1
Убинская слобода		
Убинская	-	247
	посельщики	69
Выдринская	государственные крестьяне	265
	великороссийские посельщики	2
Екатерининская	-	4
	польские посельщики	145
Красноярская на Убе	-	50
	великороссийские посельщики	66
Кабанова	-	46
Новоалейская	великороссийские посельщики	131
Плоская	великороссийские посельщики	126
Старо-Алейская	-	253
	великороссийские посельщики	8
Стеклянская	-	21
	великороссийские посельщики	15
Шеманаевская	посельщики	112
	крестьяне	13
Старосемипалатинская крепость	-	9
ИТОГО		1582

Приложение В

Численность населения Усть-Каменогорской слободы Семипалатинского уезда Колываноского наместничества на 1795 г.

Таблица В.1 – Численность населения Усть-Каменогорской слободы Семипалатинского уезда Колываноского наместничества на 1795 г.³⁹³

№	Название деревни	Мужского пола			Женского пола		
		по данным IV ревизии	выбывшие к 1795 г.	число на 1795 г.	по данным IV ревизии	выбывшие к 1795 г.	число на 1795 г.
1.	Глубокая						
	государственные крестьяне	206	57	220	194	75	211
	великороссийские посельщики	221	77	219	203	67	205
	Итого	427	134	439	397	142	416
2	Прапорщикова						
	государственные крестьяне	93	24	102	98	40	99
	великороссийские посельщики (вместе с колодниками)	86	29	85	78	31	88
	итого	179	53	187	176	71	187
3	Ульбинская (гос кр-не и посельщики)	203	113	269	262	95	243
4	Бобровская						
	государственные крестьяне («сибирские»)	73	27	67	66	36	59
	польские посельщики	325	78	414	308	96	388
	Итого	398	85	481	374	132	447
5	Красноярская на Иртыше	255	83	223	228	75	239
ИТОГО в Усть-Каменогорской слободе		1462	468	1599	1437	515	1532

³⁹³ ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819. Л. 44–619 ; ГААК. Ф. 169, оп. 1, д. 831. Л. 23–201.

Приложение Г

Обеспеченность селений Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей сенокосными угодьями (по состоянию на 1798 г.)

Таблица Г.1 – Обеспеченность селений Усть-Каменогорской, Крутоберезовской и Убинской волостей сенокосными угодьями (по состоянию на 1798 г.)³⁹⁴

Волость	Название деревни	Сенокосные угодья		Десятин на 1 ревизскую душу		Расстояние пашен от поселений
		десятин	сажен	десятин	сажен	
Крутоберезовская	Крутоберезовская	307	570	1	2015	½–12 верст
	редут Барашевский	103	625			1 ¾–6 верст
	Зевакина	764		3	284	200 сажен – 4,5 верст
	Секисовская и Малая Убинская	1113	445	2		1,5–9 верст ½–3,5 верст
	Верх-Убинская	1060	468	6	150	½–8 верст
	Большереченская	870	1100	4		1/5–9 верст
Усть-Каменогорская	хутор князя Еристова	156	1200			4–8 верст
	Усть-Каменогорская крепость	663	1836			50 сажен–2–3 версты
	редут Уваровский	262	666			100 сажен–3 версты
	Красноярская на Иртыше	268	1240	1	542	2–7 верст
	Ульбинская	306	1600	1	336	½–10 верст
	Прапорщикова	288	1885	1	1362	1,5–28,5 верст
	Глубокая	320	1005		1755	1,5–28 верст
	Бобровская	414	1360		2072	2–8 верст
Убинская	Убинская	998	1440	2	1857	100 сажен – 10 верст
	форпост Убинский	1056	1510			100 сажен – 7 верст
	Красноярская на Убе и Вавилонская	929	1005	6	2001	150 сажен–205 верст
	Старо-Алейская	613		2	972	½–7 верст

³⁹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 25–90(об.).

Продолжение Таблицы Г.1

Волость	Название деревни	Сенокосные угодья		Десятин на 1 ревизскую душу		Расстояние пашен от поселений
		десятин	сажен	десятин	сажен	
Убинская	Екатерининская	375 Под выпуском: 43	1200 Под выпуском: 1200	2	1115	2–11 верст
	Плоская	134	1600		2792	1–13 верст
	Новоалейская	87	400		1772	1–4 верст
	Кабанова	44			1466	3–7 верст
	Выдриха	459 под выпуском – 221	200	2	1336	1–10 верст
	Шемонаиха	384	400	2	2216	2–13 верст

Приложение Д

Обеспеченность селений Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Убинской волостей строевым и дровяным лесом (по состоянию на 1798 г.)

Таблица Д.1 – Обеспеченность селений Крутоберезовской, Усть-Каменогорской и Убинской волостей строевым и дровяным лесом (по состоянию на 1798 г.)³⁹⁵

волость	селение	Строевой лес	Дровяной лес
Крутоберезовская	Крутоберезовская	Нет. Добывался в округе д. Секисовской в расстоянии 65–80 верст от д. Крутоберезовской или покупался у жителей д. Согринской и сплавлялся по Убе	Нет. Наносной лес и тальник по рекам – в недостатке
	редут Барашевский	Нет. Готовые избы покупают в Усть-Каменогорской крепости, дд. Ульбинской (Согринской) и Секисовской	Осокаревый, таловый, черемховый по островам по р. Иртышу в округе деревни; наносной весной по Иртышу карчник
	Зевакина	Нет. Добывается в Шульбинском бору в 60 верстах (по суше) или 150 верстах (по р. Ульбе)	Валежник из Шульбинского бору и тальник с речных островов
	Секисовская	Из-под Долгой сопки и Медвежьего разлома, а также с речек Быструшки, Зобчихи в расстоянии 5–15 верст	Таловый и березовый по Секисовке и впадающим в нее речкам и ключам в расстоянии 3–5 верст.
	Малая Убинская	Пихтовый и осиновый с верховий р. Черной и из логов, прилежащих к горам на расстоянии 4–6 верст от деревни	По речкам Малой Убе, Кривуше, Черной и по увалам в достаточном кол-ве
	Верх-Убинская	Пихтовый и осиновый сплавляется по р. Убе за 80 верст или «конной силой» из урочищ Коновальской и Сергеевской щели за 10–15 верст	вырубается на расстоянии 3–8 верст (хотя можно было собирать и наносной по речкам на расстоянии ½–3 верст)
	Большереченская	Пихтовый и сосновый по речкам Тумашихе и Большой по заводским билетам на расстоянии 6–12 верст от селения	Тополевый и кустарник по реке Убе и речкам Большой со впадающими в них ключами на расстоянии ½–5 верст

³⁹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 25–90(об.).

Продолжение таблицы Д.1

волость	селение	Строевой лес	Дровяной лес
Усть-Каменогорская	хутор князя Еристова	На крупное строение нет. На малое строение – осиновый на расстоянии 16 верст.	Осиновый на расстоянии 16 верст, березовый и таловый – по речкам Березовой и Таловой на расстоянии 5–16 верст
	Усть-Каменогорская крепость	В округе нет. Пихтовый и осиновый лес сплавлялся по рекам Бухтарме и Ульбе, либо привозился по суше с вершин речек Крутоярки и Черемшанки за 20–25 верст	Осиновый и березовый сплавлялся по Бухтарме и Ульбе, либо по суше на расстоянии 15–20 верст, таловый – по речным островам и забокам с расстояния 9 верст
	редут Уваровский	В округе нет. Сплавлялся по Ульбе с расстояния 80–120 верст	Валежник по р. Иртышу и тальник с речных островов
	Красноярская Иртыше	В округе нет. Покупался в д. Ульбинской (лес пихтовый)	В округе нет. В малом количестве добывался курстарник и наносой по Иртышу
	Ульбинская	В округе нет. Добывался в лощинах и по сопкам по правой стороне течения Ульбы в расстоянии 25 верст	Наносной по Иртышу кряжник и тальник с речных островов
	Прапорщикова	Покупался в д. Ульбинской и крепости Усть-Каменогорской; в собственных дачах годного строевого леса – очень мало	Наносной по Иртышу коряжник и тальник с речных островов в округе деревни, также дровяной лес собирался у подножий сопки Большой Седловатой
	Глубокая	Покупался в д. Ульбинской. В собственных дачах практически не добывался ввиду труднодоступности и дальности	Каряжник, наносной по р. Иртышу и тальник по речным островам в собственных дачах и частично – у подножий сопки Круглой
	Бобровская	Пихтовый и осиновый в расстоянии 5–8 верст в достаточном количестве	В расстоянии 2–7 верст в достаточном количестве

Продолжение таблицы Д.1

волость	селение	Строевой лес	Дровяной лес
Убинская	Убинская	Пихтовый и в меньшей степени сосновый сплавался по Убе с расстояния в 30-70 верст	Сплавался по Убе на расстояние 4–8 верст или собирался по речным островам в ½–5 верстах от селения
	форпост Убинский	Пихтовый и сосновый сплавался по Убе на расстоянии 45–85 верст; сосновый из Шульбинского бора по суше с расстояния в 40–60 верст	По забокам по Иртышу и Убе от 1,5 до 8 верст
	Красноярская на Убе и Вавилонская	Сосновый из Шульбинского бора по суше (20–40 верст) или сплавался по р. Убе (пихтовый и осиновый) на расстоянии 5–8 верст	По забокам рек Убы и Таловой (1/2–6 верст)
	Старо-Алейская	В округе нет. Довольствуются по отводу из округи Змеиногорского рудника в расстоянии 40 верст	Тальник и кустарник по реке Алею и речке Гальцовке (летом). На зиму дрова запасались в даче близ д. Устьянской (в 30 верстах)
	Екатерининская	В округе нет. Довольствуются по отводу из округи Змеиногорского рудника в расстоянии 25–30 верст	Тальник и кустарник по Алею и речкам (летом). На зиму дровами запасались в округе бывшего Алейского завода в расстоянии 20–25 верст
	Плоская	В округе нет. Довольствовались из откруги бывшего Алейского завода (20–25 верст) и у подножия сопки Слюдянки	Кустарник по забокам Алея и др. рек, березовый лес из логов в расстоянии 0,5–12 верст
	Новоалейская	В округе нет. Довольствовались из откруги бывшего Алейского завода и у подножия сопки Слюдянки (6–10 верст)	Ветловник и кустарник по речным забокам (Алей и др.), березовый и осиновый – по отводу из бывшей округи Алейского завода
	Кабанова	В округе нет. Довольствовались из откруги бывшего Алейского завода (9-11 верст) и у подножия сопки Слюдянки	Березовый и осиновый по прилежащим к рекам забокам

Продолжение таблицы Д.1

волость	селение	Строевой лес	Дровяной лес
Убинская	Выдриха	В округе нет. В округе нет. Довольствовались из откруги бывшего Алейского завода (45–50 верст) и с верховий Убы (водным путем в расстоянии до 100 верст)	Сплавлился по Убе, также добывался в забоках близлежащих рек (2–15 верст)
	Шемонаиха	Сосновый и сушняк – по отводу в Шульбинском бору (25–40 верст). Тополевый – в забоках и по островам на Убе (13 верст)	Березовый и кустарник – по речкам и логам, топольник по Убе (в своей округе)

Приложение Е

Показатели уровня развития крестьянских хозяйств волостей Верхнего Прииртышья

Таблица Е.1 – Показатели уровня развития крестьянских хозяйств волостей Верхнего Прииртышья³⁹⁶

Волость	Года	Число деревень	ревизские души	годные работники	домов	десятины	лошадей	рогатый скот	овцы	улья
Усть-Каменогорская	1798	5	1596	н/д	н/д	8348 1/4	н/д	н/д	н/д	н/д
	1823	5	1775	1068	597	4701	4870	2578	н/д	н/д
	1825	6	1351	1112	477	2272	4393	2994	3616	6782
	1830	н/д	1285	н/д	н/д	2911	4444	3654	2338	7012
	1835	7	1735	978	479	2936	3646	3569	н/д	н/д
	1841	6	1920	1094	520	н/д	3914	3632	1788	4120
	1842	5	1735	1253	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	1843	5	1735	1058	498	5701	4493	1365	1095	3708
	1844	5	1735	1095	508	5223	5309	1385	905	2772
	1845	5	1735	1124	496	5388,5	5556	1906	1029	4540
	1856	5	2215	768	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	1859	5	2458	1334	630	6522	5936	5701	1755	9850
	1860	5	2457	1373	н/д	7374	6097	5997	н/д	н/д
Крутобрезовская	1798	5	1332	н/д	н/д	6314 3/8	н/д	н/д	н/д	н/д
	1821	9	1711	1057	608	3999	5387	3630	н/д	н/д
	1825	10	2243	1846	797	3856 1,5/12	6930	4793	3702	26319
	1835	11	3323	1779	1022	8855	7263	7954	н/д	н/д
	1838	11	3327	1905	1772	5768 1/6	5228	5908	н/д	н/д
	1842	11	3333	1951	н/д	4119 3/7	5626	5539	1830	14589
	1843	11	3336	н/д	981	6003	5874	4224	3411	13269
	1844	11	3342	2217	1168	5992	5795	5347	2051	11632

³⁹⁶ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 16 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи... С. 348-350 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 53-330.

Продолжение таблицы Е.1

Волость	Года	Число деревень	ревизские души	годные работники	домов	десятины	лошадей	рогатый скот	овцы	улья
Крутобере зовская	1845	11	3347	2252	1187	8315	9198	7554	2920	20658
	1856	13	4535	2327	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	1859	14	5069	2798	1605	11025	12534	13844	4560	47898
	1860	14	5064	н/д	1547	11907 5/8	11905	10741	4458	42308
Убинская	1798	8	1428	н/д	н/д	5802,42	н/д	н/д	н/д	н/д
	1821	12	2199	1225	686	7042	8608	3326	н/д	н/д
	1825	12	2200	1811	722	7022	7936	5099	8112	4875
	1830	н/д	2177	н/д	н/д	н/д	7476	6670	5283	6997
	1835	13	3115	1612	884	6953	8974	7269	н/д	н/д
	1841	13	3098	н/д	1037	н/д	8885	8532	6113	2315
	1842	13	3096	1759	951	8133 1/2	8883	7196	6012	1811
	1843	13	3094	1963	1053	9091	9031	7463	6239	3338
	1844	13	3091	2036	1054	10570	9136	7714	6084	4279
	1856	13	4049	2153	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Бухтарминская	1823	11	884	517	309	2953	2551	2990	н/д	н/д
	1845	13	1450	911	459	3062	4009	2716	1182	9010
	1858	13	1944	1138	659	3651	5765	5325	1778	22256

Приложение Ж

Подписи на расписках жителей деревень Крутоберезовской волости с просьбой об отсрочке приписки крестьян к Колывано-Воскресенским горным заводам, приложенные к рапорту старосты Федора Зуева от 4 августа 1798 г.

Таблица Ж.1 – Подписи на расписках жителей деревень Крутоберезовской волости с просьбой об отсрочке приписки крестьян к Колывано-Воскресенским горным заводам, приложенные к рапорту старосты Федора Зуева от 4 августа 1798 г.³⁹⁷

	№	ФИО крестьянина	Размер пашни, дес.
д. Верх-Убинская	1	Иван Тимофеев	13,5
	2	Семен Антонов	Нет данных
	3	Григорей Володимиров	Нет данных
	4	Родион Жуковской	8
	5	Семен Масляков	27,5
	6	Павел Раков	15,5
	7	Трофим Панфилов	12,5
	8	Нестер Сергеев	10,5
	9	Григорей Тетенков	27,5
	10	Тихон Шкодин	16
	11	Василей Жуковской	17,5
	12	Михайло Гусляков	17,5
	13	Семен Синельников	9
	14	Филип Шатыгин	14
	15	Александр Митрофанов	7,75
	16	Семен Гречишников	10
	17	Ефим Дмитриев	9,25
	18	Ефрем Григорьев, сотник	7

³⁹⁷ Рапорт от Крутоберезовской земской избы земскому управителю Ахвердову за № 6303 от 4 августа 1798 г. // ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 122–150(об.) ; Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Большереченская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 36 ; Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Верх-Убинская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 33(об.)–34(об.) ; Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году) Д. Зевакина // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 28(об.)–29 ; Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Крутоберезовская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 26 ; Роспись жителям кто сколько пахоты десятин имеет (описано в 1798 году). Д. Секисовская и Малая Убинская // РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 31–32.

Продолжение таблицы Ж.1

	№	ФИО крестьянина	Размер пашни, дес.
д. Большерецкая	1	Еклист Крюков, сотник	нет данных
	2	Алексей Рашев	7,25
	3	Федор Москвин	2,75
	4	Денис Шешуков	нет данных
	5	Андрей Медведев	нет данных
	6	Козма Ярославцов	нет данных
	7	Егор Щетников	1,5
	8	Иван Щетников	1,5
	9	Захар Овчинников	нет данных
	10	Василей Шушуков	нет данных
	11	Петр Зайцин	нет данных
	12	Григорей Москвин	нет данных
	13	Козма Козмин	нет данных
	14	Фрол Полетаев	нет данных
	15	Федул Потапов	нет данных
	16	Гаврило Одинцов	нет данных
	17	Иван Резанов	нет данных
д. Секисовская	1	Иван Бретоусов, сотник	нет данных
	2	Архип Антропов	нет данных
	3	Максим Глушаков	39
	4	Архип Дородной	нет данных
	5	Федор Черной	нет данных
	6	Яков Ганавичев	8
	7	Денис Кожемякин	нет данных
	8	Сысой Колесников	20
	9	Корней Троеглазов	нет данных
д. Крутоберезовская	1	Петр Никитин, сотник	2
	2	Максим Корнеев (Коренков)	6,5
	3	Июда Володимеров	11
	4	Федор Гаганин	6,5
	5	Дмитрей Гаганин	нет данных
	6	Михайло Якимов	11,5
	7	Никифор Тимофеев	8
	8	Данило Иванов	5,625
	9	Козма Софонов	9
	10	Афонасей Казаченков	13
	11	Терентей Третьяков	9,5
	12	Никифор Антипов	10,5
	13	Федор Степанов	6,5
	14	Федор Панкратов	5,5
	15	Аника Юдин	7

Продолжение таблицы Ж.1

	№	ФИО крестьянина	Размер пашни, дес.
д. Крутоберезовская	16	Михайло Думнов	6,5
	17	Григорей Аксенов	9,5
	18	Петр Ефимов	нет данных
	19	Иван Жилов	7
	20	Петр Назаров	нет данных
	21	Иван Акимов	6,5
	22	Яков Галактионов	8
	23	Григорей Михеев	9
	24	Каондратей Семенов	11
	25	Григорей Яковлев	3,5
	26	Кирило Петров (Пестов)	3
	27	Яков Толстов (Толстых)	4
	28	Иван Тимофеев	нет данных
	29	Иван Колобов	нет данных
	30	Илья Егоров	нет данных
	31	Дмитрей Данилов	9,5
	32	Степан Данилов	5,5
	33	Михайло Андронов	4
д. Зевакина	1	Василей Ляпунов, сотник	нет данных
	2	Андрей Боровиков	43
	3	Никифор Боровиков	45,5
	4	Александр Боровиков	34
	5	Василей Кожевников	49
	6	Осип Кожевников	25,5
	7	Дмитрей Фомин	29
	8	Леонтей Фомин	17,5
	9	Михайло Фомин	39,5
	10	Петр Фомин	19
	11	Сергей Фомин	19,5
	12	Исак Фомин	23,5
	13	Яким Фомин	32
	14	Ульян Шешуков	11,5
	15	Алексей Шешуков	18
	16	Степан Шешуков	16
	17	Тимофей Шахов	30,5
	18	Иван Митрофанов	29
	19	Гаврила Митрофанов	18
	20	Федор Митрофанов	18,5
	21	Тимофей Коновалов	24
	22	Козма Коновалов	38
	23	Герасим Коновалов	31 1/3

Продолжение таблицы Ж.1

	№	ФИО крестьянина	Размер пашни, дес.
д. Зевакина	24	Афонасей Сизиков	нет данных
	25	Иван Сизиков	20,5
	26	Яков Поломошников	32
	27	Егор Пинегин	17
	29	Федор Харламов	2,5
	30	Егор Харламов	3,5
	31	Тихон Круглов	14,5
	32	Иван Круглов	4
	33	Козма Власов	30
	34	Федор Кузнецов	19,5
	35	Василей Кузнецов	30,5
	36	Иван Кузнецов	17
	37	Федор же Кузнецов	32,5
	38	Федор Чащин	23
	39	Федор Логинов	10
	40	Тимофей Езвили	17
	41	Петр Савельев	15,5
	42	Василей Дягилев	17
	43	Григорей Дягилев	23
	44	Андрей Дягилев	нет данных
	45	Иван Бочаров	19
	46	Семен Варфоломеев	нет данных
	47	Иван Варфоломеев	нет данных
	48	Алексей Куликов	16,5
	49	Селиверст Куликов	15,5
	50	Петр Куликов	11,5
	52	Степан Проскуряков	32
	53	Василей Мартынов	31
	54	Григорей Попов	14,5
	55	Яков Сеневилов	5
	56	Павел Крюков	24,5
	57	Николай Золотников	4

Приложение И

Размеры пашен крестьян, подписавших расписок от земских изб Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостей о согласии осуществить расклады в заводские работы

Таблица И.1 – Размеры пашен крестьян, подписавших расписок от земских изб Усть-Каменогорской, Убинской и Крутоберезовской волостей о согласии осуществить расклады в заводские работы³⁹⁸

№	ФИО	Размер пашни, дес.
Усть-Каменогорская земская изба		
д. Прапорщикова		
1	Михайло Подойников	27,25
2	Ефим Тимофеев	6,25
д. Ульбинская		
1	Данило Никифоров ³⁹⁹	н/д
2	Егор Медвянин	н/д
д. Бобровская		
1	Илья Худяков	43
2	Федор Налимов	28
д. Глубокая		
1	Петр Круглов	28
2	Алексей Горохов ⁴⁰⁰	н/д
3	Павел Иванов	н/д
д. Красноярская		
1	Яков Башкарев	43
2	Егор Лавренев	н/д
Староста, приложивший печать		
	Лазарь Минеев	
Крутоберезовская земская изба		
д. Крутоберезовская		
1	Кирило Пестов	3
2	Захар Ермолаев	10
д. Зевакина		
1	Михайло Фоминых	39,5
2	Тимофей Шахов	30,5

³⁹⁸ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 150. Л. 148–150 (об.) ; РГИА. Ф. Оп. Л. 26–26(об.), 28(об.)–29, 31–32, 33(об.)–34(об.), 46–46(об.), 56–56(об.), 58–58(об.), 60–60(об.), 62–62(об.), 64–64(об.), 72(об.)–73, 74(об.)–75, 76–77, 80, 81, 82(об.)–83, 84, 86.

³⁹⁹ В списке землепашцев д. Ульбинской за 1798 г. – Алексей Никифоров, размер пашни – 16 дес.

⁴⁰⁰ В списке землепашцев д. Глубокой за 1798 г. есть Александр Горохов, размер пашни – 21 дес.

Продолжение таблицы И.1

№	ФИО	Размер пашни, дес.
д. Большерецкая		
1	Никита Конахин	13
2	Константин Бахарев	8,25
д. Верх-Убинская		
1	Иван Козлов	17
2	Василей Меркушев ⁴⁰¹	н/д
д. Секисовской		
1	Афонасей Курочкин	20
2	Денис Кожемякин	н/д
Староста, приложивший печать		
	Федор Зуев	
Убинская земская изба		
д. Убинская		
1	Василей Денисов	н/д
2	Леонтей Денисов	н/д
д. Красноярская на Убе		
1	Николай Похабов	14
д. Шемонаевская		
1	Савелей Девяткин	н/д
2	Емельян Яковлев	н/д
д. Старо-Алейская		
1	Семен Смирных	н/д
д. Плоская		
1	Егор Диков	8
д. Верх-Алейская		
1	Григорей Брусов	н/д
д. Кабанова		
1	Федор Елсуфьеф	27
д. Выдринская		
1	Григорей Слебцов ⁴⁰²	н/д
Староста, приложивший печать		
	Андрей Рябов	

⁴⁰¹ В списке землепашцев д. Верх-Убинской за 1798 г. есть Трофим Меркушев, размер пашни – 5,5 дес.

⁴⁰² В списке хлебопашцев д. Выдринской за 1798 г. есть Федор Слепцов, размер пашни – 8,5 дес.

Приложение К

Сведения о крестьянах Крутоберезовской волости, желающих переселиться на новые места

Таблица К.1 – Сведения о крестьянах Крутоберезовской волости, желающих переселиться на новые места (с указанием расстояния от новых мест жительства до заводов и рудников)⁴⁰³

Населенные пункты и места, предлагаемые для переселения		Заводы (расстояние в верстах)						Рудники (расстояние в верстах)														
		Барнаульский	Колыванский	Локтевский	Сузунский	Павловский	Гавриловский	Томский	Змеиногорский	Черепановский	Семеновский	Николаевский	Петровский	1й Карамышевский	Риддерский	Зыряновский	Салаирский	Гольцовский	Лазурский	2й Акимовский	Бухтарминский	Локтевский
Деревня Зевакина		363	149	160	387	344	--	505	116	--	--	46	--	--	--	--	524	--	--	--	--	--
Переселенцы		358	144	143	382	338	--	500	114	--	--	40	--	--	--	--	519	--	--	--	--	--
Деревня Секисовка		344	130	153	368	324	--	486	97	--	--	55	--	--	94	--	505	--	--	--	--	--
Из деревни Секисовки	10 душ	598	383	420	632	579	742,5	763	351	360	324	263	355	--	279	--	--	339	344	393,5	91	423
	69 душ	556	341	378	590	537	700,5	721	309	318	282	221	331	--	237	--	--	297	302	351,5	49	381
	98 душ	352	138	161	376	332	--	494	105	--	--	60	--	--	82	--	513	--	--	--	--	--
Деревня Верхнеубинская		24	10	33	48	04		66	7			5			25							
Переселенцы		Вместе с 69 душами из д. Секисовки																				

⁴⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 51.

Приложение Л

Сведения о крестьянах Убинской волости, желающих переселиться на новые места

Таблица Л.1 – Сведения о крестьянах Убинской волости, желающих переселиться на новые места (с указанием расстояния от новых мест жительства до заводов и рудников)⁴⁰⁴

Населенные пункты и места, предлагаемые для переселения	Заводы (расстояние в верстах)						Рудники ((расстояние в верстах)														
	Барнаульский	Колыванский	Локтевский	Сузунский	Павловский	Гавриловский	Томский	Змеиногорский	Черепановский	Семеновский	Николаевский	Петровский	1й Карамышевский	Риддерский	Зыряновский	Салаирский	Гольцовский	Лазурский	2й Акимовский	Бухтарминский	Локтевский
Деревня Убинская	351	137	142	375	331	--	493	104	--	--	34	--	--	104	--	512	--	--	--	--	--
Переселенцы	350	136	122	374	330	--	492	103	--	--	32	--	--	--	--	521	--	--	--	--	--
Деревня Екатерининская	278	64	75	302	258	--	420	31	--	--	40	--	--	--	--	439	--	--	--	--	--
Переселенцы	269	54	91	303	250	423,5	434	23	31	12	68	27	--	147	277	409	16	15	--	244	90
Деревня Выдринская	310	96	119	334	290	--	452	63	--	--	18	--	--	--	--	471	--	--	--	--	--
Переселенцы	531	316	353	565	512	675,5	696	284	293	257	196	228	--	212	--	--	272	277	326,5	24	356

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456. Л. 51.

Приложение М

Численность населения в волостях Верхнего Прииртышья

Таблица М.1 – Численность населения в волостях Верхнего Прииртышья⁴⁰⁵

Усть-Каменогорская волость										
деревни	Число жителей (р.д.)		деревни	Число жителей (р.д.)						
	1799	1823		1835	1841	1843	1844	1845	1859	1860
Красноярская на Иртыше	219	279	Прапорщикова	329	332	332	332	332	479	479
Ульбинская	269	297	Глубокая	540	539	539	539	539	739	739
Прапорщикова	186	221	Красноярская на Иртыше	435	439	439	439	439	656	656
Глубокая	436	454	Березовка	245	245	245	245	245	331	331
Бобровская	486	396	Зевакина	181	180	180	180	180	253	253
Тарханская	-	128	Солоновская	185	185	-	-	-	-	-
Всего	1569	1775	Всего	1735	1920	1735	1735	1735	2458	2458

⁴⁰⁵ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 97, 99-101.

Продолжение таблицы М.1

Крутоберезовская волость												
деревни	Число жителей (р.д.)		деревни	Число жителей (р.д.)								
	1798	1821		1835	1838	1839	1842	1843	1844	1845	1859	1860
Крутоберезовская	167	176	Верхнеубинская	449	449	449	450	450	450	451	721	721
Зевакина	245	136	Малая Убинка	314	314	314	314	314	315	315	581	501
Секисовка	536		Быструха	270	270	270	270	270	271	271	440	439
Малая Убинская	168	187	Бутакова	128	128	128	128	129	129	129	161	160
Верх-Убинская		299	Большереченская	240	240	240	247	249	253	255	363	363
Большереченская	216		Бобровка	566	570	566	570	570	570	570	756	756
Быструха	-	154	Ульбинская	387	387	387	385	385	385	387	499	499
Бутакова	-	76	Тарханская	228	228	228	228	228	228	228	346	345
Большереченская	-	210	Поперечная	48	48	48	48	48	48	48	107	107
Черемшанка	-	109	Черемшанка	169	169	169	169	169	169	169	280	280
Секисовская	-	364	Секисовская	524	524	524	524	524	524	524	721	719
			Стрежная		-	-	-	-	-	-	51	51
			Волчанская		-	-	-	-	-	-	41	41
			Орловская		-	-	-	-	-	-	82	82
Всего	1332	1711	Всего	3323	3327	3323	3333	3336	3342	3347	5069	5064

Продолжение таблицы М.1

Убинская волость								
деревни	Число жителей (р.д.)		деревни	Число жителей (р.д.)				
	1798	1821		1835	1841	1842	1843	1844
Убинская	360	299	Выдринская	296	298	297	297	293
Выдриха	266	251	Убинская	374	368	368	368	368
Красноярская на Убе		144	Красноярская на Убе	174	170	170	170	170
Вавилонская	136	95	Вавилонская	34	122	122	122	123
Староалейская	308	315	Шемонаиха	525	521	521	521	521
Екатерининская	170	140	Екатерининская	232	236	236	234	234
Плоская	147	181	Староалейская	440	411	411	411	411
Новоалейская	178	177	Плоская	228	229	228	228	228
Кабанова	72	92	Новоалейская	254	258	258	258	258
Шемонаиха	151	319	Кабанова	124	124	124	124	124
Новошульбинская	-	104	Новошульбинская	153	154	154	154	154
Жерновская	-	82	Жерновская	144	144	144	144	144
			Бородулиха	37	63	63	63	63
Всего	1788	2199	Всего	3115	3098	3096	3094	3091

Продолжение таблицы М.1

Бухтарминская волость			
деревни	Число жителей (р.д.)		
	1823	1845	1858
Снегирева	133	208	286
Тургусунская	101	133	182
Крестовская	79	94	127
Кондратьева	121	168	221
Нарыгина	77	69	98
Богарытева	86	111	137
Соловьева	58	80	97
Солоновская	115	190	279
Огнева	16	82	101
Хайрузовская	72	108	122
Александровская	26	51	83
Бородинская	-	50	85
Мякотиха	-	106	126
ИТОГО	884	1450	1944

Приложение Н

Посевы сельскохозяйственных культур в волостях Верхнего Прииртышья за 1847 г.

Таблица Н.1 – Посевы сельскохозяйственных культур в волостях Верхнего Прииртышья за 1847 г.⁴⁰⁶

[illegible]

⁴⁰⁶ Ведомость, составленная в Алтайском Горном Правлении, о посеве яровых хлебов приписными к Колывановсокресенским заводам крестьянами весною сего 1847 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 125. Л. 61–73.

Продолжение таблицы Н.1

[illegible]

Продолжение таблицы Н.1

Усть-Каменогорская	Убинская	Волости	Число ревизских душ в 1847 г.	Сколько засеяно разного рода хлеба в 1847 году																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																	
			Ревизские души	Годных работников	Занимающихся хлебопашеством	ярица	пшеница	ячмень	овес	горох	картофель	просо	полба	гречиха	семян						Итого засеяно																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																
															десятин	четвертей	десятин	четвертей	десятин	четвертей			конопли		льна		мака																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																										
																							десятин	четвертей	десятин	четвертей	десятин	четвертей	десятин	четвертей																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																							
1735	3094			Ревизские души			десятин			ярица			десятин			ячмень			овес			горох			картофель			просо			полба			гречиха			семян						Итого засеяно																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																										
1172	1914			Годных работников			четвертей			пшеница			десятин			четвертей			десятин			ячмень			десятин			четвертей			десятин			десятин			конопли	льна		мака																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																													
532	1553			Занимающихся хлебопашеством			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин					десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин			десятин	

Приложение II

Посевы крестьян Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей в 1798–1860 гг.

Таблица П.1 – Посевы крестьян Убинской, Усть-Каменогорской и Крутоберезовской волостей в 1798–1860 гг.⁴⁰⁷

Деревни	Число посевов на 1 ревизскую душу					
	1798	1838	1841	1843	1844	1860
Усть-Каменогорская волость						
Зевакина	6,25 ⁴⁰⁸	н/д	н/д	3,15	2,42	2,33
Прапорщикова	5,4	н/д	1,06	3,96	3,75	2,5
Глубокая	4,36	н/д	1,39	4,47	3,75	3,38
Красноярская на Иртыше	4,03	н/д	н/д	2,18	2,3	3,07
Березовка	н/д	н/д	2,42	1,84	2,1	4,37
Солоновская	н/д	н/д	1,65	н/д	н/д	н/д
ВСЕГО	н/д	н/д	1,07	3,29	3,01	3
Крутоберезовская волость						
Секисовская	5,7	2,98	н/д	2,67	2,43	2,26
Малая Убинка		2,4	н/д	3,3	3,06	1,86
Верхнеубинская (Лосиха)	4,78	3,11	н/д	3,45	3,45	2,54
Быструха	н/д	2,12	н/д	2,57	3,5	2,3
Бутакова	н/д	2,92	н/д	3,28	2,95	2,53
Большереченская (Большая Речка)	3,5	2,22	н/д	2,3	2,5	1,98
Бобровка	н/д	2,33	н/д	1,82	2,46	2,61
Ульбинская	3,22 ⁴⁰⁹	2,27	н/д	2,73	2,49	3,2
Тарханская	н/д	2,35	н/д	3,02	2,79	1,91

⁴⁰⁷ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27.

⁴⁰⁸ В 1798 г. входила в состав Крутоберезовской волости.

⁴⁰⁹ В 1798 г. входила в состав Усть-Каменогорской волости.

Продолжение таблицы П.1

Деревни	Число посевов на 1 ревизскую душу					
	1798	1838	1841	1843	1844	1860
Поперечная	н/д	2,68	н/д	4,89	2,44	2,14
Черемшанка	н/д	2,55	н/д	3,55	3,5	2,37
Крутоберезовская	1,65	н/д				
Стрежная	н/д					1,9
Волчанская	н/д					1,33
Орловская	н/д					1,48
ВСЕГО	4,74	1,73	н/д	1,8	1,79	2,35
Убинская волость						
Кабанова	5,8	н/д	н/д	3,23	н/д	н/д
Шемонаиха	4,84	н/д	н/д	2,69	н/д	н/д
Выдринская	4,51	н/д	0,71	1,67	н/д	н/д
Екатерининская	3,81	н/д	н/д	2,99	н/д	н/д
Убинская	3,4	н/д	1,14	2,21	н/д	н/д
Плоская	3,37	н/д	1,04	1,83	н/д	н/д
Красноярская	3,09	н/д	н/д	2,96	н/д	н/д
Вавилонская		н/д	н/д	3,83	н/д	н/д
Новоалейская	1,39	н/д	н/д	1,96	н/д	н/д
Старо-Алейская	1,36	н/д	н/д	4	н/д	н/д
Новошувьбинская	н/д	н/д	н/д	4,51	н/д	н/д
Жерновская	н/д	н/д	н/д	5,65	н/д	н/д
Бородулиха	н/д	н/д	н/д	3,67	н/д	н/д
ВСЕГО	3,25	н/д	1,29	2,94	н/д	н/д

Приложение Р

Разведение лошадей в деревнях Верхнего Прииртышья

Таблица Р.1 – Разведение лошадей в деревнях Верхнего Прииртышья⁴¹⁰

Деревня	Количество лошадей				
Усть-Каменогорская					
	1841	1843	1844	1860	
Глубокая	759	1591	1564	1615	
Красноярская	759	826	1020	1826	
Прапорщикова	658	1065	1090	896	
Березовка	668	578	705	1260	
Зевакина	511	433	930	500	
Солоновская	559	-	-	-	
ИТОГО	3914	4493	5309	6097	
Крутоберезовская					
	1838	1842	1843	1844	1860
Верхнеубинская (Лосиха)	1334	1239	1424	1503	1733
Секисовская	1230	1383	1412	1247	1239
Бобровка	1174	1304	1393	1302	1639
Ульбинская	967	974	1045	1083	1231
Малая Убинка	681	893	822	860	1591
Большереченская	651	573	644	580	822
Быструха	633	877	903	652	1153
Черемшанка	447	549	518	580	964
Тарханская	377	417	445	556	477
Бутакова	282	363	341	289	359
Поперечная	100	63	76	158	364
Орловская	-	-	-	-	170
Стрежная	-	-	-	-	94
Волчанская	-	-	-	-	69
ИТОГО	7876	8635	9023	8810	11905

⁴¹⁰ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 144, 146-148.

Продолжение таблицы Р.1

Деревня	Количество лошадей		
	Убинская		
	1841	1842	1843
Шемонаиха	1317	1314	1317
Новошульбинская	1093	1022	1123
Старо-Алейская	1026	1061	1059
Убинская	950	989	822
Жерновская	815	788	697
Выдринская	777	763	763
Новоалейская	604	604	633
Красноярская	506	506	504
Плоская	450	479	632
Екитерининская	422	422	459
Вавилонская	397	394	397
Кабанова	393	404	412
Бородулиха	135	137	213
ИТОГО	8885	8883	9031
	Бухтарминская		
	1823	1845	1858
Снегирева	447	545	638
Тургусунская	375	374	477
Крестовская	209	309	427
Кондратьева	364	468	646
Нарыгина	152	131	175
Богарытева	269	362	471
Соловьева	16	195	242
Солоновская	419	570	927
Огнева	51	216	355
Хайрузовская	196	273	558
Александровская	53	126	221
Бородинская	-	194	298
Мякотиха	-	246	330
ИТОГО	2551	4009	5765

Приложение С

Обеспеченность крестьян лошадьми на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.

Таблица С.1 – Обеспеченность крестьян лошадьми на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.⁴¹¹

Деревни	Количество лошадей на 1 ревизскую душу					
	1838	1841	1842	1843	1844	1860
	на р.д.	на р.д.	на р.д.	на р.д.	на р.д.	на р.д.
Крутоберезовская волость						
Верхнеубинская (Лосиха)	2,97	н/д	2,75	2,76	3,34	2,4
Большереченская (Большая Речка)	2,71	н/д	2,32	2,59	2,92	2,26
Черемшанка	2,64	н/д	3,25	3,07	3,43	3,44
Ульбинская	2,5	н/д	2,53	2,71	2,81	2,47
Секисовская	2,35	н/д	2,64	2,69	2,38	1,72
Быструха	2,34	н/д	3,25	3,34	2,41	2,63
Бутакова	2,2	н/д	2,84	2,81	2,24	2,24
Малая Убинка	2,17	н/д	2,84	2,62	2,73	3,18
Поперечная	2,08	н/д	1,31	1,58	3,29	3,4
Бобровка	2,06	н/д	2,29	2,44	2,28	2,17
Тарханская	1,65	н/д	1,83	1,95	2,44	1,38
Стрежная	н/д					1,84
Волчанская	н/д					1,68
Орловская	н/д					2,07
По волости	1,57	н/д	1,69	1,76	1,73	2,35

⁴¹¹ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27.

Продолжение таблицы С.1

Деревни	Количество лошадей на 1 ревизскую душу					
	1838	1841	1842	1843	1844	1860
	на р.д.	на р.д.	на р.д.	на р.д.	на р.д.	на р.д.
Усть-Каменогорская волость						
Солоновская	н/д	3,02	н/д	н/д	н/д	н/д
Зевакина	н/д	2,84	н/д	2,41	5,17 ⁴¹²	1,98
Березовка	н/д	2,73	н/д	2,36	2,88	3,81
По волости	н/д	2,04	н/д	2,59	3,06	2,48
Прапорщикова	н/д	1,98	н/д	3,21	3,28	1,87
Красноярская на Иртыше	н/д	1,73	н/д	1,9	2,32	2,78
Глубокая	н/д	1,41	н/д	2,95	2,9	2,19
Убинская волость						
Новошуйбинская	н/д	7,1	6,64	7,29	н/д	н/д
Жерновская	н/д	5,66	5,47	4,84	н/д	н/д
Вавилонская	н/д	3,25	3,23	3,25	н/д	н/д
Кабанова	н/д	3,17	3,26	3,32	н/д	н/д
Красноярская на Убе	н/д	2,98	2,98	2,96	н/д	н/д
Выдринская	н/д	2,61	2,57	2,53	н/д	н/д
Убинская	н/д	2,58	2,69	2,23	н/д	н/д
Шемонаиха	н/д	2,53	2,52	2,53	н/д	н/д
Старо-Алейская	н/д	2,5	2,58	2,58	н/д	н/д
Новоалейская	н/д	2,34	2,34	2,45	н/д	н/д
Бородулиха	н/д	2,14	2,17	3,38	н/д	н/д
Плоская	н/д	1,97	2,1	2,77	н/д	н/д
Екатерининская	н/д	1,79	1,79	1,96	н/д	н/д
По волости	н/д	2,87	2,87	2,92	н/д	н/д

⁴¹² По данным в ревизской сказке число лошадей в д. Зевакиной в 1844 г. составило 930 голов. Исходя из этой цифры указана обеспеченность на р.д. и двор в таблице. Однако по подсчетам автора количество лошадей в указанном году в д. Зевакиной составило 620 голов, следовательно, средние показатели могут быть следующими: 3,44 – на ревизскую душу и 11,92 – на двор.

Приложение Т

Расположение крестьян волостей Верхнего Прииртышья в работы на заводы и рудники в 1853 г.

Таблица Т.1 – Расположение крестьян волостей Верхнего Прииртышья в работы на заводы и рудники в 1853 г.⁴¹³

Волость	Число душ по ревизии	завод	рудники	Число душ, расположенных в работу	Вид выполняемой работы
Убинская	4063		Семеновский	8	Рубка дров
			Черепановский Змеиногорский Петровский Карамышевский Черепановский	295¾	Рубка дров
		Змеевский		96¼	Рубка дров
			Семеновский	24 5/8	Возка угля
			Черепановский	104 4/8	Возка угля
			Змеиногорский, Петровский, Карамышевский	757½	Возка угля
		Змеевский		993	Возка угля
			С Зыряновского рудника на Верхнеиртышскую пристань	1500	Перевозка руд
			С Риддерского рудника в Локтевский завод	283	Перевозка руд
	Итого			4063	
Крутоберезовская	4523		Риддерский и Сокольный	139¼	Рубка дров
			Белоусовский и Березовский	53 1/8	Рубка дров
		Локтевский		256 5/8	Рубка дров
			Риддерский и Сокольный	121 1/8	Возка угля
			Белоусовский	33¼	Возка угля
			Березовский	58 5/8	Возка угля
		Змеевский		1200	Возка угля
		Локтевский		687	Возка угля

⁴¹³ Расписание, составленное в Алтайском Горном Правлении о том, сколько в каких волостях приписных к Алтайским заводам крестьян, состоит в 1853 году, сколько на них работ расположено по назначению Совета сего года и где они исправлять их должны // ГАТО. Ф. 2. Оп. 1831. Д. 1. ЛЛ. 29–30.

Продолжение таблицы Т.1

Волость	Число душ по ревизии	завод	рудники	Число душ, расположенных в работу	Вид выполняемой работы
Крутоберезовская			С Зырянвского рудника на Верхнеиртышскую пристань	1500	Перевозка руд
			С Усть-Каменогорской пристани на Змеевскую площадь (Змеевский завод)	474	Перевозка руд
	Итого			4523	
Усть-Каменогорская	2263		Николаевский и Таловский	27½	Рубка дров
			Сугатовский	35 1/8	Рубка дров
		Змеевский		164 1/8	Рубка дров
			Николаевский и Таловский	49	Возка угля
			Сугатовский	48	Возка угля
		Змеевский		954	Возка угля
			С Зырянвского рудника на Верхнеиртышскую пристань	985	Перевозка руд
	Итого			2263	
Бухтарминская	1870		Зыряновский рудник	395½	Рубка дров
			Зыряновский рудник	165½	Возка угля
			С Зырянвского рудника на Верхнеиртышскую пристань	1309	Перевозка руд
	Итого			1870	

Приложение У
Скотоводство в населенных пунктах Крутоберезовской,
Усть-Каменогорской, Убинской волостей

Таблица У.1 – Скотоводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей⁴¹⁴

Название селения	Количество крупного рогатого скота						
Усть-Каменогорская							
	1823	1835	1841	1843	1844	1845	1860
Красноярская	356	510	1018	346	345	341	1768
Глубокая	564	887	751	400	309	992	1850
Березовка	395	637	636	173	210	142	1190
Прапорщикова	-	636	436	299	296	230	849
Зевакина	-	492	378	147	225	201	340
Солоновская	-	407	413	-	-	-	-
Всего	2578	3569	3632	1365	1385	1906	5997
Крутоберезовская							
	1821	1838	1842	1843	1844	1860	
Секисовская	875	1540	1423	1064	971	1286	
Верхнеубинская (Лосиха)	256	1422	1183	1261	1355	1758	
Бобровка	474	1368	1373	1087	1315	1557	
Ульбинская	303	877	1014	842	986	1193	
Малая Убинка	140	734	819	545	516	1049	
Большереченская	-	719	616	87	540	805	
Быструха	-	543	727	795	650	1039	
Черемшанка	-	505	437	436	570	589	
Тарханская	-	426	443	400	523	369	
Бутакова	415	375	184	240	252	323	
Поперечная	439	98	49	68	190	349	
Стрежная	-	-	-	-	-	128	
Волчанская	-	-	-	-	-	74	
Орловская	-	-	-	-	-	222	
Всего	3630	8607	8268	6825	7868	10741	

⁴¹⁴ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 191–194.

Продолжение таблицы У.1

Убинская					
	1821	1835	1841	1842	1843
Выдринская	113	840	1209	1035	1035
Убинская	299	537	991	20 ⁴¹⁵	174
Красноярская	77	367	493	443	483
Вавилонская	233	409	314	319	319
Шемонаиха	75	1061	1051	1051	1051
Екитерининская	87	529	467	467	434
Старо-Алейская	65	1056	1097	1063	1064
Плоская	491	529	492	509	589
Новоалейская	351	421	598	548	578
Кабанова	252	315	314	316	372
Новошкульбинская	750	524	779	695	734
Жерновская	533	599	590	590	493
Бородулиха	-	82	137	140	137
Всего	3326	7714	8532	7196	7463
Бухтарминская					
	1823	1845	1858		
Снегирева	538	355	526		
Тургусунская	274	245	462		
Крестовская	195	197	299		
Кондратьева	322	322	617		
Нарыгина	223	102	153		
Богарытева	251	224	364		
Соловьева	225	140	227		
Солоновская	645	411	986		
Огнева	50	165	368		
Хайрузовская	182	171	492		
Александровская	85	104	207		
Бородинская	-	116	289		
Мякотиха	-	164	335		
Всего	2990	2716	5325		

⁴¹⁵ В резвизской сказке д. Убинской за 1842 г. рогатого скота не отмечено, только у Игнатя Кондратьева Исакова указано 20 коров.

Приложение Ф

Обеспеченность крестьян крупным рогатым скотом на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.

Таблица Ф.1 – Обеспеченность крестьян крупным рогатым скотом на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.⁴¹⁶

Деревни	Число крупного рогатого скота на 1 ревизскую душу				
	1838	1842	1843	1844	1860
Крутоберезовская волость					
Верхнеубинская (Лосиха)	3,17	2,63	2,8	3	2,43
Большереченская (Большая Речка)	3	2,49	0,35	2,13	2,22
Черемшанка	2,99	2,59	2,58	3,37	2,1
Секисовская	2,94	2,72	2,03	1,85	1,79
Бутакова	2,93	1,44	1,86	1,95	2,01
Бобровка	2,4	2,41	1,91	2,31	2,1
Малая Убинка	2,33	2,6	1,74	1,64	2,09
Ульбинская	2,27	2,63	2,19	2,56	2,39
Поперечная	2,04	1,02	1,42	3,96	3,26
Быструха	2	2,69	2,94	2,4	2,37
Тарханская	1,87	1,94	1,75	2,29	1,07
Орловская	-	-	-	-	2,71
Стрежная	-	-	-	-	2,51

⁴¹⁶ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27.

Продолжение таблицы Ф.1

Деревни	Число крупного рогатого скота на 1 ревизскую душу				
	1838	1842	1843	1844	1860
Волчанская	-	-	-	-	1,8
По волости	1,78	1,66	1,27	1,6	2,12
Усть-Каменогорская волость					
Прапорщикова	н/д	н/д	0,9	0,89	1,75
Зевакина	н/д	н/д	0,82	1,25	1,34
Красноярская на Иртыше	н/д	н/д	0,79	0,79	2,7
Глубокая	н/д	н/д	0,74	0,57	2,5
Березовка	н/д	н/д	0,71	0,86	3,6
Солоновская	н/д				
По волости	н/д	н/д	0,79	0,8	2,44
Убинская волость					
Новошувьбинская	н/д	4,51	4,77	н/д	н/д
Жерновская	н/д	4,1	3,42	н/д	н/д
Выдринская	н/д	3,48	3,48	н/д	н/д
Красноярская на Убе	н/д	2,61	2,84	н/д	н/д
Вавилонская	н/д	2,61	2,61	н/д	н/д
Старо-Алейская	н/д	2,59	2,59	н/д	н/д
Кабанова	н/д	2,55	3	н/д	н/д
Новоалейская	н/д	2,12	2,24	н/д	н/д
Плоская	н/д	2,23	2,58	н/д	н/д
Бородулиха	н/д	2,22	2,17	н/д	н/д
Шемонаиха	н/д	2,02	2,02	н/д	н/д
Екатерининская	н/д	1,98	1,85	н/д	н/д
Убинская	н/д	0,05	0,47	н/д	н/д
По волости	н/д	2,32	2,41	н/д	н/д

Приложение X

Скотоводство в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.

Таблица X.1 – Скотоводство в деревнях Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1843–1860 гг.⁴¹⁷

Деревни		Зевакина Усть-Каменогорской волости		Выдринская Убинской волости		Тарханская Крутоберезовской волости	
год		1843	1845	1841	1843	1843	1860
жители		180	180	297	298	228	345
дворы		57	57	101	115	75	108
Скот, головы		147	147	1035	1209	400	369
Количество рогатого скота в 1 дворе (головы)	1	19	7	1	4	-	15
	2	14	10	4	6	10	19
	3	3	4	8	9	7	19
	4	5	7	8	12	14	21
	5	1	9	10	5	13	12
	6	1	1	5	5	7	11
	7	1	3	4	2	6	4
	8	1	-	1	11	6	5
	9	-	-	9	8	4	-
	10	1	4	12	11	8	1
	11	-	-	4	2	-	-
	12	-	2	6	5	-	-
	13	-	-	3	4	-	-
	14	-	-	3	6	-	-
	15	-	-	6	4	-	-
	16	-	-	1	1	-	-

⁴¹⁷ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 160(об.)–173 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 160(об.)–173 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 171(об.)–188 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 15. Л. 1(об.)–16 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 125(об.)–138 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 18. Л. 1(об.)–12 ; Ф. 15. Оп. 1. Д. 21. Л. 122 (об.)–140.

Продолжение таблицы Х.1

Деревни		Зевакина Усть-Каменогорской волости		Выдринская Убинской волости		Тарханская Крутоберезовской волости	
год		1843	1845	1841	1843	1843	1860
Количество рогатого скота в 1 дворе (головы)	17	-	-	2	1	-	-
	18	-	-	1	-	-	-
	20	1	1	3	7	-	-
	21	-	-	3	-	-	-
	22	-	-	1	-	-	-
	24	-		1	-	-	-
	25	-	-	1	1	-	-
	30	-	1	1	3	-	-
	35	-	-	1	1	-	-
	37	-	-	1	-	-	-
	39	-	-	1	-	-	-
	40	-	-	1	-	-	-

Приложение Ц

Овцеводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей

Таблица Ц.1 – Овцеводство в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей⁴¹⁸

Название селения	Количество овец				
Усть-Каменогорская					
	1841	1843	1844	1845	1859
Красноярская	694	0	0	0	260
Березовка	307	281	207	452	700
Зевакина	275	308	222	256	235
Глубокая	58	382	342	195	440
Прапорщикова	нет	124	134	126	120
Солоновская	454	-	-	-	-
Всего	1788	1095	905	1029	1755
Крутоберезовская					
	1842		1844		1860
Ульбинская	880		675		1136
Верхнеубинская (Лосиха)	750		1038		963
Секисовская	565		817		490
Малая Убинка	376		424		366
Черемшанка	281		454		483
Быструха	281		275		368
Бутакова	51		53		72
Поперечная	39		32		88
Тарханская	14		0		88
Большереченская	0		20		295
Бобровка	0		0		0
Стрежная	-		-		33
Волчанская	-		-		5
Орловская	-		-		71
Всего	3237		3788		4458

⁴¹⁸ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. С. 326, 238-240.

Продолжение таблицы Ц.1

Название селения	Количество овец		
Убинская			
	1841	1842	1843
Убинская	1004	843	760
Шемонаиха	724	724	794
Выдринская	688	597	597
Новошульбинская	573	722	598
Старо-Алейская	547	565	645
Новоалейская	403	403	317
Красноярская	369	369	355
Вавилонская	360	360	360
Екитерининская	354	354	426
Плоская	353	375	735
Жерновская	349	360	291
Кабанова	222	230	243
Бородулиха	167	110	118
Всего	6113	6012	6239
Бухтарминская			
	1845	1858	
Снегирева	121	106	
Тургусунская	109	252	
Крестовская	38	79	
Кондратьева	199	280	
Нарыгина	42	68	
Богарытева	180	304	
Соловьева	52	160	
Солоновская	205	165	
Огнева	74	135	
Хайрузовская	16	27	
Александровская	50	45	
Бородинская	96	157	
Мякотиха	0	0	
ИТОГО	1182	1778	

Приложение III

Количество мелкого рогатого скота из расчета на ревизскую душу и двор в крестьянских хозяйствах Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1838–1860 гг.

Таблица III.1 – Количество мелкого рогатого скота из расчета на ревизскую душу и двор в крестьянских хозяйствах Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостей в 1838–1860 гг.⁴¹⁹

Деревни	Мелкий рогатый скот (головы)			
	1841	1842	1843	1860
Усть-Каменогорская волость				
Солоновская	2,45	н/д	н/д	н/д
Красноярская на Иртыше	1,58	н/д	нет	н/д
Зевакина	1,53	н/д	1,71	н/д
Березовка	1,25	н/д	1,56	н/д
Глубокая	0,11	н/д	0,71	н/д
Прапорщикова	нет	н/д	0,37	н/д
По волости	0,93	н/д	0,63	н/д
Убинская волость				
Новошкульбинская	3,72	4,69	3,88	н/д
Вавилонская	2,95	2,95	2,95	н/д
Убинская	2,73	2,29	2,07	н/д
Бородулиха	2,65	1,75	1,87	н/д
Жерновская	2,42	2,5	2,02	н/д
Выдринская	2,31	2,01	2,01	н/д
Красноярская на Убе	2,17	2,17	2,09	н/д

⁴¹⁹ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа

Продолжение таблицы Ш.1

Деревни	Мелкий рогатый скот (головы)			
	1841	1842	1843	1860
Кабанова	1,79	1,85	1,96	н/д
Новоалейская	1,56	1,56	1,23	н/д
Плоская	1,54	1,64	3,22	н/д
Екатерининская	1,5	1,5	1,82	н/д
Шемонаиха	1,39	1,39	1,52	н/д
Старо-Алейская	1,33	1,37	1,57	н/д
По волости	1,97	1,94	2,02	н/д
Крутоберезовская волость				
Ульбинская	н/д	2,29	2,06	2,28
Верхнеубинская (Лосиха)	н/д	1,67	1,99	1,34
Черемшанка	н/д	1,66	1,41	1,71
Малая Убинка	н/д	1,2	1,16	0,73
Секисовская	н/д	1,08	1,53	0,68
Быструха	н/д	1,04	1,04	0,84
Поперечная	н/д	0,81	1,29	0,82
Бутакова	н/д	0,4	0,73	0,45
Тарханская	н/д	0,06	0,04	0,26
Большереченская (Большая Речка)	н/д	нет	5,66	0,81
Бобровка	н/д			
Стрежная	н/д			0,65
Волчанская	н/д			0,12
Орловская	н/д			0,87
По волости	н/д	0,55	1,02	0,88

Приложение III

Обеспеченность крестьян ульями на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838–1860 гг.

Таблица III.1 – Обеспеченность крестьян ульями на ревизскую душу и двор в Усть-Каменогорской, Убинской, Крутоберезовской волостях в 1838-1860 гг.⁴²⁰

Деревни	Количество ульев на 1 ревизскую душу				
	1841	1842	1843	1844	1860
Усть-Каменогорская волость					
Прапорщикова	0,92	н/д	3	2,77	н/д
Глубокая	1,49	н/д	3	1,77	н/д
Красноярская на Иртыше	1,57	н/д	1,66	1,79	н/д
Березовка	0,96	н/д	0,89	1,02	н/д
Зевакина	1,47	н/д	0,78	1,67	н/д
Солоновская	9,84	н/д	н/д	н/д	н/д
По волости	2,15	н/д	2,14	1,6	н/д
Убинская волость					
Выдринская	2,05	1,66	1,66	н/д	н/д
Убинская	0,76	0,86	1,15	н/д	н/д
Красноярская на Убе	нет	нет	нет	н/д	н/д
Вавилонская	нет	нет	нет	н/д	н/д
Шемонаиха	0,62	0,62	0,62	н/д	н/д
Екатерининская	1,21	0,28	0,56	н/д	н/д
Старо-Алейская	0,49	нет	0,45	н/д	н/д
Плоская	0,68	0,67	2,71	н/д	н/д
Новоалейская	1,67	1,67	1,48	н/д	н/д
Кабанова	нет	нет	6,25	н/д	н/д
Новошульбинская	нет	нет	нет	н/д	н/д
Жерновская	нет	нет	нет	н/д	н/д
Бородулиха	0,4	0,4	нет	н/д	н/д
По волости	0,75	0,58	1,08	н/д	н/д

⁴²⁰ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27.

Продолжение таблицы Щ.1

Деревни	Количество ульев на 1 ревизскую душу				
	1841	1842	1843	1844	1860
Крутоберезовская волость					
Верхнеубинская (Лосиха)	н/д	6,15	7,8	8,08	8,8
Малая Убинка	н/д	10,19	8,65	3,96	9,79
Быструха	н/д	25,11	24,46	21,52	43,49
Бутакова	н/д	5,53	6,9	3,87	4,85
Большереченская (Большая Речка)	н/д	7,59	нет	1,69	6,05
Бобровка	н/д	4,95	5,17	4,84	4,66
Ульбинская	н/д	1,98	0,74	2,34	6,21
Тарханская	н/д	4,82	6,46	4,41	5,79
Поперечная	н/д	10,63	8,82	10,69	15,54
Черемшанка	н/д	6,86	7,08	8,46	11,73
Секисовская	н/д	9,53	9,64	6,92	7,31
Стрежная	н/д				13,8
Волчанская	н/д				6,34
Орловская	н/д				4,34
По волости	н/д	4,38	3,98	3,48	8,35

Приложение Э

Развитие пчеловодства в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей

Таблица Э.1 – Развитие пчеловодства в населенных пунктах Крутоберезовской, Усть-Каменогорской, Убинской волостей ⁴²¹

Название селения	Количество ульев			
Крутоберезовская				
	1842	1843	1844	1860
Секисовская	4996	5052	3627	5255
Быструха	3214	3155	2776	6958
Малая Убинка	3199	2715	1246	4905
Бобровка	2820	2947	2759	3525
Верхнеубинская (Лосиха)	2768	3515	3635	6342
Большереченская	1874	нет	420	2197
Бутакова	1367	1718	978	1762
Черемшанка	1159	1197	1430	3285
Тарханская	1100	1472	1005	1997
Ульбинская	763	283	900	3099
Поперечная	510	600	513	1663
Стрежная	-	-	-	704
Орловская	-	-	-	356
Волчанская	-	-	-	260
Всего	23770	22654	19289	42308
Усть-Каменогорская				
	1841	1843	1844	1859
Глубокая	805	1623	954	3680
Красноярская	691	730	349	4120
Прапорщикова	304	997	919	870
Зевакина	265	140	300	630
Березовка	234	218	250	550
Солоновская	1821	-	-	-
Всего	4120	3708	2772	9850

⁴²¹ ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 158 ; ГААК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 14 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21 ; ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 27 ; Русаков К. В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 279, 281-283.

Продолжение таблицы Э.1

Название селения	Количество ульев		
Убинская			
	1841	1842	1843
Выдринская	611	496	496
Новоалейская	432	432	382
Шемонаиха	325	325	325
Екитерининская	286	65	131
Убинская	280	315	425
Старо-Алейская	201	0	187
Плоская	155	153	617
Бородулиха	25	25	0
Кабанова	0	0	775
Красноярская	0	0	0
Вавилонская	0	0	0
Новошкульбинская	0	0	0
Жерновская	0	0	0
Всего	2315	1811	3338
Бухтарминская			
	1845	1858	
Снегирева	781	2377	
Тургусунская	210	2003	
Крестовская	529	1366	
Кондратьева	1113	2293	
Нарыгина	580	539	
Богарытева	1350	1965	
Соловьева	476	1325	
Солоновская	1610	5624	
Огнева	413	927	
Хайрузовская	780	1121	
Александровская	390	866	
Бородинская	423	1043	
Мякотиха	355	807	
ИТОГО	9010	22256	

Приложение Ю

Продажа продуктов крестьянами Крутоберезовской и Чарышской волостей за август 1830 года

Таблица Ю.1 – Продажа продуктов крестьянами Крутоберезовской и Чарышской волостей за август 1830 года⁴²²

Продукты		Число голов	пуды	фунты	Цена за единицу		Общая стоимость	
					руб.	коп.	руб.	коп.
Крутоберезовская волость								
Мука	ржаная		128		1	10	140	
			326		1	20	391	20
			75		1	30	27	50
	пшеничная		80		1	75	140	
			32		1	80	57	60
			20		1	90	38	
			18		2		36	
Рожь			58			90	52	20
			318		1		318	
крупы	ячневая		8		1	40	11	20
			9		1	50	13	50
	просо		7		1	60	11	20
			6		1	80	10	80
овес			12			87	5	44
	6 четвертей по 5 ½ пудов				5		30	
Ячмень					5	70	17	10
Горох			6			90	5	40

⁴²² Список с представлением ведомости о продаже жизненных припасов // Ф. 2.Оп.1.Д.8055. Л. 294–295.

Продолжение таблицы Ю.1

Продукты		Число голов	пуды	фунты	Цена за единицу		Общая стоимость	
					руб.	коп.	руб.	коп.
Солод	ячневый		3 ½		2		7	
	ржаной «мягкий»		2		2	10	4	
Мясо свежее			12		1	20	14	
			22		1	40	30	
Масло коровье			11	20	9		103	
Сало			8		3	80	30	
Рогатый скот		6		90	От 18		116	
Мед			242		7		1694	
			104		7	30	759	
Итого							4.134	64
Чарышская волость								
Мука	ржаная		60		1	50	60	
	пшеничная		40		1	75	60	
Масло коровье			25		5		143	75
Сало топленое			3		5		15	
Мед			8		7		56	
Итого							334	75
Итого по двум волостям							4469	39

Приложение Я

Продажа крестьянами волостей Верхнего Прииртышья продуктов в 1849 г.

Таблица Я.1 – Продажа крестьянами волостей Верхнего Прииртышья продуктов в 1849 г.⁴²³

Продукты		Цена	По волостям		
			Убинская	Усть-Каменогорская	Крутоберезовская
Мука	пшеничная	руб.			
		коп.	60	58	61
	ржаная	руб.			
		коп.	50	50	56
Крупа ячневая		руб.			
		коп.	50	52	56
Овес		руб.			
		коп.	20	21	21
Горох		руб.			
		коп.	61	58	61
Говядина свежая		руб.	1	1	1
		коп.	20	10	15
		руб.	1	1	
		коп.	90		95
сычуги		руб.			
		коп.	6	7	5
студень		руб.			
		коп.	15	15	14
смолость		руб.			
		коп.	17	17	16
языки		руб.			
		коп.	8	6	8
головы		руб.			
		коп.	10	10	8
свинина		руб.	1		
		коп.	80		
Баранина		руб.	1	1	
		коп.	10	20	
Рыба (щука)		руб.	1		
		коп.	19		
Масло коровье		руб.	4	4	4
		коп.	20	90	60

⁴²³ Ведомость, составленная Убинским Земским Управителем о продаже крестьянами Убинского Отделения Жизненных припасов за январь месяц 1849 года // ГААК Ф.2. Оп.1. Д. 8782. Л. 16–17.